

Сборник статей

*Всероссийской научно-практической конференции, посвященной
100-летию со дня расстрела царской семьи*

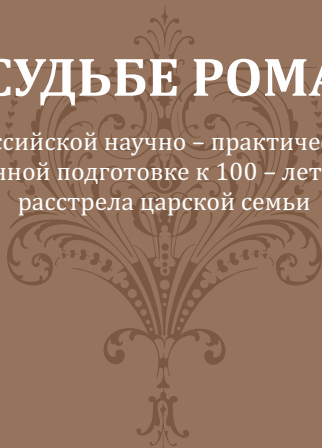
УРАЛ В СУДЬБЕ РОМАНОВЫХ

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский государственный экономический университет
Музей истории Екатеринбурга

УРАЛ В СУДЬБЕ РОМАНОВЫХ

Материалы Всероссийской научно – практической конференции,
посвященной подготовке к 100 – летию со дня
расстрела царской семьи

Екатеринбург
2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МУЗЕЙ ИСТОРИИ
ЕКАТЕРИНБУРГА

Рекомендовано редакционно – издательским советом Уральского
государственного экономического университета

Редакционная коллегия

канд. ист. наук К.И. Зубков, д-р ист. наук Е.Ю. Рукоусев,
д-р ист. наук В.Г. Благодатских, д-р ист. наук А.В. Трофимов,
канд. филол. наук Р.В. Краснов

Рецензенты

доктор исторических наук О.С. Поршнева
кандидат исторических наук Г.Н. Шумкин

Ответственные за выпуск:

Р.В. Краснов, М.С. Кырчиков

Урал в судьбе Романовых: материалы Всероссийской научно – практической конференции, посвященной 100 – летию со дня расстрела царской семьи. Екатеринбург, 25 октября 2017 г. – Екатеринбург: Изд – во «Союзрегионторг», 2017. – 166 стр.

Сборник содержит статьи участников Всероссийской научно – практической конференции «Урал в судьбе Романовых», организованной 25 октября 2017 г. Уральским государственным экономическим университетом. Авторами анализируются теоретико – методологические и конкретно – исторические аспекты истории России и Урала, прежде всего в контексте исследования процессов российской общественной, политической, экономической, культурной жизни рубежа XIX – начала XX вв., в т.ч. на примере Уральского региона, роли института монархии, проблематике Революции 1917 г. проведены изыскания в области сюжетов пребывания представителей династии Романовых и их окружения на Урале в 1917 – 1918 гг., обозначены новые векторы и направления в исторических исследованиях. Публикация рассчитана на историков, культурологов, философов, экономистов, политологов, краеведов.

Издание сборника осуществлено при поддержке Министерства образования и науки РФ на средства, полученные в результате конкурса программ развития деятельности студенческих объединений образовательных организация высшего образования (ПРДСО 2017)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Урал в судьбе Романовых. Научно – практическая конференция	
Силин Я.П. Приветственное слово	5
Креков П.В. Приветственное слово	6
Митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл. Приветственное слово	7
Капустин А.А. Приветственное слово	8
Майоров В.Н. Нравственные основы реформ Николая II	10
Зубков К.И. Самодержавие и модернизация: о предпосылках Великой русской революции 1917 г.	17
Неуймин Н.Б. Последний дворец последнего царя	25

Россия и Урал в царствование императора Николая II.

Куликов С.В. Был ли консерватором Николай II? Политические взгляды самодержца и его политический ритуал	33
Рукоусев Е.Ю. Цветная и горнодобывающая промышленность Урала в конце XIX – начале XX вв.	49
Сидоренко Н.С. Воздействие Первой мировой войны на восприятие института монархии	58
Огоновская И.С. Об ответственности императора Николая II за револю- ционные события Февраля 1917 г.: взгляд авторов школьных учебников отечественной истории 1930 – 2010 – х гг.	64
Голикова С.В. Общественно – политическое движение за всеобщее начальное обучение накануне революций	74
Начапкин М.Н. Оценка личности и правления императора Николая II, упущенных возможностей реформирования России в дневнике консерва- тивного журналиста М.О.Меньшикова	83
Князев В.М. О методологии познания России	92
Сосунова А.В. Научные экспедиции на Урал Правительства Николая II на примере Билимбаевской дачи Строгановых (конец XIX в.)	99

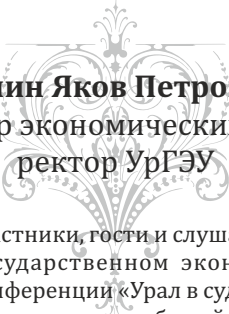
Урал в вихре Гражданской войны

Вебер М.И. Где было принято решение о расстреле царской семьи – в Москве или в Екатеринбурге?	104
Трофимов А.В. Концепт «Великая российская революция» в современ- ной историографии	109

Печерин А.В. Эволюция политических взглядов духовенства Русской Православной Церкви на события 1917 г. (на примере Уральского региона)	114
Каримова Н.С. К вопросу о историчности и внеисторичности иконографии образа царственных страстотерпцев	119
Танаев В.М. Великая русская революция как кризис	126
Кырчиков М.С. Уральская область (1917 – 1919 гг.): роль областных объединений Советов в реформировании регионального управления России	130

Исследования «екатеринбургских останков»: дискуссии и противоречия / Романовы и их окружение на Урале в 1917 – 1918 гг.: судьбы и исторические исследования

Курлаев Е.А. Поиск останков членов семьи Романовых на Старой Коптяковской дороге в 1992 – 1997 гг.	138
Вебер М.И. «Ни Царских Тел, ни их останков, ни в кострах, ни в шахтах обнаружено не было»: доклад подполковника И.А. Бафталовского о поисках останков царской семьи	145
Павлова Н.А. Пребывание в г. Перми и трагическая гибель Н.Н. Жонсона в документах ПЕРМГАСПИ	158
Автаев А.В. Встреча прадеда с Великим князем Михаилом Романовым	163

Силин Яков Петрович
Доктор экономических наук,
ректор УрГЭУ

Уважаемые эксперты, участники, гости и слушатели! Мы рады приветствовать вас в Уральском государственном экономическом университете на научно-практической конференции «Урал в судьбе Романовых», посвященной грядущему 100-летию трагических событий, произошедших в Екатеринбург с царской семьей.

Исторически Свердловская область тесно связана не только с судьбой последнего императора Николая II, но и с правлением всей династии Романовых. В 1723 г. по указу Петра I был пущен Екатеринбургский завод – этот год мы считаем началом истории нашего города. В сентябре 1824 г. Екатеринбург посетил император Александр I и провёл в городе несколько дней. Он разместился в усадьбе Расторгуева-Харитонова. Это было первое в истории посещение города главой государства. В мае 1837 г. Екатеринбург почтил своим визитом Александр Николаевич, наследник престола, будущий император Александр II.

В этом году исполнилось ровно 100 лет с момента Октябрьской революции, в результате которой к власти в России пришли Советы. В тот же день советская власть была установлена в Екатеринбурге. После начала Гражданской войны встал вопрос об эвакуации царской семьи. Весной 1918 года руководство Советской республики приняло решение перевезти Романовых в Москву. Однако Уральский совет воспротивился этому решению. Так Николай, Александра Федоровна и Мария прибыли в Екатеринбург 30 апреля 1918 года. Позднее к ним присоединились остальные члены семьи. Их разместили в доме инженера Ипатьева на Вознесенском проспекте. Всего через два с половиной месяца произошли трагические события: Уральский совет принял решение о казни всей семьи, и этот приговор приведен в исполнение в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. На следующий день после казни семьи Николая II были убиты другие члены дома Романовых в городе Алапаевске.

Какими бы ни были причины революции, гражданской войны, роль императора в этих событиях, смерть его и его семьи остаётся трагической страницей в истории нашего города, региона и страны. Отголоски этих событий мы слышим до сих пор, и сейчас, в год 100-летия революции, и в преддверии 100-летия екатеринбургского расстрела, они становятся всё сильнее. Ни в науке, ни в среде специалистов правоохранительных органов, ни в обществе нет единства относительно взгляда на эти события, и споры на этот счет возникают всё чаще.

Сегодняшняя конференция не ставит своей целью снять все вопросы. Цель конференции – выявить роль Уральского региона в судьбе Романовых, а также на примере Урала осветить социальные, политические, экономические, культурные и юридические факторы, повлиявшие на дальнейшую историю нашей страны. Уважаемые участники, прошу считать научно-практическую конференцию «Урал в судьбе Романовых» открытой!

Креков Павел Владимирович

Заместитель Губернатора Свердловской области

Добрый день, дорогие друзья, уважаемый Яков Петрович, все присутствующие!

В первую очередь я вас хотел бы поприветствовать от имени губернатора Свердловской области Евгения Владимировича Куйвашева. Поблагодарить за то, что здесь, в стенах Экономического университета проходит этот очень интересный, это, как минимум, а, наверное, все-таки, еще и нужный разговор.

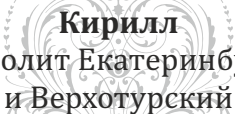
Потому что, действительно, история нашего государства полна эпизодами порой и противоречивыми, порой и трагическими, великими. У нас выдающаяся история и, как минимум, мы ее должны знать и осмысливать. И, если говорить о предмете сегодняшнего разговора, который, по большому счету, еще, наверное, будет реализовываться впереди, то, в первую очередь, мне бы хотелось, конечно, сказать о том, что все-таки мы должны, в том числе в нашем прошлом, искать то, что наше общество объединяет и делает монолитным. А это, безусловно, как минимум, знание этого самого прошлого и понимание того, что все произошедшее – это действительно своего рода назидание, и те социальные потрясения, которые происходили на рубеже XIX–XX веков, а, по сути, речь идет о целой эпохе социальных революций, как это часто классифицируется историками.

Помимо прочего, все это свидетельствует о том, что любые преобразования, любые реформы, любое движение вперед должно быть все-таки обусловлено определенной исторической преемственностью. И должно содержать безусловно позитивный заряд.

К сожалению, очень многое, чего удалось достичь Российской Империи на протяжении столетий, подверглось, так сказать, значительно существенному уменьшению как раз в период, когда происходила эта самая эпоха социальных революций, многое было утеряно. Впоследствии, правда, многое было восстановлено, но действительно абсолютно полноценные уроки нам есть из чего извлечь, и, тем более, что Екатеринбург, Урал с этими событиями, как уже только что говорил Яков Петрович, связан непосредственно. Это отражается на нас и сегодня, и та трагическая развязка, которая произошла здесь в доме Ипатьевых, символизирует целую цепь событий, о которых, наверное, сегодня тоже пойдет разговор. И как раз для извлечения уроков, для понимания каких-то особенностей сегодняшнего дня в том числе, это, наверняка, очень важно.

Я хочу всем вам пожелать интереса. Я надеюсь, что мы услышим не только интересную информацию, но и достаточно заслуживающие внимания интерпретации. И я очень надеюсь на то, что это будет нужно, скажем так, соиздательно нужно. И принесет пользу и нашему региону, и тем конкретным людям, в том числе, получающим образование, которые в этом регионе живут.

Спасибо, всего вам доброго.

Кирилл Митрополит Екатеринбургский и Верхотурский

Уважаемый Яков Петрович, уважаемые участники и гости конференции, дорогие друзья! Сердечно рад приветствовать всех на межрегиональной научно-практической конференции, посвященной подготовке 100-летия со дня расстрела царской семьи «Урал в судьбе Романовых».

Грядущий 2018 год – год столетия трагических страниц истории нашего Отечества. Это не только известные события в Ипатьевском доме, но и гибель многих невинных людей, среди которых большое число духовенства. Среди 72 святых, входящих в Собор Екатеринбургских Святых, 56 приняли мученическую смерть именно в 1918 году.

Историческая память хранит не только великие достижения и победы, но и печальные события. И последнее, в каком-то смысле, важнее, потому, как учит нас видеть свои ошибки. Память о трагедиях может позволить избежать их в будущем. Революционные события, конечно, стали следствием множества причин, сложных, во многом еще требующих научной и общественной дискуссии. И даже, вернее, диалога, попытки понять и определить главное.

Часто мы слышим о том, что история – учительница жизни. Но все ли мы ее уроки усваиваем? Перед теми, кто восстанавливает, реконструирует нашу историю тоже лежит большая ответственность за точность. Ибо мифотворчество ведет к тому, что учительницей нашей может стать лжеистория, и мы вновь можем наступить на грабли исторического бытия.

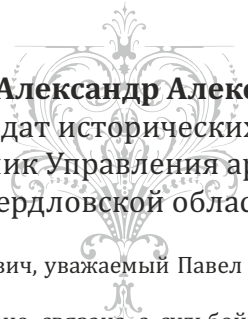
Екатеринбургская Епархия прилагает много сил в сохранении исторической памяти, популяризации истории. Совсем недавно при поддержке Екатеринбургской Епархии было открыто Екатеринбургское отделение исторического парка «Россия – моя история». А на днях Екатеринбургской Епархией запущен интернет-портал царская-семья.рф, посвященный 100-летию подвига царской семьи. На сайте этом нет оценочных суждений, только живая речь эпохи: фотографии, дневники и письма.

2018 год – год не только печального юбилея, но и героической страницы истории, потому, как в те трудные годы нажились люди, для которых ценнее всего была правда и истина, ценнее всего был Христос. И 1918 год – это год первой волны гонения на русскую церковь, начало сонномучеников и исповедников, которые, как прекрасные цветы, украшают нашу церковь. И святой царь Николай со своей семьей разделил этот путь с самыми достойными русскими людьми, кровь которых будет проливаться и позднее.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы, интересного общения, которое бы обогатило всех не только и не столько новыми знаниями, сколько новыми смыслами, новым прочтением фактов нашей истории.

И закончить хотелось бы словами царя Николая Александровича «Благослови, Господи, Россию и всех нас миром, тишиной и благочестием».

С пожеланиями успехов в работе форума, Кирилл, митрополит Екатеринбургский и Верхотурский.

Капустин Александр Александрович
Кандидат исторических наук,
начальник Управления архивами
Свердловской области

Уважаемый Яков Петрович, уважаемый Павел Владимирович, уважаемые коллеги!

Судьба Урала неразрывно связана с судьбой императорской фамилии, не только Николая II, но и предстоящих его императоров. Вы знаете, что зарождение Урала как промышленной державы регулировалось и направлялось указами императора Петра I и дальнейших императоров. Зарождение казённой промышленности на Урале, зарождение частного государственного партнерства – это не придумка новых наших исследователей, это все уже было давно апробировано в истории: и частное предпринимательство, развитие промышленности, развитие многих сторон жизни, в том числе высшей школы. По указу императора Николая II в 1914 году был создан здесь первый ВУЗ на Урале. Это Горный институт. Очень многое было связано с царской фамилией: не только их визиты, но и истории суждено было распорядиться так, чтобы последний свой час и Михаил Александрович, и Николай Александрович, и члены императорской семьи в Алапаевске вновь встретили свою ночь с крючком именно здесь, на Урале. Я бы не хотел, чтобы история России и история царской семьи ассоциировалась только с печальной гибелью императорской династии здесь. Очень многое, еще раз хочу сказать, связано с императорской фамилией на Урале, и нам предстоит все это дело еще и изучать.

Что касается гибели. Казалось бы, написано огромное количество книг, снято огромное количество фильмов. Самых разных: и исторических, и документальных, художественных, игровых. Прошло огромное количество конференций, но, тем не менее, споры продолжаются. И как им не продолжаться, если следствие по делу гибели семьи императора Николая II до сих пор не закончено.

Вот в 2013 году, когда мы отмечали четырехсотлетие династии Романовых, на Урале состоялась очень интересная выставка «Гибель семьи императора Николая II: следствие длиной в век».

И, пользуясь случаем, я хочу еще раз, Яков Петрович, поблагодарить лично Вас за Ваше большое дело, за Ваш большой вклад, который вы внесли в эту выставку, организацию этой выставки. Яков Петрович служил тогда вице-губернатором Свердловской области и, прямо хочу сказать, если бы не его усилия, если бы не его энергия, если бы не его настойчивость, то эта выставка могла бы не состояться. Еще раз, Яков Петрович, огромное Вам спасибо.

А мы продолжаем эту работу, мы намерены публиковать многие документы о царской семье, о гибели царской семьи. Вы знаете, что сейчас заканчивает работу очередная, я надеюсь, это будет последняя, комиссия. Она уже не только правительственная, она общественно-правительственная комис-

сия по расследованию обстоятельств гибели царской семьи, куда входят в том числе представители Русской православной церкви, входят ученые, исследователи, общественные деятели. Мы надеемся на то, что, если не в этом году, то, по крайней мере, в 2018 году окончательная точка в решении этой комиссии будет поставлена. Я не думаю, что споры прекратятся после этого, скорее всего, они будут продолжаться, потому что слишком разная оценка в умах наших с вами сограждан, слишком разную оценку вызывают вот эти самые обстоятельства, обстоятельства, предшествующие гибели членов императорской семьи и последующие за ними события.

Многие вещи, многие документы хранятся в наших архивах, я не оговорился, вещи действительно доказательства деятельности и пребывания здесь царской семьи. В библиотеке я здесь вижу Ольгу Дмитриевну Опарину, директора нашей государственной библиотеки им. Белинского, и там тоже очень много находится материалов и книг, очень много материалов находится в музее. Я не могу сказать, что, вот меня недавно спросили: «Что-то новое мы можете выдать?». Да все уже известно, все уже есть. Вопрос только в том, чтобы изучать, внимательно изучать эти документы. Вот когда Яков Петрович меня пригласил сюда, я попросил архив дать мне справку: как часто обращаются к документам архивным нашим следователи. Я вам хочу сказать: очень редко. Во многих документах вообще нет записи о том, что их исследователи их читали.

И вот ответьте мне на такой вопрос: как можно выстраивать концепцию, как можно выстраивать какую-то логическую линию, делать какие-то выводы, не обращаясь к первоисточникам?

Я бы хотел призвать вас посещать архивы, посещать библиотеки. Когда говорят, что мы закрыты – нагло врут. Мы не закрыты, мы открыты. Приходите и читайте. Нам очень часто наша амебность мешает познавать наш мир, нашу историю.

Я хочу пожелать вам от имени всего архивного сообщества успехов, хочу сказать, что мы рады будем видеть вас в наших архивах. И от Ольги Дмитриевны хочу сказать, что и в библиотеке тоже, потому что мы активно сотрудничаем.

Приходите, читайте, думайте, изучайте и делайте выводы. Спасибо.

Майоров Владислав Николаевич
Военный журналист, полковник запаса.

Нравственные основы реформ Императора Николая II

Выдающиеся результаты реформ, проведенных Императором Николаем II в короткий исторический срок, не были следствием предельного напряжения и истощения жизненных сил народа, репрессий, усиления государства за счет ограничения политических свобод, тотального обнищания людей. Их огромную жизненную силу питали нравственные основы христианской веры, опора на творческий талант русского народа, продуманные меры государственной поддержки преобразований.

При этом нельзя забывать о том, что реформы осуществлялись в условиях нарастания революционного террора в России. Только в 1905–1917 годах от рук террористов погибли более двадцати тысяч государственных служащих, видных военачальников и руководителей МВД, высокопоставленных чиновников различных министерств и ведомств. Активное противодействие Императору Николаю II оказывали многие представители правящих кругов, Государственной Думы и даже отдельные члены правительства. Радикальные направления русской литературы, ослабление религиозного чувства в русском народе тоже подготовили тот духовный крах, который привел к катастрофе 1917 года.

В этих условиях определяющими стали нравственное мужество Государя, его способность к длительной, последовательной работе во благо России и народа. Будучи наследником Российского Престола, Николай Александрович получил глубокие знания в области экономики, финансов, управления государством. Его познания в военном деле были на уровне лучших выпускников элитной Академии Генерального штаба. Он был блестящим знатоком русской истории и истории международных отношений. Преподавателями и наставниками будущего Императора были ученые мирового уровня, выдающиеся государственные деятели эпохи. Это во многом предопределило продуманность, последовательность всех преобразований. Император Николай II не только был инициатором реформ, но и неуклонно осуществлял их организационное, законодательное, финансовое, кадровое обеспечение.

При этом правительство Императора Николая II никогда не допускало напыщенной риторики и самовосхваления в свой адрес. Напротив, оно критически оценивало недостатки в проведении реформ и преобразований. Русская статистика была одной из передовых в мире. Данные статистико-документальных справочников Императорской России отражали реальную картину экономической жизни страны, недостатков в социальной сфере, образовании, здравоохранении. Это было принципиальным и неуклонным требованием Государя, который всегда смотрел правде в лицо и не уходил от ответственности за принятые решения, недостатки и просчеты. В краткой форме изложим результаты реформ Императора Николая II в 1894–1917 годах.

Экономические реформы

Россия в эпоху правления Императора Николая II вышла на первое место в мире по темпам экономического роста.

Результатом денежной реформы, проведенной в 1895–1897 годах, стала конвертируемая валюта, занявшая лидирующее положение на мировом валютном рынке. Была создана устойчивая банковская система. Золотой запас России увеличился в 2,5 раза. Государственный бюджет вырос почти на 300 процентов.

Аграрная реформа, идейным инициатором которой был Император Николай II, вывела страну на первое место в мире по производству и экспорту зерна, муки, сахара, льна, яиц, продукции животноводства. Государь уравнил крестьян в гражданских правах с лицами остальных сословий. В короткий исторический срок на надельных землях было создано около 2 миллионов крепких хуторских и отрубных хозяйств. В Сибири было отграничено 37 млн 441 десятина для наделов, на которые добровольно прибыли 3,8 млн переселенцев. В Алтайском крае на личные средства Государя для переселенцев были построены дороги, народные школы, больницы. Население Сибири выросло вдвое. Сибирское масло и яйца экспортировались в Европу. Началась масштабная механизация сельского труда. Государство выделяло огромные средства на оказание агрономической помощи населению.

В царствование Николая II созданием топливной отрасли и машиностроения с развитием горно-металлургической отрасли завершилось формирование отраслевой структуры Российской промышленности. Россия заняла одно из лидирующих позиций в мире по добыче нефти, угля, платины, асбеста. Выплавка стали, чугуна, меди увеличилась в пять раз. Производительность труда выросла в четыре раза. В Российской Империи были созданы такие новые отрасли, как автомобильная, авиационная, химическая, электрическая промышленность и электроэнергетика. Второе рождение пережили металлургия и судостроение. К 1914 году в стране было 27 566 промышленных предприятий. Россия в паровозостроении, теплоходостроении и самолетостроении, производстве дизель-моторов вышла на первое место в мире в применении научно-технических новаций к серийному производству. В 1913 году в России было произведено 5,3 % промышленной продукции мира.

По решению Николая II к 1915 году была сформулирована Стратегия электрификации России, ставшая впоследствии основой известного плана ГОЭЛРО. Но уже к 1914 году в стране было сооружено 220 электростанций и гидроэлектростанций, на Северном Кавказе создана первая в мире энергосистема. Производство электроэнергии ежегодно росло на 20–25 %. Россия стала новатором в создании нефтепроводов, танкерного флота, перевозке нефтепродуктов в железнодорожных цистернах, была ведущим экспортером смазочных масел в Европе.

В период правления Императора Николая II в стране было построено 35 тысяч километров железных дорог. Под руководством Государя было осуществлено сооружение крупнейшей в мире Транссибирской магистрали протяженностью 7 416 км. По его решению построена самая северная в мире

Мурманская железная дорога, имевшая стратегическое значение в ходе двух мировых войн. Пассажирские тарифы в России оставались самыми низкими в мире. В годы царствования Николая II началось масштабное развитие северных и дальневосточных водных путей сообщения. Россия создала первый в мире ледокольный флот. Государь уделял большое внимание развитию всех видов связи. Число почтовых учреждений выросло в 4,5 раза, абонентов телефонной связи более чем в 200 раз. Общая длина телеграфных линий составила около 230 тысяч км.

К 1917 году Россия прочно вошла в пятерку наиболее развитых в экономическом отношении стран мира.

Социальные преобразования

Последовательные реформы Императора Николая II в области народного образования, здравоохранения, развития спортивного движения, поддержка благотворительности и меценатства привели к реальному улучшению жизни людей.

Именно в России впервые в мировой практике медицинское обслуживание населения стало доступным и бесплатным. Император Николай II поддержал внедрение территориальной участковости. Врачебный участок стал уникальной формой организации медпомощи сельскому населению. В России сложилась система думских врачей, которая стала первым в Европе опытом оказания общедоступной помощи городскому населению. Император Николай II мерами государственной поддержки и совершенствования законодательства способствовал становлению в России фабрично-заводской медицины, которая была передовой в мире. К 1913 году доступным медобслуживанием были охвачены 1 млн 762 тыс. российских рабочих. В царствование Николая II было достигнуто резкое снижение частоты эпидемий тяжелых инфекционных заболеваний. Во всем мире было признано лидерство русской научной школы в области психиатрии, хирургии, физиологии.

Император Николай II осуществил самую масштабную и выдающуюся реформу народного образования в истории России. Расходы на народное образование в годы его правления выросли в 8 раз. С 1904 года первоначальное обучение было бесплатным по закону, а с 1908 года оно сделалось обязательным. В России ежегодно открывалось около 10 народных школ. К 1914 - му в России насчитывалось более 11 миллионов учащихся. К 1917 году 86 % российской молодежи умели читать и писать. За годы правления Николая II в 2,5 раза увеличилось количество высших учебных заведений в России, было открыто 4 новых университета, 16 технических вузов, создана система сельскохозяйственного и коммерческого образования. По количеству девочек и девушек, обучающихся в гимназиях и вузах, Россия занимала первое место в Европе. К 1914 году 49,7 % студентов университетов составляли дети мещан, купцов, крестьян, казаков. Достойным был социальный статус педагога.

Именно в царствование Николая II в России зародилось спортивное движение, возникло 1235 спортивных обществ и клубов. В 1894–1914 годах состоялись первые чемпионаты России по велоспорту, гимнастике, боксу, тяжелой атлетике, стрельбе, автоспорту, академической гребле, шахматам,

хоккею и конькобежному спорту. Указами Николая II в 1911 году был образован Олимпийский комитет России, в 1913 году – Канцелярия главного наблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской Империи. Государь стал инициатором первых в России олимпиад, которые прошли в 1913–1914 годах в Киеве и Риге. Решением Николая II в 1566 гимназиях была введена гимнастика как учебная дисциплина.

В годы правления Императора Николая II важнейшим инструментом социальной политики стали благотворительность и меценатство. Пожертвования членов Императорской фамилии составляли треть всех расходов – единственный пример в мировой истории. Представители Дома Романовых содержали 903 детских приюта, 145 ночлежных домов, 213 богоугодных заведений, 234 учебных заведений, 199 больниц и медпунктов. Государь ежегодно направлял по 2 миллиона рублей на поддержку российского искусства. В годы Первой мировой войны Николай II и члены его семьи передали более 250 миллионов рублей личных средств на нужды раненых и помощь семьям погибших воинов.

Обновление государственного строя

Император Николай II осуществил реформу государственно-политического строя России, заложил основы правового государства.

Государь утвердил 17 октября 1905 года высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Право законодательствовать распределялось между монархом и законодательным органом – Государственной Думой. Манифест впервые в истории России провозглашал и предоставлял политические права и свободы. Манифест 24 февраля 1906 года установил основные принципы новой законодательной системы. В дореволюционной Государственной Думе первых четырех созывов 65 % депутатов были из среднего и низшего сословия.

Император Николай II указом от 1906 года наделил Государственный Совет законодательными функциями. К компетенции Госсовета было отнесено рассмотрение законопроектов, принятых Госдумой, а также вопросы внутреннего управления, внутренней и внешней политики в чрезвычайных обстоятельствах, рассмотрение бюджета страны.

Император Николай II 26 апреля 1906 года утвердил «Свод основных государственных законов Российской Империи» – фундаментальный законодательный акт, который укреплял основы обновляемого государственного строя.

Была осуществлена реформа Сената, результатом которой стало существенное влияние заинтересованных министерств на решения дел, в сенатское производство вводилось состязательное начало.

Император Николай II преобразовал фабричную инспекцию, установил ответственность предпринимателей за несчастные случаи на производстве: лечение, выплата пособий и пенсий. Законом от 2 июня 1897 года была ограничена продолжительность рабочего времени на предприятиях, защищен детский и женский труд. Пакет законов, утвержденный Николаем II в 1912 году, завершил создание лучшей в мире системы страхования рабочих.

Государь значительно расширил права органов местного самоуправления, утвердил законы о создании Камчатской области и Сахалинского губернаторства, о введении земского самоуправления в 9 губерниях Белоруссии и Правобережной Украины, в Оренбургской, Астраханской и Ставропольской губерниях, городского самоуправления в Новочеркасске.

Николай II успешно осуществил реформу Министерства юстиции. Специалистами этого ведомства в 1894–1897 годах были разработаны проекты законов об изменении порядка возбуждения вопросов об ответственности губернаторов, условном осуждении, дисциплинарный устав, регламентирующий наказание за служебные поступки, другие законопроекты.

В России была создана прогрессивная судебная система. Император Николай II 13 мая 1896 года утвердил закон о введении «Судебных Уставов» дополнительно в 21 губернии Российской империи. С 1899 года в судебных палатах вводится обязательное назначение защитника. В 1909 году был введен институт условно-досрочного освобождения. 15 июня 1912 года Николай II утвердил «Закон о преобразовании местного суда», который восстановил мировой выборный суд. Новым явлением стала административная юстиция – прототип нынешнего арбитража.

В 1884–1916 годах в Российской Империи было принято более 4 000 законов, определивших новое правовое поле.

Реформы государственных институтов

Император Николай II осуществил одну из самых эффективных военных реформ в истории России. Укрепление обороноспособности с проведением миролюбивой внешней политики позволило Российской Империи занять достойное место среди наиболее влиятельных мировых держав.

Император Николай II в 1905–1908 годах полностью реорганизовал управление Вооруженными Силами. Были образованы Совет государственной обороны, Морской Генеральный штаб, Высшая аттестационная комиссия, приняты новые уставы и наставления, упразднены слабые в боевом отношении резервные и крепостные войска, сформирована корпусная и полевая тяжелая артиллерия. Указами Императора создаются новые рода войск: подводные силы флота, Военно-Воздушные Силы, автомобильные части, значительно усилены инженерные и железнодорожные войска, войска связи. В 1913 году в состав Вооруженных сил входили 13 военных округов, 2 флота, 3 флотилии. В царствование Николая II большое внимание уделялось социальной защищенности солдат и офицеров, была изменена система подготовки офицерских кадров. Начальник Главного штаба Германской Империи генерал фон Мольтке в 1914 году так оценивал военную реформу: «Боевая готовность России со времени русско-японской войны сделала совершенно исключительные успехи и находится ныне на никогда еще не достигавшейся высоте».

Император Николай II принял на себя верховное главнокомандование Вооруженными Силами России в августе 1915 года, когда русская армия отступала. Под его руководством были развернуты 13 новых армий, успешно проведены Вильно-Молодеченская, Сарыкамышская, Карпатская, Эрзурумская стратегические наступательные операции. На Юго-Западном фронте

в 1916 году впервые в мире осуществлен прорыв глубокоэшелонированной позиционной обороны. Николай II обеспечил мобилизацию военной промышленности, которая в 1914–1917 годах произвела 3,3 млн винтовок, 11,7 тысяч орудий, 28 тысяч пулеметов, 4,6 тысяч минометов, 27 млн снарядов, 13,5 млрд патронов, 5 565 самолетов. Уинстон Черчилль так оценивал эти достижения: «Мало эпизодов Великой войны, более поразительных, нежели воскрешение, перевооружение и возобновленное гигантское усилие России в 1916 году».

Император Николай II непосредственно руководил внешней политикой России. Государь восстановил дипломатические отношения с Болгарией, Афганистаном, способствовал возвращению Франции в лоно великих держав, последовательно выступал за мирное разрешение балканского конфликта. «Россия будет прирастать Азией», – эти слова Государя определили направление русской геополитики. Николай II приступил к разработке «Большой Азиатской программы» – развитие Сибири и Дальнего Востока, экономическое сотрудничество с соседями по Азии. Покровительство России помогло сохранить Китаю как государству. Твердая позиция Государя заставила Японию отказаться от захвата Ляодунского полуострова, лишило ее контроля над Печилийским заливом.

По инициативе Императора Николая II в 1899 и 1907 годах были созданы I и II Гаагские конференции мира, положившие начало новой системе международных отношений. Был создан Гаагский международный суд. Русский царь впервые в мире выступил с инициативой ограничения вооружений, мирного урегулирования международных споров. Миротворческие идеи Николая II и сегодня составляют основу нормативных положений Устава ООН.

Список литературы

1. Авиация в России: справочник / М. В. Келдыш, Г. П. Свищев, С. А. Христианович [и др.]; редкол.: Г. С. Бюшгенс [и др.]. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Машиностроение, 1988. – 368 с.

2. Военная энциклопедия: в 8 томах / Председатель Главной редакционной комиссии Иванов С. Б. – М.: Воениздат, 2004.

3. Государственная Дума России: энциклопедия в 2 томах. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – Т. 1. Государственная Дума Российской империи (1906–1917 гг.). – 768 с.: ил.

4. Кравцова М. Воспитание детей на примере святых царственных мучеников / Марина Кравцова. – М.: Вече, 2013. – 208 с. – (Серия «Царский венец»).

5. Мирек А. Император Николай II и судьба православной России / Альфред Мирек. – М.: Издательство «Духовное просвещение», 2012. – 408 с.

6. Мультатули П. Внешняя политика Императора Николая II (1894–1917) / П. В. Мультатули. – М.: Издательство «ФИВ», 2012. – 840 с.: ил.

7. Ольденбург С. Царствование Императора Николая II / С. С. Ольденбург. – М.: «Феникс», 1998. – 576 с.

8. Отечественная история: энциклопедия в 5 томах / редкол.: Янин В. Л. (гл. ред.) [и др.] – М.: Большая российская энциклопедия, 1994. – Т. 1: А – Д. – 688 с.: ил.

9. Россия 1913 год: статистико-документальный справочник / Российская Академия наук ; Институт Российской истории; ред.-сост.: Анфимов А. М., Корелин А. П. – Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ»», Санкт-Петербург, 1995. – 415 с.

10. Россия в царствование Императора Николая II : колл. моногр. / под ред. Миняйло А. М., Ветошкина А. П., Сметанина В. А. – Екатеринбург: Уральский институт бизнеса, 2009. – 573 с.

11. Русская Православная Церковь. XX век / Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. [и др.] – М. : Издательство Сретенского монастыря, 2008. – 800 с. : ил.

12. Суник А. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков / Александр Суник. – 2-е изд., исправл. и дополн. – М. : Советский спорт, 2004. – 764 с. : ил.

13. Штейнбах В. Л. Большая олимпийская энциклопедия : в 2 томах / В. Л. Штейнбах. – М. : Олимпия Пресс, 2006. – Т. 1: А – Н. – 784 с. : ил. – Т. 2: О – Я. – 968 с. : ил.

14. Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.) : энциклопедия в 2 томах / руководитель проекта, отв. ред. Петров Ю. А. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008–2009. Т. 1. – 1470 с. : ил., Т. 2 – 1288 с. : ил.

Зубков Константин Иванович
Кандидат исторических наук,
доцент, ведущий научный сотрудник
Института истории и археологии УрО РАН
620880, Россия, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16
zubkov.konstantin@gmail.com

**Самодержавие и модернизация: о предпосылках
Великой русской революции 1917 г.**

Аннотация. В статье пересматриваются устоявшиеся представления о социально-политической сущности российского самодержавия и причинах Великой русской революции 1917 г. Раскрываются особенности самодержавия как абсолютистской военной империи, стремившейся совместить в своей политике цели поддержания традиционного социального порядка и цели индустриальной модернизации. Вызванный этим глубокий конфликт между формирующимся гражданским обществом и автократией лежал в основе начавшейся в феврале 1917 г. революции, которая, однако, в силу деформированного характера развития капитализма не привела к победе буржуазной альтернативы общественного развития. Сужающиеся возможности выхода из кризиса привели к власти большевиков, в политике которых вынужденно сочетались элементы передовой социальной теории и русского традиционализма. Статью резюмирует вывод о циклическом характере революционных кризисов в истории России.

Ключевые слова: Россия; самодержавие; империя; традиция; модернизация; конфликт; революция, капитализм.

Революционный кризис от Февраля к Октябрю 1917 г. – пожалуй, наиболее подробно – до дней и часов – изученный отрезок нашей истории, и, несмотря на это, объяснение социально-политического смысла революции, ее причин и значения в истории страны остается полным противоречий и загадок. Резкая смена идеологических ориентиров, имевшая место в начале 1990-х гг., в сущности, свелась к тому, что один упрощенный, догматический взгляд сменился прямо противоположным и не менее односторонним: из провозвестницы новой коммунистической эры в развитии человечества революция превратилась в фактор, обусловивший схождение страны в исторический тупик с единственно верной – либерально капиталистической – магистрали мирового развития. Обе концепции при столкновении со всем массивом исторических фактов «работают» плохо или вообще не «работают», поскольку берут за отправную точку в объяснении революции некую абстрагированную классическую модель – марксистскую или либеральную, в то время как революция 1917 г. представляла собой как раз неклассическое, цивилизационно-самобытное явление, органично связанное со всем ходом русского исторического процесса и вытекавшее из его противоречий.

При внимательном рассмотрении революция 1917 г., в самом деле, полна парадоксов, которые есть смысл кратко обозначить.

Во-первых, и многочисленными критиками революции, и ведущими учеными-историками отмечалось, что революция 1917 г. удивительным образом сочетала в себе трудно совместимые вещи: она породила мощный модернизационный рывок, изменивший в короткий исторический срок лицо страны, открывший ее народу новые возможности в экономике, науке и культуре, но в то же время некоторые ее последствия носили откровенно антимодернистский характер, особенно в политической, социально-ментальной, духовной сфере [4, с. 295–296].

Во-вторых, русская революция 1917 г. и по своим движущим силам не очень удачно укладывается в общепринятую социологическую схему, где революция понимается как, прежде всего, социально-политический переворот, приводящий к власти передовой, уже экономически господствующий класс, который обеспечивает переход общества на новую, более высокую ступень социально-экономического прогресса. Догматический марксистско-ленинский взгляд, внушавший в угоду формационной теории, что в 1917 г. произошли две самостоятельные революции – Февральская («буржуазная») и Октябрьская («пролетарская»), сегодня уже не выдерживает критики. Имел место единый, непрерывно развивающийся процесс революции, точнее, даже говоря, революционный взрыв, с одновременным политическим пробуждением остро противоборствующих и весьма разнородных социальных сил, но – что удивительно – ни одна из этих сил не была по объективным, и по субъективным обстоятельствам достаточно зрелой для того, чтобы консолидировать вокруг себя распадающееся общество и предложить жизнеспособную альтернативу свергнутой в Феврале монархии. По ее доминирующей, самой массовой движущей силе, революцию 1917 г. можно было бы назвать крестьянской и считать ее победоносным крестьянским восстанием, каких было немало, например, в истории стран Востока. Но всё дело в том, что крестьянство – это как раз та социальная сила, которая способна придать революции размах и конфликтную остроту, но менее всего способна выработать какую-либо определенную политическую программу, подняться на высоту исторических задач. Неслучайно идеолог радикального народничества П.Н. Ткачев отмечал, что темная масса обштинного крестьянства будет так же покорно сносить диктатуру «революционного меньшинства», как оно покорно сносит власть царской бюрократии [10, с. 147–149]. В результате в 1917 г. на фоне социальной катастрофы и обостряющегося гражданского противостояния к власти прорвалась группировка леворадикальной интеллигенции, которую, если и можно было бы рассматривать как «класс», то «класс» исключительно политический, не имеющий корней в экономике.

Все эти парадоксальные черты революции 17-го года требуют пересмотра некоторых устоявшихся представлений о ней – это важно для того, чтобы лучше понять, от чего к чему в 17-м году совершился революционный переход.

Первое, что требует пересмотра, – это представление о социально-политической природе свергнутого в феврале 1917 г. самодержавия. Унаследованный от марксизма шаблонный взгляд на самодержавие как на «диктатуру

помещиков», феодальную монархию, медленно и вынужденно эволюционирующую в монархию буржуазную, как на ретроградную силу, тормоз общественного развития, как выясняется, очень далек от исторической реальности. На протяжении более чем двух столетий в России устойчиво сохранялся институт абсолютной монархии, природу которой и известный реформатор С.Ю. Витте, и либеральные профессора, выпустившие в 1905 г. труд «Политический строй современных государств», однозначно характеризовали как особый, отличный от феодализма государственный тип – тип военной империи [1, с. 509; 8, с. VI–VII]. Истоки возникновения этого типа государства относятся во всемирно-историческом масштабе к рубежу XVII–XVIII века, когда в европейских и полувосточных обществах произошла так называемая абсолютистская «революция». Смысл ее в том, что на определенном этапе государственная организация, благодаря развитию практик бюрократического управления, обрела средства высокотехнического контроля над обществом, поменяв на время соотношение экономики и политики, точнее говоря, подчинив экономику политике. Если на Западе, где абсолютизм не до конца подчинил себе сословные корпорации, его господство было временной фазой, то в России целый ряд факторов сделал его поразительно устойчивой, почти вневременной исторической формой. Среди главнейших этих факторов – патримониальная, вотчинная природа власти московских государей, как отражение сложного процесса «собирания» русских земель, и – что особо отмечали многие позднейшие историки и публицисты – условия страны, вынужденной постоянно обороняться против сильных противников. Последнее превращало страну в своего рода единый военный лагерь, где высшая государственная власть не только подчинила себе все существующие экономические уклады, но и придала весьма еще аморфному социальному агрегату общества четкую сословную организацию. В отличие от Запады, русские сословия были созданы абсолютистским государством, и не как автономные субъекты социально-экономической системы, а как служебные элементы, призванные нести в пользу государства различные службы, повинности и тягла [7, с. 44]. Формировалось и особое самосознание самодержавной власти, рассматривавшей себя как орудие «общего блага» (понятие появилось в 1702 г. в одном из петровских указов) и требовавшей от подданных беспрекословного выполнения служебных обязанностей, но, вместе с тем, и бравшей на себя опеку над благосостоянием и пользами всех без исключения сословий. Благо каждого из сословий было опосредовано приоритетным благом государства.

Очень непросто составить представление о подлинной социальной основе такого государства. Считать его однозначно продворянским было бы известным огрублением. Петр I, например, обременил дворянство тяжелой службой, изрядно «демократизировал» Табелью о рангах процесс его воспроизводства. Отчетливо продворянской можно считать разве что политику Екатерины II. Ценность дворянства для государства существовала не сама по себе, но именно потому, что длительное время оно было единственным образованным сословием, способным выполнять важнейшие функции военной и гражданской службы [2, с. 76–77]. Государство осуществляло весьма тонкую «настройку» всей системы сословных отношений. В сознании и государства, и общества укоренялись, например, представления о том, что все интересы

и чаяния сословий могут обретать разумную форму и наилучшим образом воплощаться именно верховной монаршей властью, и если в чем-то права отдельных сословий ущемлялись, то это было обусловлено опять-таки государственной необходимостью. А.Д. Пазухин, один из дворянских идеологов контрреформ 1880-х гг., писал, что крепостное право виделось абсолютно оправданным и необходимым как средство гарантировать занятому государственной службой дворянству надежный источник благосостояния, но с изданием Жалованной грамоты дворянству (1785 г.) сохранение крепостного права в глазах русского общества лишилось всякого морального оправдания. Только нерешительность власти, опасавшейся непредсказуемых последствий эмансипации, привело к тому, что освобождение крестьян произошло только в 1861 г. [7, с. 8].

Весьма противоречивый с этой точки зрения характер носила и сама крестьянская реформа 1861 г. По известным строкам Н.А. Некрасова, порвавшаяся «цепь великая» крепостного права ударила «одним концом по барину, другим по мужику!..» [5, с. 102]. Реформа в настоящем смысле не удовлетворила ни дворян, ни крестьян, а прошла по какой-то бюрократической равнодействующей, отражая намерение власти решить взрывоопасную социальную проблему, не жертвуя сохранением социального порядка [3, с. 124–125]. И при всем этом в намерениях власти отчетливо просматривался и мотив попечения над сословиями. Например, мы привычно рассматриваем сохранение крестьянской общины только в видах удобного для правительства средства фискальной эксплуатации крестьянства, но удивительно, что такой оппонент самодержавия, как великий революционер-демократ Н.Г. Чернышевский, находил много положительного в текущей политике сохранения общинной системы – и не только как основы будущего социализма, но и как проявления искреннего намерения власти «сохранить участие огромному большинству нации во владении недвижимой собственностью», избавляя его от бедствий пауперизации [11, с. 109]. Здесь перед нами уже если не quasi-социалистическая, то имеющая к ней определенную интенцию социально-патерналистская монархия.

Единственной, безусловно заинтересованной в существовании такой системы социальной группой можно считать военизированную государственную бюрократию. В той мере, в какой этот тип бюрократии социально не связан ни с одним классом и не имеет иного интереса, кроме самодовлеющего интереса государства, в той же мере самодержавную монархию можно считать надклассовым институтом, причем не в иллюзорном, а самом настоящем смысле. В этом состоит тайна столь длительного сохранения абсолютистской империи и ее адаптивной гибкости в части способности решать широкий круг самых разнообразных задач.

В этом во многом и таился источник противоречий, присущих политике самодержавия. Парадокс заключался в том, что, находя опору в традиционном сословном обществе, самодержавие обладало возможностью мобилизации всех сил этого общества, всех его ресурсов (прежде всего, фискальных) на задачи модернизации, преодоления отставания страны от Запада. Две мощные волны модернизации – начала XVIII в. и второй половины XIX – начала XX века целиком можно отнести к заслугам руководимой самодержавием

просвещенной бюрократии. В условиях бедной страны, с низкой нормой прибавочного продукта и недостатком капиталов, только абсолютная власть, пожалуй, обладала неограниченными возможностями систематически осуществлять «перекачку» ресурсов всего общества на цели индустриализации, которая, в свою очередь, служила основой военной силы государства. Последствия такой политики были двояки.

С одной стороны, прогресс модернизации увеличивал амплитуду отрыва самых передовых эшелонов развития (т.е. промышленного капитализма) от низших социально-экономических укладов, делал общество более сложным, дифференцированным и экономически, и культурно. Это делало самодержавие уникальным институтом, способным под оболочкой абсолютизма сохранять единство этих разностей. С другой стороны, модернизация вступала в конфликт с отношениями традиционного общества. Поощряя развитие промышленности и торговли, самодержавие невольно провоцировало эрозию, разложение традиционного общества, возникновение в обществе новых мотиваций чисто индивидуалистического, частично-буржуазного свойства. Самодержавие становилось всё более неспособным бесконфликтно соединить в своей политике цели расширения частной свободы и цели сохранения социального порядка, расширение личных прав и свобод граждан и интересы служения государству. Помимо тех социальных противоречий, которые мы обычно выделяем в пореформенную эпоху (между помещиками и крестьянами, буржуазией и рабочими), зрел более глубокий и широкий, социетальный по масштабу конфликт между формирующимся гражданским обществом и абсолютистской системой. Неслучайно обе русские революции 1905 и 1917 году так напоминали общественный взрыв, когда острое недовольство всех групп населения сфокусировалось, прежде всего, на власти. Это вполне объяснимо: власть, стремящаяся отвечать за всё, в обстановке успехов способна снискать высочайший авторитет и поддержку, но в ситуации кризиса она же рискует стать главным и единственным объектом всеобщего недовольства. Блестяще смысл этого конфликта по итогам революции 1905–1907 гг. выразил С.Ю. Витте: «...Главная причина нашей революции – это запоздание в развитии принципа индивидуальности, а, следовательно, и сознания собственности и потребности гражданственности, а в том числе и гражданской свободы. Всему этому не давали развиваться естественно, а так как жизнь шла своим чередом, то народу пришлось или давиться, или силою растопыривать оболочку; так пар взрывает дурно устроенный котел – или не увеличивай пара, значит, отставай, или совершенствуй машину по мере развития движения» [1, с. 506].

В объяснении траектории и механики русской революции 17-го года мы склонны разделять оценку Й. Шумпетера, который полагал, что за либеральной и социалистической критикой русского самодержавия «совершенно потерялась та простая истина, что эта форма правления очень точно соответствовала породившей его социальной структуре, что именно царизм имел самую широкую опору среди огромного большинства всех классов». Вместе со всей его бюрократией и непоследовательным, осторожным движением вперед, самодержавие было вполне органично тому умеренному темпу социальной эволюции, который наблюдался в российском обществе.

Если бы не напряжение войны, вызвавшее дезорганизацию фронта и тыла, этот неустойчивый баланс между старым и новым мог бы выдерживаться и дальше, лишь постепенно смещаясь к победе новых начал [12, с. 422–423].

Закономерен вопрос: а была ли жизнеспособной в условиях начавшейся революции буржуазная альтернатива рухнувшей автократии, если невозможно подвергать сомнению всеобщий вектор буржуазной эволюции российского общества? Ответ, скорее всего, будет отрицательным.

Несмотря на успехи капиталистической индустриализации в последнее двадцатилетие перед революцией, развитые формы капиталистического производства охватывали всё еще довольно узкий сегмент российской экономики, которая на 80 % была представлена отсталым аграрным сектором [9, с. 318]. Однако для критической оценки капитализма как системно-политической альтернативы абсолютизму гораздо важнее другое – институциональная слабость капитализма. Несмотря на всеобщее распространение стихийно-меркантильных настроений в российском обществе в пореформенную эпоху, восприятие капитализма как движущей силы общественного прогресса еще довольно слабо проникло в толщу традиционного русского общества. В обществе доминировало негативное или, по крайней мере, равнодушное отношение к капитализму [13, р. 17–24].

Это во многом объяснялось и специфическим характером проводимой самодержавием политики «взращивания» капитализма. В то время как сектор крупнокапиталистической промышленности поощрялся к развитию созданными для него «тепличными» условиями (щедрыми субсидиями, казенными заказами и т.п.) и потому воспринимался часто как искусственный нарост на теле «народной» экономики, обремененная фискальными поборами и крепостническими пережитками отсталая крестьянская экономика, при других условиях могущая служить почвой для широкого роста капитализма «снизу», характеризовалась крайне медленной эволюцией в буржуазном направлении. В России имел место хорошо знакомый нам по странам «третьего мира» эффект «двойной экономики», на одном полюсе которой мы имеем субсидируемый за счет всего общества крупнопромышленный капитализм, а на другом – слабо втянутую в рыночные отношения крестьянскую экономику субсистентного, полунатурального типа. Абсолютистская модель модернизации порождала сильно деформированный тип развития капитализма, который в огромной степени базировался не на его собственных воспроизводственных возможностях, а на фискальной эксплуатации всего общества [6, с. VIII]. В условиях России к этой непопулярности капитализма добавлялся еще и глубокий культурный раскол между верхами и низами. Поэтому буржуазные партии конституционалистского толка не смогли предложить в 1917 г. понятную политическую альтернативу, которая могла бы увлечь массы.

Всё неизбежно вело к параличу власти и всеобщему чувству растерянности. Революция развивалась по пути всё более сужающихся возможностей выхода из состояния общественного распада, и захват власти большевиками казался просто невероятной политической авантюрой. Режим, провозгласивший утопическую программу построения бесклассового социалистического общества, с позиций даже классического марксистского учения, был еще менее возможен в условиях России, не прошедшей длительную школу капитализма,

чем сам капитализм. Однако, оказавшись в «ловушке» этих почти безвыходных обстоятельств, большевистский режим смог удержаться у власти и приступить к новой общественной «сборке» только за счет того, что в своем последующем развитии вынужден был осознанно или безотчетно не только реализовывать несостоявшуюся историческую миссию русского капитализма, но и подвергнуться существенной «ре-традиционализации», то есть воскресить (конечно, с поправкой на эгалитарно-утопический компонент своей идеологии и последствия социального переворота) те стратегии и инструменты властвования, которые определялись исходным неразвитым состоянием социального агрегата тогдашнего российского общества и были во многом характерны для рухнувшего в феврале 1917 г. абсолютистского режима.

Октябрьский переворот, конечно, изменил многое: социальная пирамида общества была перевернута с ног на голову, резко усилились возможности вертикальной социальной мобильности для широких слоев населения, новая социальная система формировалась под знаком сильной уравнительной тенденции. Однако, вместе с тем, присущие самодержавно-абсолютистскому режиму архетипы властвования, основанные на всеобъемлющем контроле бюрократии над обществом, изменились очень незначительно, а кое в чем «революционная целесообразность» большевиков отличалась даже большей жесткостью и деспотизмом.

Как ни рискованны будут такие исторические параллели, но ситуация поздней перестройки конца 1980-х – начала 1990-х гг. продемонстрировала нам примерно ту же анатомию основного общественного конфликта, что и в феврале 1917 г., – тотальный взрыв общественного недовольства (что характерно – со стороны практически всех групп общества) против господства обанкротившейся партократии – на этот раз в виде т.н. «младороссийской» революции августа 1991 г. Думается, что подлинный социальный смысл Великой русской революции 1917 г. как раз заключается не в трактовке ее как случайного социального взрыва на фоне многовекового спокойного развития, а в возможности увидеть в ней проявление определенной роковой «цикличности» русского исторического процесса. Тот, кто внимательно наблюдает и анализирует современную российскую действительность, без труда поймет, что и сегодняшняя Россия вовсе не избавлена от тех социально-политических рисков, которые привели когда-то к революции 1917 года. В этом заключается важнейший исторический урок Великой русской революции 1917 года.

Список литературы

1. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. – М.: Мысль, 1991. – 708 с.
2. Зубков К.И. Абсолютизм и модернизация: к оценке петровских реформ начала XVIII века // Вестник Гуманитарного университета. – 2017. – № 1 (16). – С. 72–84.
3. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – 654 с.
4. Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового

государства. – Изд. 2-е, исправл. – В 2 т. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. – Т. 2. – 567 с.

5. Некрасов Н.А. Полное собрание стихотворений в двух томах. 1873–1877. – 5-е изд. – Т. 2. – СПб.: Тип. Глазунова, 1890. – 565 с.

6. Озеров И.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. – М.: Изд. Д.С. Горшкова, 1905. – XII, 259 с.

7. Пазухин А.Д. Современное состояние России и сословный строй. – М.: В Университетской Типографии (М. Катков), 1886. – 63 с.

8. Политический строй современных государств. – Т. 1. – СПб.: Изд. кн. П.Д. Долгорукова и И.И. Петрункевича, 1905. – XIV, 652 с.

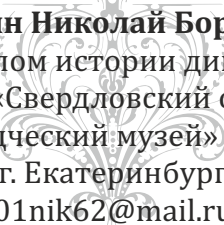
9. Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. – Т. 1. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. – 398 с.

10. Ткачев П.Н. Сочинения в 2-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1976. – 645 с.

11. [Чернышевский Н.Г.] Община и государство. Две статьи Н.Г. Чернышевского. – Женева: Издание журнала «Набат», 1877. – XIII, 125 с.

12. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / Пер. с англ. – М.: «Экономика», 1995. – 540 с.

13. McDaniel, T. Autocracy, Capitalism, and Revolution in Russia. – Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1988. – xii, 500 p.

Неуймин Николай Борисович
Заведующий отделом истории династии Романовых
ГАУК СО «Свердловский областной
краеведческий музей» (СОКМ)
г. Екатеринбург
01nik62@mail.ru

«Последний дворец последнего царя»

(к вопросу об условиях пребывания семьи Николая II в доме Ипатьева в г. Екатеринбурге с 30 апреля по 16 июля 1918 г.).

В статье Неуймина Н.Б. **«Последний дворец последнего царя»** на основе архивных материалов, дневников Николая II и Александры Федоровны, а также малоизвестных библиографических источников 20- 30-х годов, детально анализируются обстоятельства пребывания и условия содержания царской семьи в доме Ипатьева с 30 апреля по 16 июля 1918 г.

Ключевые слова: дом Ипатьева; Николай II; царская семья; Авдеев А.Д.; Белобородов А.Г.; Дидковский Б.В.

8 ноября 1927 года в городе Екатеринбурге, на площади «Народной мести», в бывшем доме инженера Н.Н. Ипатьева был торжественно открыт Свердловский областной музей революции.

С этого времени и до 1933 года стала доступной для всех посетителей музея, расположенная на первом (полуподвальном) этаже дома, так называемая «историческая» комната (место гибели царской семьи). Здесь экскурсанты могли прослушать лекцию о «Последних днях Романовых» и сфотографироваться на фоне подлинной деревянной стены со следами пулевых отверстий, оставленных убийцами семьи Романовых в ночь на 17 июля 1918 года.

В музее также была оборудована фотолаборатория, одной из задач которой был выпуск фотооткрыток на революционную тематику по заранее утвержденному плану. Эти открытки продавались всем желающим, выполняя роль рекламы музея. Особенной популярностью пользовалась фотооткрытка с изображением дома Ипатьева, обнесенного высоким деревянным забором с караульной будкой и часовым, с выразительно лаконичной надписью – «Свердловск. Последний дворец последнего царя».

И это не преувеличение. Дело в том, что особняк инженера Ипатьева действительно являлся одним из лучших в г. Екатеринбурге и в 1918 году воспринимался уральским пролетариатом как настоящий дворец. Где, как им казалось, хоть и под арестом, но в комфортных условиях вместе со своей семьей проживал «коронованный палач – Николай кровавый».

Из воспоминаний участника убийства царской семьи чекиста М.А. Медведева (Кудрина): «...Относительно вольготная жизнь Романовых (особняк Ипатьева даже отдаленно не напоминал тюрьму) в столь тревожное время,

когда враг был буквально у ворот города, вызывала понятное возмущение рабочих Екатеринбурга и окрестностей» [7, с.254].

Из воспоминаний коменданта «дома особого назначения» А.Д. Авдеева: «На металлургическом заводе братьев Злоказовых, где я одновременно состоял и комиссаром завода, рабочие устроили митинг и потребовали, чтобы я сделал информацию о том, как содержится бывший царь, его семья и т.д. Дальше на этом собрании были вопросы, почему долго возятся с бывшим царем, почему он сидит не в обыкновенной тюрьме, а живет в барском доме со всем инвентарем и пр., а также; достаточно ли принято мер, чтобы он не сбежал». [1, с.207]

Исследуя основные документы по указанной теме, попытаемся выяснить, почему семья Николая II, оказавшись в столице красного Урала, вопреки революционной истерии и требованиям «сознательных пролетариев» не была брошена в тюрьму, а также в каких условиях содержалась семья Романовых в «Доме Особого Назначения».

Из письма председателя ВЦИК Я.М. Свердлова Уралоблсовету о переводе царской семьи в Екатеринбург от 9 апреля 1918 г.: «Дорогие товарищи! Сегодня по прямому проводу предупреждаем Вас о поездке к Вам т. Яковлева. Мы поручили ему перевезти Николая (II) на Урал. Наше мнение: пока поселите его в Екатеринбурге. Решайте сами, устроить ли его в тюрьме или же приспособить какой-либо особняк». [7, с.139]

Из воспоминаний А.Г. Белобородова:

«Мы вместе с Голощекиным два раза ездили осматривать Екатеринбургскую тюрьму и арестный дом, наметили даже к освобождению один из небольших тюремных корпусов, но потом эту мысль оставили, так как условия охраны оказались неблагоприятными и не давали гарантии к полной изоляции «арестанта». [7, с.243]

Из воспоминаний генерал-лейтенанта В.Н. Ипатьева (июнь 1917 г.): «В Екатеринбурге я провел в доме брата около двух дней. Его двухэтажный дом являлся одним из самых лучших особняков в городе; нижний этаж, в котором нижний край окон приходился почти на уровень земли, был занят под контору для строительства железнодорожных работ, которые брат производил в качестве подрядчика. Я подробно осмотрел все помещения дома, постройки и небольшой тенистый сад, в котором приятно было прогуляться и посидеть. Дом брата находился на большой Вознесенской площади и был угловым, а потому его легко можно было изолировать от других жилых помещений. Все эти обстоятельства и послужили основанием, почему он был выбран для убийства царя и всей его семьи». [3, с.39]

Из телеграммы председателя президиума Уралоблсовета Белобородова на имя В.И. Ленина и Я.М. Свердлова: «Сегодня 30 апреля в 11 часов петроградского времени я принял от комиссара Яковлева бывшего царя Николая Романова, бывшую царицу Александру и их дочь Марию Николаевну. Все они помещены в особняк охраняемый караулом. Ваши запросы и разъяснения телеграфируйте мне...». [7, с.198]

Так что ничего личного. Николай II и его семья не были брошены в тюрьму вовсе не из-за гуманности «Центра» (Ленин, Свердлов) или мягкотелости Уралсовета (Белобородов, Голощекин и др.).

Из воспоминаний А.Г. Белобородова:

«Переезд из Тобольска в Екатеринбург, несомненно, отразился в худшую сторону на «высочайших особах». Во-первых, екатеринбургский режим был организован применительно к тюремному (двойной высокий забор перед окнами, не позволявший видеть ничего, кроме кусочка неба, ограничение прогулки одним часом, караул внутри здания в комнатах, смежных с теми, где жили арестанты); во-вторых, сокращение числа лиц, окружавших арестантов в Тобольске и составлявших «общество» для царской семьи; в-третьих, сокращение порциона (выдавалось в Екатеринбурге по 500 руб. на человека); в-пятых (в документе нарушена нумерация пунктов – авт.), контроль за перепиской (письма, приходившие с «воли» и отправлявшиеся арестантами просматривались мною); в-шестых, прекращение всякого рода свиданий слицами, находившимися вовне, и т.д.». [7, с.245]

Из книги П.М. Быкова «Последние дни Романовых», изданной в 1930 г.: «Только теперь, с переездом на Урал, Романовы действительно были переведены на режим арестованных. Они находились под самым бдительным надзором охраны, состоявшей из рабочих бывшей фабрики братьев Злоказовых и Сысертского завода». [2, с.80]

3 мая 1918 г. Свердлов направил телефонограмму Белобородову: «Предлагаю содержать Николая самым строгим порядком... Предлагаю прислать смету всех расходов, считая караул. Сообщите подробности условий нового содержания». [7, с.201]

Из дневника Николая II:

17 (30) апреля, вторник: «...Яковлев передал нас здешнему областному комиссару, с которым мы втроем сели в мотор и поехали пустынными улицами в приготовленный для нас дом Ипатьева. Дом хороший, чистый. Нам были отведены четыре большие комнаты: спальня угловая, рядом столовая с окнами в садик и с видом на низменную часть города и, наконец, просторная зала с аркой без дверей... Осмотр был подобно таможенному, такой строгий, вплоть до последнего пузырька походной аптечки Аликс. Это меня взорвало, и я резко высказал свое мнение комиссару». [7, с.216]

Из протокола допроса свидетеля Т.И. Чемодурова бывшего камердинера Николая II:

«Как только Государь, Государыня и Мария Николаевна прибыли в дом (Ипатьева), их тотчас же подвергли тщательному и грубому обыску. Один из производивших обыск выхватил ридикюль из рук Государыни и вызвал этим замечание Государя: «До сих пор я имел дело с честными и порядочными людьми».

1 (14) мая, вторник: «Сегодня нам передали через Боткина, что в день гулять разрешается только час: на вопрос «Почему?» исполняющий должность коменданта ответил: «Чтобы было похоже на тюремный режим». [7, с.217]

2 (15) мая, среда: «Применение «тюремного режима» продолжалось и выразилось тем, что утром старый маляр закрасил все наши окна во всех комнатах известью. Стало похоже на туман, который смотрится в окна». [7, с.218]

6 (19) мая, воскресенье: «Дожил до 50 лет, даже самому странно!». [7, с.218]

10 (23) мая, четверг: «Утром нам в течение одного часа последовательно

объявили, что дети в нескольких часах от города, затем – что они приехали на станцию и, наконец, что они прибыли к дому. Огромная радость была увидеть их снова и обнять после четырехнедельной разлуки и неопределенности. Взаимным распросам и ответам не было конца». [7, с.218]

Из дневника Александры Федоровны:

Екатеринбург, 22 (4 июня) мая, вторник: «Комитет не дал разрешения Алексею на время его болезни гулять, сколько он пожелает».

24 (6 июня) мая, четверг: «М(ария) вынесла Бэби (Алексея) из дома и посадила его в мое плетеное длинное кресло на полчасика... Очень жарко, ужасно душно в комнатах».

25 (7 июня) мая, пятница: «...Николай весь день остается в постели, так как почти не спал две ночи из-за болей... и ему лучше, когда он спокойно лежит» [6, с.231-233]

Из дневника Николая II:

25 мая (7 июня), пятница: «День рождения дорогой Аликс провел в кровати с сильными болями в ногах и других местах. Следующие два дня стало лучше, мог есть, сидя в кресле». [7, с.219]

Из текста доклада судебного следователя Н.А. Соколова вдовствующей императрице Марии Федоровне: «Обнесенный двумя заборами дом (Ипатьева) имел совершенный вид тюрьмы... Период Екатеринбургского заключения Августейшей Семьи был полон страданий. Это был сплошной крест». [5 т. II, с.146]

Из свидетельских показаний Т.И. Чемодурова:

«В Ипатьевском доме режим был установлен крайне тяжелый и отношение охраны прямо возмутительное, но государь, государыня и великая княжна Мария Николаевна относились ко всему происходящему по наружности спокойно и как бы не замечали окружающих лиц и их поступков... Государь помещался в верхнем этаже дома. И в распоряжении всех нас были предоставлены 6 комнат и еще одна комната, служившая гардеробной, и кухня. День и ночь на верхнем этаже стоял караул из трех красноармейцев: один стоял у наружной входной двери, другой в вестибюле и третий близ уборной. Поведение и вид караульных были совершенно непристойные; грубые и распоясанные, с папиросами в зубах. С наглыми ухватками и манерами, они возбуждали ужас и отвращение.

...(Комиссар) Дидковский не менее четырех раз в неделю производил контроль, обходя все комнаты, занятые Государевой семьей; приходил он всегда в обществе одного – двух штатских лиц (каждый раз все новых) и как был, в шапке и калошах, входил в комнаты, не спрашивая разрешения. При этих посещениях Государь, Государыня и вел. Княжна Мария Николаевна занимались своими делами, не отрывая головы от книги или работы, как бы не замечая вовсе появления посторонних лиц». [5 т. I, с.136, 137]

Из воспоминаний охранника А.А. Стрекотина:

«...Кроме винтовок и ручных гранат наша команда была вооружена еще и пулеметами, а поэтому была создана группа пулеметчиков, в которую вошел и я... Некоторые наши товарищи из команды не всегда были в должном порядке, были случаи засыпали на посту, сходили с постов. Вели между собой разговоры и даже разговаривали с арестованными. Был такой случай (9 июня) – один красноармеец из команды – Талапов И.С., находясь на посту у пулемета

на верхней террасе (балкон – авт.), от нечего делать стал наводить «практику» в обращении с ручной гранатой. Когда он сдернул с нее колечко, последняя зашипела, он бросил ее в переулок – раздался взрыв, поднялась тревога. Не только среди команды, но и по городу.

Был и такой случай – царь взял себе в привычку подходить к окну и внимательно глядываться в город, на предупреждения часовых он не обращал внимания. Красногвардеец Сафонов В.Я. решил отучить царя. Однажды он предупредил царя, тот продолжал стоять у окна, тогда Сафонов нацелился в него, а когда царь повернулся спиной, видимо намереваясь уходить, он выстрелил вверх около самого окна (конечно опять тревога). После этого царь никогда не подходил к окну». [9, с.449,450]

По версии коменданта А.Д. Авдеева это была одна из дочерей царя.

Из воспоминаний Авдеева:

«Дом особого назначения» был обнесен тесовым забором, который все же не полностью закрывал угловое окно дома, выходящее на Вознесенский проспект. В верхней части окна помещалась форточка, которая открывалась и закрывалась по усмотрению живущих в доме. В этой комнате помещался бывший царь с женой. И вот примерно в июне месяце часовые, стоявшие у угла между забором и домом, обнаружили, что по утрам чаще всего стала высовываться в форточку голова одной из дочерей... После вечернего обхода дома я предупредил всех живущих, что, если кто еще будет высовываться, трудно поручиться, чтобы не произошло что-либо более худшее, чем они ожидают, так как часовой может стрелять в неповинующегося его требованию. Девицы чуть ли не в один голос заявили, что этого больше не будет... Часовым был отдан приказ, как только еще раз появится в окне рука или голова, дать предупредительный выстрел в воздух.

И вот однажды раздался выстрел. Поняв в чем дело, бросился в комнаты. Отворив дверь угловой комнаты, застаю такую картину: Николай лежит на полу вниз лицом; за кроватью, возле ночного столика присела его жена, возле окна на полу полулежали Мария и Татьяна. Когда я спросил, не ранен ли кто-нибудь, тогда первым вскочил Николай, а за ним поднялись остальные. Первой начала говорить Алиса – почему стреляют, это «песобрасие» и т.п... Говорю Алисе, что виноваты в выстреле они сами, но хорошо, что они так дешево отделались – одним испугом. При обследовании окна оказалось, что пуля попала в верхний наличник окна и засела в штукатурке стены». [1, с. 206, 207]

Из дневника Николая II:

14 (27) мая, понедельник: «...Часовой под нашим окном выстрелил в наш дом, потому что ему показалось, будто кто-то шевелится у окна...». [7, с. 218,219]

20 мая (2 июня), воскресенье: «...Несносно сидеть так взаперти и не быть в состоянии выйти в сад, когда хочется, и провести хороший вечер на воздухе! Тюремный режим!». [7, с. 219]

Из книги записей дежурств членов Отряда особого назначения по охране Николая II:

«3 июня 1918 г. На посту №9 часовой Добрынин нечаянно выстрелил, ставя затвор на предохранитель, пуля прошла в потолок и застряла, не причинив никакого вреда...

7 июня. По заявлению доктора Боткина, вследствие расширения вен

заболел Николай Романов и с утра не вставал с постели, где его и кормили.

9 июня. Около 12 ночи на пулеметном посту №1 от неосторожного обращения постового произошел взрыв бомбы. Жертв и повреждений нет.

Из воспоминаний охранника Емельянова:

«В июне месяце в саду у дома Ипатьева, где был Николай Романов со своим семейством, произошел взрыв гранаты. И по случаю этого взрыва было очень много разных толков и слухов... А дело обстояло очень просто; двое из (наших) товарищей Вяткин и Талапов были на посту, стоя на балконе, который выходит в сад. А так как на балконе были гранаты для всякого случая, то один из товарищей спросил другого. Чтобы тот познакомил его как обращаться с гранатами. Тогда т. Талапов взяв гранату стал пояснять т. Вяткину как нужно зарядить гранату и бросить. В это время по оплошности граната зашипела. Тогда т. Вяткин испугался, что граната может поразить их обоих, бросился бежать с балкона, а т. Талапов успел таковую бросить в кусты, и вот раздался грозный взрыв гранаты, она взорвалась. Прямо у балкона в ветвях тополя, не причинив вреда никому, только воздухом сбито с ног т. Вяткина, который кубарем скатился по лестнице на землю. Я в это время стоял в подвале у пулемета, услышал взрыв и увидел, что т. Вяткин упал с лестницы, страшная мысль, что на пост напали и Вяткин убит, мелькнула у меня. Зарядив пулемет, я стал отстреливаться в глубину сада. Почему-то ожидая, что с той стороны должны показаться те, кто осмелился напасть на наш пост. Но вот поднимается т. Вяткин, берет винтовку, которую уронил во время падения, и трехэтажным матом кроет по адресу т. Талапова, напугал его взрывом гранаты и сделал ложную тревогу всей команде, но эта ложная тревога была не только для нашей команды... но и для всего города» [10, с.160].

Из книги записей дежурств членов Отряда особого назначения по охране Николая II.

10 июня. Обычная прогулка семьи Романовых, заявление Николая Романова об открытии окон для проветривания помещения, в чем ему было отказано.

23 июня. В 1 ½ утра на посту №3 часовым Подкорытовым при зарядании винтовки (по неосторожности) произведен выстрел...

6 июля. Часовым на посту №9 была найдена серебряная вещь «кофейник» с орлом на лицевой стороне в саду под пожарной машиной. Остальное все в порядке». [8, с.89-91]

Из дневника Николая II:

28 мая (10 июня), понедельник: «В сарае, где находятся наши сундуки, постоянно открывают ящики и вынимают разные предметы и провизию из Тобольска. И при этом без всякого объяснения причин. Все это наводит на мысль, что понравившиеся вещи очень легко могут увозиться по домам и, стало быть, пропасть для нас! Омерзительно!». [7, с.219-220]

Из дневника Александры Федоровны:

15 (28 июня), пятница; «...все легли в постель пораньше из-за сильной усталости и усиливающейся жары – 24,5 градусов в комнате».

21 (4 июля), четверг: «Опять жарко, 21,5 градусов в комнате в 9 часов (утра) Очень жарко, рано легла в постель, так как ужасно устала и сильно болело сердце».

30 (13 июля) суббота; «Слышала ночью три револьверных выстрела...».

2 (15 июля) понедельник; «Слышала разрыв артиллерийского снаряда ночью и несколько револьверных выстрелов».

Из дневника Николая II:

14 (28 июня) четверг. «Нашей дорогой Марии минуло 19 лет Погода стояла тропическая..., 26 градусов в тени, а в комнатах 24 градуса, даже трудно выдержать!».

Несмотря на указанные обстоятельства – фактически тюремный режим, систематические унижения, физические и моральные страдания – Царская семья с достоинством несла «свой крест», находя утешение и опору в Боге.

В августе 1918 г. следователь Екатеринбургского окружного суда Наметкин А.П. в ходе осмотра верхнего этажа дома инженера Ипатьева в одной из комнат обнаружил книгу на английском языке «And Mary Sings Magnificat», принадлежавшую великой княжне Ольге Николаевне. В книгу были вложены три листика бумаги, на одном из которых ее рукою переписано стихотворение поэта С.С. Бехтеева «Молитва». Это стихотворение, написанное в октябре 1917 года, отправила в Тобольск Александре Федоровне верная подруга императрицы, родная сестра поэта Зинаида Сергеевна Толстая (урожденная Бехтеева). Стихотворение оказалось пророческим.

*Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.*

*Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.*

*И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленье,
Христос Спаситель, помоги.*

*Владыка мира, Бог вселенной.
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.*

*И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.*

[4, с.347, 348]

Список литературы

1. Авдеев А.Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге (из воспоминаний коменданта). Журнал «Красная новь», 1928. - №5. - с.185-209.
2. Алексеев В.В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. Екатеринбург, 1993г. - с.89-91. (ГАРФ. Ф. 601. Оп.2. Д.37. Л. 1-8 об. Подлинник).
3. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Выпуск первый. Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. - 16 июля 1918 г. Сибирский хронограф. Новосибирск, 1999 г. - с.231-233.
4. Архив новейшей истории. Серия «Публикации», том III. Скорбный путь Романовых 1917-1918 гг. Гибель царской семьи. Сборник документов и материалов. Москва, 2001 г. - с.139, 148, 188, 201, 206, 207, 218, 219, 220, 243, 254.
5. Быков П.М. Последние дни Романовых. М.; Л., 1930 - с. 80.
6. Дело об убийстве императора Николая II, его семьи и лиц их окружения в 2-х томах. Москва, 2015. Составитель: доктор исторических наук Л.А. Лыкова. т. I - с.136, 137; т. II - с.146.
7. Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Воспоминания в 2-х томах. Нью-Йорк. т.2 - с.38-40.
8. Исповедь цареубийц. Убийство царской семьи в материалах предварительного следствия и в воспоминаниях лиц, причастных к совершению этого преступления. Автор-составитель Ю.А. Жук. Москва, 2008 г. - с.449.
9. Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Москва, 1990г. - с.339, 347-348.
10. Шитов В.В. Дом Ипатьева. Летописная хроника в документах и фотографиях (1877-1977). Екатеринбург-Челябинск, 2013 г. - с.160.

Россия и Урал в царствование императора Николая II

Куликов Сергей Викторович

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник

Санкт-Петербургского института истории
Российской академии наук

197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7
sergeykulikov70@mail.ru

Был ли консерватором Николай II? Политические взгляды самодержца и его политический ритуал.

Аннотация. В статье впервые в историографии рассматривается характер политических взглядов и политического ритуала Николая II и соотношение этих факторов, оказывавших определяющее влияние на внутривнутриполитическую ситуацию Российской империи конца XIX – начала XX века. Автор приходит к выводу, что в модернизирующихся обществах политические ритуалы не столько раскрывают, сколько скрывают истинные политические взгляды правителя-модернизатора. В целях поддержания социальной стабильности он сознательно стремится к сохранению символической преемственности с предыдущим консервативным режимом, а потому камуфлирует собственные либеральные взгляды консервативной риторикой. Именно это и было в случае с Николаем II, который, имея консервативно-либеральные взгляды, играл ритуальную роль консерватора, однако в области реальной политики проводил либеральные реформы.

Ключевые слова: Николай II; самодержец; император; царь; консервативный либерал; политические взгляды; политический ритуал.

Бесспорным доказательством консерватизма политических взглядов императора Николая II считается его политический ритуал, несомненно, имевший элементы ортодоксального консерватизма, главным из которых был культ «незабвенного родителя» – наблюдавшееся в течение всего царствования Николая официальное почитание им памяти «великого самодержца» Александра III. Вместе с тем, это почитание имело чисто ритуальный характер, контрастируя с политической практикой Николая, что заметили внимательные современники уже в первые годы его правления. После воцарения молодого монарха, как вспоминал государственный и общественный деятель В.И. Гурко, «следование по стопам» отца «на деле совершенно не осуществлялось» [13, с. 36]. Граф С.Д. Шереметев, близкий друг Александра III, записал в апреле 1898 г., что «мы вступаем на путь новый, хотя играем комедию, будто держимся старого» [70, с. 216]. Николай и его жена, импера-

трица Александра Федоровна, полагал С.Д. Шереметев, «не только принялись за разрушение, но даже стали во главе него», по причине чего царствование Александра III было ими «сведено “на нет”» «вполне сознательно и вполне последовательно» [69, с. 318; 610]. В июле 1910 г. консервативный мыслитель Л.А. Тихомиров записал: «Промелькнуло царствование Александра III. Началось новое царствование. Нельзя придумать ничего более противоположного!» [65, с. 175]. Политический ритуал Николая провозглашал преемственность между старым и новым царствованием, однако политическая практика молодого царя противоречила его ритуалу, доказывая, что Николай возобновил осуществление либеральной политики Александра II. Нечто подобное можно наблюдать в нынешнем Китае, лидеры которого клянутся в верности идеям «великого кормчего», хотя в действительности проводят политику, им совершенно противоположную.

Николая связывала с Александром II не только родственная, но и идейная близость. Николай, как воспоминала статс-дама баронесса С.К. Буксгевден, высказывался «с глубоким чувством» о деде, с либеральными взглядами которого у него было «много общего» [9, с. 35]. Неудивительно, что преемственность между царствованиями деда и внука проявлялась, помимо политической практики, и в области ритуала, причем уже непосредственно после вступления Николая на престол. Земский деятель А.А. Савельев обратил внимание, что в январе 1895 г. царь издал рескрипты «на имя разных выдающихся деятелей царствования Александра II» [35, с. 100]. В связи с этим обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев жаловался московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу, что «новый государь с первого шага отличил тех самых, кого покойный считал опасными» (цит. по: [59, с. 312]). При открытии памятника деду в Москве в августе 1898 г. император охарактеризовал освобождение крестьян как «великий подвиг» Александра II, «столь необходимый для блага России», совершенный «так смело, мирно и благополучно». «Я и Россия, – заявил Николай, – это помним, и история занесет подвиг этот на свои скрижали золотыми письменами» [33, с. 20]. В феврале 1911 г. в рескрипте премьер-министру П.А. Столыпину монарх объявил, что «преклоняется» «перед величием подвига незабвенного Царя-Освободителя» [14, с. 553]. В январе 1917 г. в рескрипте другому премьеру, князю Н.Д. Голицыну, царь упомянул про «светлые заветы устроителя земской жизни незабвенного моего деда императора Александра II» (цит. по [26, с. 339]). Приоритетность для Николая политического наследия деда, а не отца с абсолютной бесспорностью доказывается тем, что в последнее царствование были открыты более 3 000 (!) памятников Александру II и только 21 памятник – Александру III [58, с. 87–118; 150–162]. Впрочем, в области официального ритуала Николай стремился не к противопоставлению, а к сочетанию традиций обоих Александров. В мае 1896 г. Николай заявил депутации волостных старшин: «Заботы о благе вашем так же близки моему сердцу, как они близки были деду моему и незабвенному дорожному родителю» [33, с. 8]. В рескрипте П.А. Столыпину, в феврале 1911 г., царь подчеркнул, что при проведении аграрной реформы следовал «мудрым заветам в Бозепочивающих деда и родителя моих» (цит. по [14, с. 553]). Понятно, однако, что данную риторику детерминировали не столько политические реалии,

сколько родственные чувства и соображения о необходимости поддержания фикции династической преемственности.

Консерватизм Николая исследователи объясняют идейным влиянием на него не только Александра III, но и обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, который преподавал наследнику юридические науки. Однако, как вспоминал А.А. Савельев, еще до воцарения Николая было широко известно, что он не любит обер-прокурора «за ханжество и стремление преследовать другие вероисповедания» [35, с. 98]. Тот факт, что проект известной речи царя, произнесенной им в январе 1895 г., Николай поручил подготовить К.П. Победоносцеву, свидетельствовал не об их идейной близости, а о том, что обер-прокурор, по воспоминаниям члена Государственного совета Н.С. Таганцева, «пользовался репутацией наиболее выдающегося официального стилиста» [62, с. 38]. Политическое влияние К.П. Победоносцева на молодого монарха было эпизодическим и кратковременным. Обер-прокурор сообщил военному министру генералу А.Н. Куропаткину в начале 1904 г., что «государь его уже не слушает 9 лет» [27, с. 88]. К.П. Победоносцев, как записала в мае 1901 г. супруга публициста, А.В. Богданович, «у царя никакой роли не играет, влияния у него там никакого» [5, с. 263]. Влияние К.П. Победоносцева на Николая существовало не столько в политической, сколько в религиозной сфере. «На первых порах нового царствования я считал своим долгом говорить иногда молодому государю о делах и людях, – признавался сам К.П. Победоносцев, – но этому надо было вскоре положить предел, и я ограничился только делами порученного мне звания» [44, с. 630]. Конечно, Николай выказывал внешнее уважение к маститому сановнику, но даже в присутствии обер-прокурора не мог скрывать своего саркастического отношения к нему. На заседании Особого совещания, обсуждавшего проект Указа 12 декабря 1904 г., когда К.П. Победоносцев «говорил глупости», царю, вспоминал министр внутренних дел князь П.Д. Святополк-Мирский, «хотелось смеяться» [57, с. 261]. Сложившийся у современников и исследователей последнего царствования образ всесильного «великого инквизитора» явно не соответствует исторической реальности.

Специфику политических взглядов Николая предопределило чисто западное воспитание, полученное им под руководством англо-русского акварелиста К.О. Хиса и военного педагога генерала Г.Г. Даниловича. Влияние на наследника К.О. Хиса «сказалось, – указывал оппозиционный публицист В.П. Обнинский, – привитием, вместо родного, английского языка»

[37, с. 12–13]. Влияние К.О. Хиса, однако, не ограничивалось только лингвистикой, наложив глубокую печать на индивидуальность Николая, который признавался любимому воспитателю, что «если у него есть что-либо хорошее, то этим он обязан единственно ему». К.О. Хис воспитывал Николая на примерах английской истории, пробуждая в нем желание следовать ее образцам. Однажды К.О. Хис, как отмечал его зять флигель-адъютант А.А. Мордвинов, прочитал маленькому наследнику про «въезд короля, любившего простонародье», когда «толпа восторженно кричала: “Да здравствует король народа”». Под впечатлением от этого эпизода глаза Николая «заблестали», он «весь покраснел от волнения» и воскликнул: «Ах, вот я хотел бы быть таким» [31, с. 61; 62]. Влияние на Николая Г.Г. Даниловича закрепило

западный характер воспитания, полученного наследником, поскольку, согласно С.Д. Шереметеву, своими «сочувствиями» генерал «принадлежал Западу» [69, с. 607; 608]. По окончании воспитания Николай являлся человеком, насквозь проникнутым западной культурой и отличавшимся рафинированной вестернизированнойностью. Не случайно, что октябристу барону А.Ф. Мейендорфу царская власть конца XIX – начала XX века представлялась «наиболее европейским из русских учреждений, может быть – единственным европейским» (цит. по [39, с. 512]).

Формирование политических взглядов Николая происходило под идейным влиянием председателя Комитета министров Н.Х. Бунге – выдающегося представителя бюрократического либерализма, преподававшего наследнику экономические науки. Влиянию Н.Х. Бунге способствовала симпатия, которую испытывал Николай по отношению к любимому преподавателю. Как отмечал один из сотрудников председателя Комитета министров, Н.Н. Покровский, наследника влекло к Н.Х. Бунге «личное к нему уважение», а потому он пользовался «особым расположением» Николая [46, с. 50]. Навянный Н.Х. Бунге либерализм наследника проявился уже в 1889 г., когда Николай начал участвовать в заседаниях Государственного совета и Комитета министров, неоднократно примыкая к лидерам либеральной бюрократии. В связи с этим государственный секретарь А.А. Половцов опасался, чтобы по поводу деятельности Государственного совета Александр III «не заподозрил чего-то похожего на оппозицию, во главу коей советские либералы ставят наследника престола» [51, с. 261; 263; 266]. В 1891–1892 гг., вспоминал депутат I Думы князь С.Д. Урусов, Николай, как председатель Особого комитета по оказанию помощи населению губерний, пострадавших от неурожая, «оставил довольно благоприятное впечатление» «в памяти» «либеральной и земской России» [12, с. 16]. Либерализм наследника заявлял о себе также с 1892 г., когда он стал председателем Особого комитета по сооружению Сибирской железной дороги (его вице-председателем был Н.Х. Бунге). В 1893 г. на одном из заседаний Комитета Николай, по свидетельству тогдашнего министра финансов С.Ю. Витте, высказался по «политическому вопросу» в том смысле, который «в те времена почитался либеральным» [20, с. 368]. Таким образом, государственная деятельность наследника в 1889–1894 гг. выявила сравнительно либеральный характер его политических взглядов.

Конечно, либерализм Николая и до, и после 1894 г. был непартийным и консервативным. Характеризуя царя, государственный и банковский деятель А.И. Путилов вспоминал, что «с самых первых дней царствования в нем проявилось и проявлялось до самого конца тяготение к общественно-либеральным формам государственности, странно уживавшееся в нем с незыблемой верой в необходимость для России самодержавия» (цит. по: [60, с. 81]). Тем не менее в лице Николая, считал Л.А. Тихомиров, на престоле появился «русский интеллигент» «либерального типа» [65, с. 175]. «Многие, – вспоминал левый кадет князь В.А. Оболенский, – верили в либерализм молодого монарха» [38, с. 131]. То, что вера в либерализм Николая была оправданной, подтверждается мнением Н.Х. Бунге, хорошо знавшего своего ученика. Председатель Комитета министров, удостоверял Н.Н. Покровский, возлагал «особые надежды на новое царствование, в смысле изменения

в направлении внутренней политики», полагая, что оно открывает «новую эру государственной жизни». Сразу после воцарения Николая Н.Х. Бунге занял положение главного советника царя, который, согласно Н.Н. Покровскому, «постоянно совещался» с председателем Комитета министров, имевшим ежедневные всеподданнейшие доклады, по причине чего влияние Н.Х. Бунге на молодого монарха было «очень большое» [46, с. 50]. «Идеям Н.Х. Бунге, – вспоминал управляющий делами Комитета министров А.Н. Куломзин, – до известной степени соответствовали резолюции и указания, которые государь клал в первые месяцы своего царствования на прочитываемых им губернаторских и генерал-губернаторских отчетах».¹ Тесное сотрудничество царя и председателя Комитета министров прервалось в июне 1895 г. «Узнал чрезвычайно грустную весть о скоропостижной смерти бедного Н.Х. Бунге, – записал Николай 3 июня 1895 г. – Еще одним верным и опытным советником стало у меня меньше. Кончина его ставит меня в очень трудное положение!» [34, с. 83]. Приведенные слова царя свидетельствовали, что в Н.Х. Бунге он видел не просто ближайшего сотрудника, но идейного наставника.

Либерализм Николая, помимо Н.Х. Бунге, встречал полную поддержку со стороны супруги царя, в молодости также разделявшей либеральные взгляды. Женитьба Николая на Александре Федоровне, как вспоминал историк А.А. Кизеветтер, давала основания для мнения, что «новое царствование будет либерально-прогрессивным» [21, с. 141]. В декабре 1894 г. чиновник МИДа граф В.Н. Ламздорф знал про «либеральное влияние» молодой царицы, «весьма склонной к парламентскому режиму» [28, с. 97]. Состоявший при Александре Федоровне с 1896 по 1912 г., а потому хорошо ее знавший, граф В.А. Гендриков рассказывал публицисту князю М.М. Андроникову, что первоначально у нее были «либеральные», «чисто конституционные взгляды» [15, с. 396]. Только впоследствии, находясь под впечатлением от эксцессов революции 1905–1907 гг., царица заметно поправела, превзойдя, в этом смысле, своего супруга.

Либеральный характер политических взглядов Николая подтверждается и составом неформальных советников, с которыми он общался на протяжении своего царствования. До 1902 г. расположением императора пользовался редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» князь Э.Э. Ухтомский, сопровождавший Николая в 1890–1891 гг. в его путешествии на Восток. Подразумеваемая вторую половину 1890-х гг., С.Ю. Витте вспоминал, что Э.Э. Ухтомский был «очень приближенный в то время к государю» [20, с. 365; 437]. По свидетельству князя С.М. Волконского, друга Э.Э. Ухтомского, он получил от Николая беспрецедентное право в любое время письменно испрашивать у монарха аудиенцию, вкладывая свои прошения в номер «Петербургских ведомостей», посылавшийся непосредственно царю. «Много “истин”, – вспоминал С.М. Волконский, – доходило таким путем до уха царского» [10, с. 69; 74]. Симптоматично, что в конце XIX – начале XX века Э.Э. Ухтомский, записал А.С. Суворин, «играл роль либерала» [61, с. 385]. Если бы Николай был чужд либерализму, то князь, конечно же, вел бы себя иначе. Либеральный флер отличал и взгляды А.М. Безобразова и его сторонников, которые критиковали

¹ Куломзин А.Н. Пережитое// РГИА. Ф. 1642 (А.Н. Куломзин). Оп. 1. Д. 199. Л. 51.

своего главного противника С.Ю. Витте не только за его внешне-, но и внутри-политический курс, а именно – за ограничение общественной самодеятельности. «Тут на спину мне валят и земства, – подразумевая критику безобразовцев, писал С.Ю. Витте министру внутренних дел Д.С. Сипягину в июле 1901 г. – Под моим, мол, влиянием уничтожена самодеятельность России, мол, я хочу, чтобы государь был отдален от народа, а власть перешла к чиновникам и, следовательно, министрам» [43, с. 45]. В данном случае безобразовцы мало отличались от земских либералов.

В 1898–1917 и в 1902–1914 гг. Николай общался, лично и письменно, с либеральными общественными деятелями А.А. Клоповым и Н.А. Демчинским. В сентябре 1902 г. А.А. Клопов утверждал, что «только монархизм может направить жизнь России по пути прогресса», в марте 1903 г. царский корреспондент писал как о само собой разумеющемся, что «на Вашу, Государь, долю выпадает великая историческая задача – дать России движение вперед» [63, с. 142; 216]. Факт, что после таких рекомендаций Николай продолжал принимать письма А.А. Клопова и общаться с ним, свидетельствовал об идейной солидарности самодержца со своим подданным. Единомыслие Николая и Н.А. Демчинского удостоверила записка последнего, написанная с полного согласия царя 2 июля 1902 г. Автор записки обосновывал мнение, что «теперь самое благоприятное время начать перестройку русской избы», и просил императора «призвать общество к жизни, оказать ему доверие, а не смотреть на него, как на собрание крамольников». В записке от 5 января 1903 г. Н.А. Демчинский писал: «Единение монарха с народом есть единственный верный шаг к спасению России, а совершится он может только при широком развитии общественной организации» [49, с. 615; 619; 626; 629; 630; 631]. Николай остался «чрезвычайно доволен» докладом Н.А. Демчинского и «в самых лестных выражениях выразил ему благодарность» [36, с. 214]. Очевидно, что и в данном случае неформальный советник императора выражал его же мнения.

К числу многолетних корреспондентов Николая относились видный представитель придворного либерализма обер-егермейстер И.П. Балашев, обосновывавший перед императором, по признанию обер-егермейстера, «разумно консервативные и разумно либеральные» идеи [25, с. 76–82], и публицист генерал Е.В. Богданович, хозяин консервативно-либерального салона, чьи посетители, по наблюдениям епископа Евлогия, принадлежали «к разным течениям общественно-политической мысли» [17, с. 199], то есть являлись и консерваторами, и либералами. В своих изданиях генерал популяризировал консервативно-либеральные взгляды и пропагандировал личный вклад Николая в осуществление либеральных реформ, утверждая, в 1913 г., что именно он «завершил» не только «святое дело освобождения крестьян», но и, в их пользу, вообще «все реформы своих предков», поскольку даровал крестьянам «17 октября 1905 г. права и свободу» [7, с. 142]. Реформы Николая Е.В. Богданович напрямую отождествлял с реформами Александра II. «В нашем сознании, – писал генерал в 1911 г., – имена Царя-Освободителя и ныне благополучно царствующего государя императора всегда тесно связаны друг с другом» [6, с. 36; 38]. В 1899–1913 гг. Е.В. Богданович получил от Николая на свою издательскую деятельность 193 000 руб. [47, с. 141–142]

Очевидно, трактовки публициста вполне устраивали заказчика его сочинений.

При всех оттенках политических взглядов деятелей, входивших в круг неформальных советников Николая в 1894–1917 гг. (А.М. Безобразов, И.П. Балашев, Е.В. Богданович, Н.А. Демчинский, А.А. Клопов, Э.Э. Ухтомский), их объединяла та или иная степень приверженности консервативному либерализму, что было бы невозможно, если бы та же самая приверженность не отличала самого царя. Впрочем, в качестве аргументов, доказывающих ортодоксальный консерватизм Николая, исследователи традиционно приводят его, якобы близкие, отношения с московским генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем и публицистом князем В.П. Мещерским. Однако в ряду перечисленных неформальных советников Сергей Александрович и В.П. Мещерский выглядят маргиналами, каковыми они и являлись на самом деле.

По наблюдениям начальника Канцелярии Министерства Императорского двора генерала А.А. Мосолова, между Николаем и Сергеем «особенной интимности» «не было», по причине чего политическое влияние дяди на племянника «не сказывалось» [32, с. 134]. Принципиальные расхождения между Сергеем и Николаем наметились уже в начале его царствования. «Если перлюстрируют мое письмо, – писал Сергей брату Павлу 17 февраля 1895 г., – мне несдобровать» [59, с. 313]. В марте 1901 г. московский генерал-губернатор поставил перед императором вопрос о своей отставке по причине расхождения с его внутренней политикой [56, с. 66]. В декабре 1904 г. Сергей появился в Петербурге, чтобы снова подать в отставку, которую Николай немедленно принял. Когда в январе 1905 г. А.А. Клопов пожаловался монарху, что Великий князь «всегда дает дурные советы», царь ответил: «Я теперь с ним совсем покончил» [57, с. 284]. Что касается В.П. Мещерского, то сразу по вступлении на престол Николай не только отверг просьбу князя о повышении ежегодной субсидии на издание его газеты «Гражданин», но и вообще прекратил финансирование этой газеты, поручив министру финансов С.Ю. Витте объявить В.П. Мещерскому, что «просит к нему никогда ни с чем не обращаться». Лишь начиная с 1902 г. по инициативе родственника князя – министра внутренних дел Д.С. Сипягина в память о близких отношениях В.П. Мещерского с Александром III, «Гражданин» получал по 18 000 руб. в год (в несколько раз меньше, чем до 1894 г.) [20, с. 268]. Однако возобновление субсидии не означало возвышения В.П. Мещерского, поскольку близкие отношения между ним и Николаем имели эпизодический характер и были характерны, судя по их переписке, только для 1902–1905 и 1913–1914 гг. [71]. Как и в случае с К.П. Победоносцевым, консервативное влияние на Николая со стороны Сергея Александровича и В.П. Мещерского современники и исследователи сильно преувеличивали.

Консерватизм Николая, по мнению историков, подтверждается, как будто бы, тем, что в области политического ритуала он демонстрировал приверженность вотчинному стилю управления. Действительно, в графе о роде занятий анкеты переписи населения 1897 г. царь написал: «Хозяин земли Русской». Однако эта фраза имела именно ритуальный характер поскольку как государственный деятель, Николай сознательно стремился к изживанию в себе вотчинного мирозерцания. «Политика, – писал импера-

тор бабушке своей супруги, королеве Виктории, в октябре 1896 г., – это не то, что частные или домашние дела, и в ней нельзя руководствоваться личными чувствами и отношениями» [16, с. 198]. Конечно, вотчинных настроений Николаю полностью избежать не удалось, однако эти настроения отличали не только российских монархов, поскольку, по наблюдениям П.Л. Барка, «манера смешивать государственные вопросы с семейными встречается также и у конституционных монархов, например в Англии» [3, с. 117]. Наблюдения П.Л. Барка обладают особой ценностью: он, как никто другой, хорошо знал политическую практику и России, и Великобритании, будучи последним царским министром финансов, а в эмиграции – британским банкиром и баронетом.

Доказательством консерватизма Николая исследователи считают обстоятельство, связанное с тем, что самого себя как государственного деятеля он сознательно противопоставлял Петру I, критикуя которого, его потомок заявил в 1903 г. А.А. Мосолову: «Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки» [32, с. 81]. Следовательно, Николай не был принципиальным противником петровских реформ, т.е. «насаждения чужого», но лишь полагал, что его необходимо подвергать «переработке». Более того, для некоторых либералов реформаторский опыт Петра представлялся неактуальным для России начала XX века. В письме от 20 марта 1902 г. А.А. Клопов, сравнивая Николая с Петром, отмечал, что «в настоящее время Россия переживает такой же поворотный момент, какой она переживала и во времена Великого Петра. Только условия теперь не те, – уточнял свою позицию царский корреспондент, – и Реформатор должен быть не тот. Если Петр производил ломку и накладывал властную руку на все стороны русской жизни, то теперь нужен выдержанный и спокойный Кормчий. Если тогда требовалась непреклонная суровость и порыв, то теперь нужна сердечность к народу и желание пролить в народ свет и образование. То и другое, – свидетельствовал А.А. Клопов, – у Вас, Государь, есть» [63, с. 110]. Конечно, в области политического ритуала Николай выказывал симпатии царю Алексею Михайловичу, давая в начале 1903 г. два костюмированных бала, на которых его участники, начиная с императора, были облачены в одежды Московской Руси. Но, во-первых, реставрация национальных обычаев отнюдь не противоречила модернизации. Подразумеваемая модернизирующиеся монархии, С. Хантингтон отмечал: «Выживают монархии, идентифицирующие себя с народным национализмом; погибают же те, что остаются приверженными в большей мере традиционным ценностям, классовым и семейным интересам, нежели интересам и ценностям национальным» [67, с. 175]. Во-вторых, подобного рода балы явились единственными в своем роде за все последнее царствование, между тем культ Петра I Николай не только не исключил из политического ритуала, но и всячески его поддерживал. В июне 1909 г. на торжествах по случаю 200-летия Полтавской битвы Николай заявил, что победа в этой битве, «давшая России величие», была одержана «гением Петра». «Как и Петр Великий, – отмечал официальный историограф в 1913 г., – государь держится взгляда, что и сухопутная, и морская силы должны развиваться рядом» [18, с. 87; 105]. Более того, за царствование Николая Петру I воздвигли 22 памятника, а Алексею Михайловичу – ни одного, хотя и до Николая памят-

ников Алексею никогда не ставили [58, с. 35–54]. Следовательно, мнение, что Николай полностью заменил петербургский миф старомосковским, является историкографическим мифом, хотя и в другом смысле.

Увлечение последнего самодержца русским стилем также едва ли может расцениваться как доказательство его консерватизма, поскольку этот стиль являлся каноническим в церковной архитектуре не только при консервативных Николае I и Александре III, но и при либеральном Александре II. Николай и Александра Федоровна, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, были поклонниками декадентского искусства. Подразумевая «поток декадентщины», шедший из Европы, С.Д. Шереметев отмечал: «Мы ... поддались ему и что всего грустнее – сверху. Дармштадт явился рассадником самого смелого декадентства, и под городом развился пригород, служащий ярким отпечатком господствующего течения» [69, с. 317]. Увлечение Николая русским стилем имело корни в эстетике не столько Древней Руси, сколько в западноевропейском декадентстве. Художник Б.М. Кустодиев, портретировавший царя в 1911 г., сообщив И.А. Рязановскому в феврале того же года, что монарх «старинной интересуется», тут же сделал характерную оговорку: «не знаю только, глубоко или так – “из-за жеста”» [8, с. 114]. Интерес Николая к «старине» имел исключительно ритуальный характер – это доказывается анализом его летней резиденции, Ливадийского дворца, построенного в 1910–1911 гг. в стиле итальянского Ренессанса по проекту архитектора Н.П. Краснова, который при проектировании и строительстве дворца учитывал личные указания царя и царицы [19, с. 113, 114, 128]. Ливадийский дворец, как отмечала дочь лейб-хирурга Т.Е. Мельник-Боткина, был «единственный, выстроенный государем и императрицей за их царствование по собственному вкусу» [30, с. 27]. В этом дворце нет ни одного интерьера в русском или византийском стиле, и даже дворцовая церковь исполнена в стиле Раннеитальянского Возрождения. Что касается Царского Села, постоянной резиденции Николая II, то он неоднократно указывал, что его казенные здания «должны быть обработаны в русском стиле времен Александра I или Николая I, либо одним из древнерусских, то есть новгородско-псковском, суздальском и московском» [23, с. 57]. Очевидно, что художественные вкусы царя отличались явным эклектизмом – ему нравились и ранний классицизм, и ампир, и древнерусский стиль, а это и являлось одной из отличительных черт эстетики декадентства – художественного аналога политического либерализма.

Либерализм Николая невольно признавали даже современники, которые преувеличивали его консерватизм. Так, в январе 1902 г. в фельетоне «Господа Обмановы» А.В. Амфитеатров приписывал императору балансирование «между дворянским охранительством и доктринерским либерализмом» и вкладывал ему в уста характерный вопрос: «Кто я таков – консерватор или либерал?» [2, с. 93; 98]. С.Ю. Витте подчеркивал в феврале 1912 г., что Николай проводил политику, в которой проявлялись «искра напускного либерализма» и «либеральные неискренние вспышки» [20, с. 681]. Реформы, совершенные монархом в 1904–1905 гг., по словам лидера октябристов А.И. Гучкова, сказанным в ноябре 1913 г., были «торжеством русского либерализма» [42, с. 427]. Тронная речь, произнесенная монархом 27 апреля 1906 г.

перед депутатами I Думы и членами Государственного совета, совпала, писал правый кадет В.А. Маклаков в 1939 г., «с давнишней программой либерализма» [29, с. 65]. В данной речи, которую, как сообщал премьер И.Л. Горемыкин члену Государственного совета А.А. Половцову, царь «написал сам» [50, с. 106]; он объявил, что «для благоденствия государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права» [33, с. 74–75], что полностью соответствовало консервативно-либеральному дискурсу – согласно ему, в интерпретации Б.Н. Чичерина, цель представительной монархии заключается «в сочетании порядка и свободы» [68, с. 126].

Самым ярким доказательством консерватизма Николая современники и исследователи считали то, что в конце 1905 – начале 1906 г. он встречался с черносотенными депутациями, принял от одной из них значок только что образовавшегося Союза русского народа, посылал телеграммы крайне правым и лично финансировал их деятельность, но в действительности все эти аргументы несостоятельны.

В 1905–1906 гг. Николай встречался с депутациями не только черносотенных, но и других, в том числе либеральных, организаций, например 6 июня 1905 г. Кроме того, отмечала А.В. Богданович, приемы депутатий продолжались до марта 1906 г. [5, с. 379], а затем прекратились [32, с. 51]. Позднее, вплоть до 1917 г., вспоминал директор Императорских театров В.А. Теляковский, «никаких политических партий отдельно» царь «не принимал» [64, с. 301].

Принятие Николаем значка СРН, будучи ни к чему не обязывающим актом вежливости, имело чисто ритуальное значение, поскольку свои значки монарху подносили и другие организации. Подразумевая царя, общественный деятель Н.А. Павлов отмечал: «Ему ставят в вину принятия значка правого союза, но никто не объяснит, что государю было поднесимо множество значков всяких обществ» [40, с. 96]. Значок СРН для Николая значил так мало, что через семь лет император, несмотря на свою отменную память, о нем уже забыл. Когда в декабре 1912 г., вспоминал председатель IV Думы М.В. Родзянко, царь увидел у депутата А.Н. Хвостова упомянутый значок, то задал ему вопрос: «Что это за значок?» [55, с. 58]. По наблюдениям сенатора С.П. Белецкого, при представлении монарху немногочисленные сановники-черносотенцы, кроме А.Н. Хвостова, значок СРН никогда не надевали [45, с. 260].

Телеграммы черносотенцам Николай посылал не по своей инициативе, а лишь в ответ на их приветственные телеграммы. Ответная телеграмма царя председателю СРН А.И. Дубровину, посланная 4 июня 1907 г., не означала того, что монарх одобряет антисемитские акции, поскольку в ней СРН призывался служить «для всех и во всем примером законности и порядка» [52, с. 341]. Таким образом, император указал на недопустимость погромной агитации. Поскольку царю посылали свои телеграммы и представители других партий, вплоть до октябристов, он отвечал и на них [42, с. 102; 397].

По свидетельству генерала А.А. Мосолова, контролировавшего расходы личных средств царской семьи по линии Министерства Императорского двора в 1905–1917 гг., никакой финансовой поддержки черносотенным изданиям и организациям Николай и Александра Федоровна не оказывали [32, с. 50–51]. Впрочем, в декабре 1905 г. царь передал через генерала Г.О. Рауха Великому князю Николаю Николаевичу 100 000 руб. на издание газет «Голос

правды» и «Зорька» [53, с. 91], в марте 1909 г., вспоминал В.И. Гурко, такую же сумму пожаловал Русскому собранию [13, с. 509] и в декабре 1910 г., согласно А.А. Бобринскому, даровал Национальному клубу субсидию в 15 000 руб. [4, с. 143]. Однако обе указанные газеты не были черносотенными; «Русское собрание», как отмечал епископ Евлогий, посещали правые «разных направлений» [17, с. 207], то есть не только черносотенцы, но и консервативные либералы, каковыми являлись и националисты, основавшие Клуб [22, с. 21].

С 1906 г. по Министерству финансов проходила сумма на «известное его императорскому величеству употребление», из которой МВД получало деньги для поддержки черносотенной прессы. Однако, во-первых, отмечал Ф. Покровский, расходование указанной суммы происходило без ведома царя, поскольку из расходов «на известное употребление» ему в действительности была известна «только небольшая, а иногда и прямо ничтожная их часть», например: в 1907 г. из 627 200 руб. – 10 600? [47, с. 140]. Во-вторых, субсидирование черносотенных изданий по линии Главного управления по делам печати МВД говорило не о солидарности монарха и его министров с черносотенцами, а об... ее отсутствии. Считая взгляды крайне правых экстремистскими, представители бюрократической элиты хотели добиться путем подкупа лидеров черносотенного движения их эволюции в сторону умеренности, когда же этого не происходило, субсидии прекращались. Первоначально П.А. Столыпин выдавал деньги на издание газеты А.И. Дубровина «Русское знамя», которая, тем не менее, критиковала правительство за либерализм. Летом 1907 г. П.А. Столыпин распорядился о выдаче А.И. Дубровину 25 000 руб. под условием прекращения на страницах «Русского знамени» подобной критики. Однако на следующий день именно в этой газете появилась очередная антистольпинская статья, после чего казенных денег А.И. Дубровину больше никогда не выдавали [11, с. 156]. В декабре 1911 г. Министерство юстиции поддержало думской законопроект о запрете другой, по мнению правительства излишне консервативной, газете «Московские ведомости», печатать объявления от этого Министерства, что лишало газету 110 000 руб. ежегодных поступлений. Соответствующий закон император утвердил 23 марта 1912 г. [65, с. 74; 173; 174; 175]. Вслед за А.И. Дубровиным деньги на поддержку крайне правых изданий получал более умеренный, по сравнению с ним, депутат III–IV Думы Н.Е. Марков-2-й, которому выдавали 10 – 12 000 руб. в месяц. Но на фоне суммы, полученной рептилиями за пять лет с октября 1906 г. по март 1911 г. (54 месяца) и равнявшейся 3 168 000 руб., субсидия крайне правым, даже если ее рассчитывать по максимуму (12 000 в месяц) была сравнительно невелика – 648 000 или 20 % [54, с. 333–338; 338–340]. Правительство Николая II, как вспоминал ближайший сотрудник П.А. Столыпина С.Е. Крыжановский, отпускало средства не только крайне правым, но и консервативным либералам – националистам и октябристам, отдавая предпочтение изданиям не крайне правого, а «средне-го» и «умеренно-правого» направления [24, с. 152]. Через Главное управление по делам печати по самым максимальным расчетам в 1914 г. черносотенная пресса получила 298 364 руб. или 31,5 % от общей суммы, потраченной на рептилии, в 1915 – 281 594 (26,3 %), в 1916 – 471 364 (28 %) [54, с. 340–342]. Следовательно, в 1906–1916 гг. правительственные субсидии черносотенцам не отличались масштабностью, что было отнюдь не случайно.

К осени 1907 г. черносотенцы лишились у Николая всякого авторитета, поскольку тогда на него, вспоминал начальник Петербургского охранного отделения генерал А.В. Герасимов, «произвели впечатление» сведения переданной царю П.А. Столыпиным справки, которые оказались «прямо убийственны для СРН» [11, с. 159]. После этого отношение Николая к черносотенному движению стало скептическим: в апреле 1909 г., записал помощник военного министра генерал А.А. Поливанов, на вопрос П.А. Столыпина, не хочет ли он «опираться на крайних правых», император ответил: «Нет, я отлично знаю крайних правых» [48, с. 70]. Несомненное отсутствие идейной близости между Николаем и черносотенцами доказывается личным составом Придворного штата, формировавшимся непосредственно монархом. В 1905–1907 гг. царь исключил из него общественных деятелей, имевших какое-либо отношение к радикальному движению и нелегализованной Кадетской партии [25, с. 75]. В то же время в течение 1906–1917 г. придворные-либералы, то есть прогрессисты, октябристы и националисты, составляли заметную прослойку, особенно по сравнению с придворными-черносотенцами, которые образовывали ничтожное меньшинство [26, с. 42; 142]. Повторяя друг за другом, что Николай благосклонно реагировал на верноподданнические демонстрации черносотенцев, историки упорно игнорируют следующий факт: конкретные политические рекомендации крайне правых императором никогда не выполнялись. Итак, особые симпатии Николая к черносотенцам являются ничем иным, как мифом, который появился, прежде всего, по причине элементарной неосведомленности. «Цари, – вспоминала кадетка А.В. Тыркова-Вильямс, – жили замкнутой, недоступной, непонятной для подданных жизнью. Эта далекость открывала простор легендам и недоброжелательным выдумкам» [66, с. 345]. Консервативность Николая преувеличивали опальные сановники, вроде С.Ю. Витте, и участники оппозиционного движения. Первые делали это для оправдания своих неудач, а вторые – для дискредитирования политического противника.

Созданию неверного представления о политической индивидуальности последнего царя способствовал и он сам, поскольку, подчеркивал А.А. Мосолов, Николай дистанцировался от партий, полагая, что сутью царской власти является социально-политическая нейтральность [32, с. 173]. Будучи сторонником либеральных реформ, император не хотел казаться либералом. «Отчего могли думать, что я буду либералом? – говорил он министру внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому в ноябре 1904 г. – Я терпеть не могу этого слова. Тем не менее, когда П.Д. Святополк заметил, что «вы в душе либеральны», Николай «ничего определенного не ответил» [57, с. 259], то есть молчаливо согласился с министром. Приведенный эпизод соотносится с информацией хорошо осведомленного А.А. Клопова, который писал монарху в июне 1905 г., что «Вы ... сознаете в душе» необходимость «радикального перестроя всего нашего государственного управления» [63, с. 361]. Впрочем, самоидентификации с определенными политическими партиями император не избегал, однако первоначально сочувствием Николая пользовались не столько черносотенцы, сколько октябристы. При представлении царю в мае 1907 г. 17 депутатов правого крыла II Думы, в том числе 9 октябристов, он заявил: «Сожалею, что не вся Дума состоит из таких людей, как вы: тогда спокойна

была бы Россия, а я был бы счастлив» [41, с. 353]. Затем, из-за быстрого левения лидера октябристов А.И. Гучкова, предпочтениями Николая стали пользоваться умеренно-правые. В феврале 1909 г. Николай, согласно А.А. Поливанову, заявил военному министру генералу А.Ф. Редигеру, что поскольку «октябристы всегда захватывают в свои речи то, что им не принадлежит», ему «гораздо более нравятся умеренно правые» [48, с. 61]. В октябре 1909 г., записала А.В. Богданович, Николай считал себя октябристом, но «в хорошем толковании этого слова» [5, с. 480–481]. Лидер умеренно-правых в III–IV Думе П.Н. Балашев (племянник И.П. Балашева) был, по свидетельству А.И. Гучкова, «консервативно-либерального направления» [1, с. 194]. В конце марта 1911 г., отмечал А.А. Бобринский, царь полагал: «...все, что правее Нейдгарта, – революционеры» [4, с. 149]. Лидер Группы правого центра Государственного совета А.Б. Нейдгарт являлся единомышленником П.Н. Балашева, то есть консервативным либералом.

Симпатии Николая к умеренно-правым доказывали консервативно-либеральный характер его политических взглядов – именно они, а не мифическое слабоволие монарха, предопределили его готовность идти на уступки оппозиции, делая Николая, на фоне партийного спектра России начала XX века, типичным центристом. «Россия, – писал октябрист А.Ф. Мейендорф, – была страной причудливых мечтаний, в которой императорская власть была наименее эксцентричным центром» (цит. по: [39, с. 512]). Наблюдавшийся в конце XIX – начале XX века конфликт между властью и обществом обусловил не консерватизм Николая и либерализм оппозиционеров а помимо прочего, обстоятельства антропологического порядка. По причине консервативного либерализма царя его политический ритуал, наряду с либеральными, имел и консервативные элементы, вводившие в заблуждение лидеров оппозиции, которые, принимая их за чистую монету, видели в них проявление истинных взглядов императора. Между тем, только в примитивных обществах ритуалы буквально раскрывают реальность. Политические ритуалы в модернизирующихся обществах не столько раскрывают, сколько скрывают истинные политические взгляды правителя-модернизатора. В целях поддержания социальной стабильности он сознательно стремится к сохранению символической преемственности с предыдущим консервативным режимом, а потому камуфлирует собственные либеральные взгляды консервативной риторикой. Именно это и было в случае с Николаем II, который, имея консервативно-либеральные взгляды, играл ритуальную роль консерватора, однако в области реальной политики проводил либеральные реформы.

Список литературы

1. Александр Иванович Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 9–10.
2. Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Воспоминания: в 2 т. М., 2004. Т. 2.
3. Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917: в 2 т. М., 2017. Т. 1.
4. Бобринский А.А. Дневник // Красный архив. 1928. Т. 26.

5. Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990.
6. Богданович Е.В. Пятидесятилетие освобождения крестьян. СПб., 1911.
7. Богданович Е.В. Трехсотлетие державному Дому Романовых. 1613–1913. СПб., 1913.
8. Борис Михайлович Кустодиев. Письма. Статьи, заметки, интервью. Встречи и беседы с Кустодиевым (Из дневников В. Воинова). Воспоминания о художнике. Л., 1967.
9. Буксгевден С.К. Император Николай II, каким я его знала. Отрывки воспоминаний // Возрождение. 1957. Тетр. 67.
10. Волконский С.М. Мои воспоминания: в 2 т. М., 1992. Т. 2.
11. Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991.
12. Горемыка Антон [Урусов С.Д.]. Николай II, его личность, интимная жизнь и правление. Лондон, 1905.
13. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
14. Джунковский В.Ф. Воспоминания: в 2 т. М., 1997. Т. 1.
15. Допрос князя М.М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7 т. М. –Л., 1924–1927. Т. 1. М. –Л., 1924.
16. «Дражайшая бабушка...». Письма Николая II королеве Виктории. 1894–1900 гг. // Исторический архив. 1995. № 1.
17. Евлогий, епископ. Путь моей жизни. М., 1994.
18. Елчанинов А.Г. Царствование государя императора Николая Александровича. СПб. –М., 1913.
19. Земляниченко М.А., Кадиевич А., Калинин Н.Н. Архитектор Высочайшего двора. «Архитектор Краснов – удивительный молодец...». Симферополь, 2005.
20. Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания: в 2 т. СПб., 2003. Т. 1.
21. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 1997.
22. Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.
23. Крашенинников А.Ф. Зодчий русской национальной школы Владимир Николаевич Максимов (1882–1942) // Лица. Биографический альманах. 1992. Вып. 1.
24. Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б.г.
25. Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии // Из глубины времен. 1999. Вып. 11.
26. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.
27. Куропаткин А.Н. Дневник // Красный архив. 1924. Т. 5.
28. Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896. М., 1991.
29. Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М., 2006.
30. Мельник-Боткина Т.Е. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993.

31. Мордвинов А.А. Воспоминания // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999.
32. Мосолов А.А. При Дворе последнего императора. Записки начальника Канцелярии министра Двора. СПб., 1992.
33. Николай II. Дневники. М., 1991.
34. Николай II. Полное собрание речей императора. 1894–1906. СПб., 1906.
35. Николай II и самодержавие в 1903 г. // Былое. 1918. № 2.
36. Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования. М., 1917.
37. Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992.
38. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988.
39. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991.
40. Павлов Н.А. Его Величество государь Николай II. СПб., 2003.
41. Партия «Союз 17 октября». Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. Т. 1. М., 1996.
42. Партия «Союз 17 октября». Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. Т. 2. М., 2000.
43. Письма С.Ю. Витте к Д.С. Сипягину (1900–1901 гг.) // Красный архив. 1926. Т. 18.
44. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993.
45. Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7 т. М.–Л., 1924–1927. Т. 4. М.–Л., 1925.
46. Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце. Воспоминания министра иностранных дел. М., 2015.
47. Покровский Ф. Расходы на «известное Его Императорскому Величеству употребление» (1906–1913 гг.) // Былое. 1922. № 26.
48. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. Т. 1. М., 1924.
49. Политические проекты Н.А. Демчинского // Российский архив. 2005. Т. MMIV.
50. Половцов А.А. Дневник // Красный архив. 1923. Т. 4.
51. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. М., 2005. Т. 2.
52. Правые партии. Документы и материалы: в 2 т. М., 1998. Т. 1.
53. Раух Г.О. Дневник // Красный архив. 1926. Т. 19.
54. Рептильный фонд 1914–1916 гг. // Красный архив. 1925. Т. 10.
55. Родзянко М.В. Крушение Империи // Архив русской революции. 1926. Т. 17.
56. Российский императорский дом. Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992.
57. Святополк-Мирская Е.А. Дневник // Исторические записки. 1966. Т. 77.
58. Сокол К.Г. Монументальные памятники Российской империи. Каталог. М., 2006.
59. Соловьев Ю.Б. Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974.

60. Степанов В.Л. Самодержец на распутье: Николай II между К.П. Победоносцевым и Н.Х. Бунге // Император Николай II и его время: сб. материалов Всерос. науч.-просветит. конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 2008.

61. Суворин А.С. Дневник. М., 2000.

62. Таганцев Н.С. Пережитое. Пг., 1919. Вып. 1.

63. Тайный советник императора. СПб., 2002.

64. Теляковский В.А. Воспоминания. 1898–1917. [С]Пб., 1924.

65. Тихомиров Л.А. Дневник // Красный архив. 1936. Т. 74.

66. Тыркова А.В. То, чего больше не будет. На путях к свободе. М., 1998.

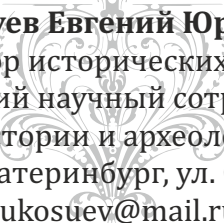
67. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.

68. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899.

69. Шереметев С.Д. Мемуары. М., 2001.

70. Шереметевы в судьбе России. Воспоминания. Дневники. Письма. М., 2001.

71. Vinogradoff I. Some Russian Imperial Letters to Prince V.P. Meshersky (1839–1914) // Oxford Slavonic Papers. 1962. V. X.

Рукосуев Евгений Юрьевич
Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института истории и археологии УрО РАН
620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
rukosuev@mail.ru

Цветная металлургия и горнодобывающая промышленность Урала в конце XIX – начале XX века.¹

Аннотация. В статье раскрывается специфика модернизации медеплавильной и горнодобывающей промышленности Урала в конце XIX – начале XX века, обусловленная техническим и технологическим отставанием местных предприятий от мирового уровня развития отрасли, ростом добычи руды, угля, соли, асбеста и других полезных ископаемых, строительством железных дорог и совершенствованием других путей сообщения. Приводится перечень мероприятий, реализованных на отдельных заводах с целью преодоления технического и технологического отставания региона.

Ключевые слова: Урал; цветная металлургия; горнодобывающая промышленность; медь; соль; каменный уголь; асбест; железные дороги.

Модернизация как общемировой, глобальный процесс перехода от традиционного, аграрного общества к современному, индустриальному, будучи комплексным явлением, охватывая все сферы жизни общества, проявляется, прежде всего, в «обновлении» техносферы, во внедрении новой техники и новых технологий, развитии транспорта и коммуникаций.

В техническом оснащении медеплавильной промышленности Урала, которая в пореформенный период долго переживала застой и упадок, в конце XIX века наметились существенные сдвиги. На Богословском медеплавильном заводе была построена и с 1887 г. действовала фабрика бессемерования купферштейна, завод стал получать этим методом до 2/3 всей производимой меди. В 1892 г. на заводе было введено рафинирование черновой меди путём электролиза. В 1900 г. завод дал 34,5 % уральской меди. На Выйском заводе Нижнетагильского округа в 1895–1896 гг. были установлены две новые медеплавильные печи – ватержакеты, в 1897 г. построена новая регенеративная печь шведского типа для очистки меди. В 1900 г. завод выплавил 54,7 % меди, производимой на Урале [24, с. 84–86; 87–90; 92]. Из шести медеплавильных заводов два, наиболее крупных и технически лучше оснащенных, в 1900 г. выплавляли 89,2 % уральской меди [20].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00611а.

В значительно меньшей степени медеплавильная промышленность пострадала от экономического кризиса 1900–1903 гг. и промышленной депрессии 1904–1909 гг., благодаря усилившемуся спросу на медь в машиностроительной и электротехнической промышленности и увеличению таможенных пошлин. В начале XX века были расширены и обновлены Богословский и Выйский медеплавильные заводы, в 1901 г. возобновил работу ранее закрытый и заново оснащенный Пышминско-Ключевской медеплавильный завод. Переломом в развитии отрасли стало освоение новой технологии – пиритной плавки, позволившей использовать не употреблявшиеся ранее колчеданные месторождения медных руд.

Медеплавильные предприятия оснащались по последнему слову техники того времени. В 1911 г. был построен и пущен Карабашский завод, на котором была установлена самая мощная в России регенеративная отражательная печь. Выплавка электролитической меди в Карабаше с 1907 по 1913 г. увеличилась с 17,0 млн пудов до 486,8 млн и составила 50 % производства всей электролитической меди на Урале [22, с. 247]. В 1914 г. вступил в строй новый Калатинский медеплавильный завод, на котором были поставлены две ватержетные печи, два конвертора, печь для рафинирования меди [24, с. 101–104].

В предвоенные годы выплавка меди на Урале осуществлялась в Богословском, Кыштымском, Нижнетагильском, Верх-Исетском, Сысертском, Белорецком горнозаводских округах и Южно-Уральском горнопромышленном обществе [9, с. 374]. В медеплавильной промышленности региона, также как и в черной металлургии, наблюдалась концентрация производства: из семи имевшихся заводов ведущее место занимали два – Нижне-Кыштымский и Богословский, выплавившие в 1914 г. 69,5 % всей уральской меди [10, с. 372]. На протяжении всего рассматриваемого периода медеплавильная промышленность Урала обеспечивала производство половины производимой в стране меди, несмотря на то, что в это время начинают появляться новые медеплавильные предприятия в Сибири и Киргизской степи [17; 18; 23].

Техническая революция захватила и другие отрасли горнозаводской промышленности. Выжиг древесного угля вместо кучного способа на многих заводах стал производиться в углевывжигательных печах, в 1899 г. в них было выжжено уже около 10 % всего заготовленного древесного угля. На рудниках и угольных коях устанавливались паровые двигатели, электрические насосы и лебёдки. Крупные железные рудники были оборудованы железнодорожными путями, руду с них стали отвозить в вагонах с помощью паровозов. В солеварении черные варницы, топившиеся «по-курному», всегда закопчённые и грязные, стали вытесняться «белыми» варницами – более производительными, более гигиеничными, с лучшими условиями труда [12, с. 14–15].

В конце XIX века заметное место заняла добыча марганца. Главными местами его разработки были Сапальский рудник Нижнетагильских заводов, Тамьян-Тангауровский рудник Белорецких заводов, Бурзянский рудник Катавских заводов. Добыча марганца составила в 1885 г. 54,7 тыс. пудов, в 1900 г. 197,1 тыс. пудов [20]. В годы экономического кризиса в связи с конкуренцией южнорусского и кавказского марганца его добыча на Урале сократилась до 56,1 тыс. пудов в 1910 г. [21].

В начале XX века на Урале начинается в небольших масштабах добыча никелевых руд в Ревдинском горнозаводском округе, в 1916 г. они были найдены в Верхне-Уфалейской даче. Проведенные на Нейво-Рудянском заводе Верх-Исетского округа опытные плавки железо-никелевых руд позволили получить чугуны, обладавший специфическими свойствами [6].

Добыча соли, её выварка из соляных растворов в Прикамье в XIX веке сконцентрировалась в районе Соликамска. Во второй половине XIX века развитие пермской солепромышленности замедлилось из-за конкуренции более дешевой каменной и самосадочной Баскунчакской и Эльтонской соли. Бурение скважин велось вручную, рассол добывался простейшими насосами, рассолопроводные трубы и лари для его хранения были деревянными. На рубеже XX века внедряется механическое бурение, устанавливаются паровые машины, углубляются скважины до 80–100 сажен. Выварка соли составила в 1860 г. 10,9 млн., в 1913 г. – 21,6 млн пудов. Удельный вес соли-«пермянки» в общероссийской добыче составлял в 1880 г. 26,5%, в 1910 г. – 16,7%. Месторождение каменной соли на Южном Урале, у Илецка (Илецкой Защиты) в 1877 г. были сданы в аренду товариществу оренбургских купцов, которое прекратило поверхностную разработку и приступило к подземным работам. Были сооружены две шахты, установлены четыре паровые машины, введено электрическое освещение. Добыча каменной соли на юге Урала составила в 1885 г. 2,2 млн пудов, в 1900 г. – 1,9 млн, в 1910 г. – 2,6 млн пудов.

В начале XX в. началась добыча магнезита на Саткинском месторождении в Златоустовском уезде Уфимской губернии. Магнезит использовался для выпуска огнеупорного кирпича и магнезитового порошка (каустической магнезии), нашедшего применение при изготовлении цемента, варке целлюлозы, в термоизоляции, процессах химической переработки и пр. Его добыча составила в 1910 г. 2,3 млн пудов, в 1913–1916 гг. – по 3,6 млн пудов в год [22, с. 154].

Асбест на Урале был открыт в 1719–1720 гг. во владениях Демидовых, и первоначально использовался для изготовления различных сувениров – несгорающие платки, скатерти, перчатки, кошельки. С развитием машинной техники он находит широкое применение в качестве теплоизоляционного материала, прежде всего при изготовлении паровых котлов. В конце 1860-х гг. его добыча приобрела промышленные масштабы в Италии и Канаде. В связи с этим появляется интерес к этому забытому в России минералу. Организованные поисковые работы привели к обнаружению в 1884 г. первой богатой асбестовой жилы близ Кудельного болота в Каменской казенной даче, положившей начало открытию и разработке с 1889 г. крупнейшего в мире Баженовского месторождения [19]. Добыча велась в неглубоких карьерах, асбест отвозился в тачках и лошадьми в тележках. Добытый асбест промывали, высушивали, просеивали через сита, сортировали. Урал абсолютно доминировал по торговле сырым асбестом и изделиями из него на внутрироссийском рынке. Большая часть его, от 50 до 80 %, шла на экспорт; практически весь асбест, добываемый на Вознесенских коях, принадлежавших барону Э.А. Жирар-де-Сукантону, отправлялся в необработанном виде через Ревель за границу [3, с. 246]. В 1910 г. в России было только два предприятия, перерабатывавших асбест: «Проводник» в Риге и «Изолятор» в Санкт-Петербурге.

Переработанный в Европе уральский асбест возвращался в Россию в виде готовых изделий.

Первая железная дорога в России, построенная в 1837 г., соединила Санкт-Петербург с Царским Селом. Первая железнодорожная линия на Урале появляется только через 40 лет – в январе 1877 г. была открыта для движения линия Кинель–Оренбург протяжённостью 352 версты [14, с. 26], которая прошла по югу региона на стороне от районов деятельности промышленных предприятий. Общая же длина железных дорог в Европейской России составляла в это время 18 208 верст. В 1878 г. сдана в эксплуатацию дорога Пермь–Чусовская–Гороблагодатская–Екатеринбург протяженностью 466 верст, в 1879 г. у этой дороги появилась Луньевская ветка (202 версты), позволившая снабжать дорогу топливом из Кизеловского каменноугольного месторождения [16]. Новая дорога получила название «Уральская горнозаводская железная дорога».

В 1880-е гг. строительство железных дорог в регионе продолжилось. В 1885 г. началось регулярное движение по линии Екатеринбург–Тюмень (309 верст) и отходящей от нее ветке Богданович–Синарская (38 верст) [14, с. 37]. В 1888 г. Уральская горнозаводская железная дорога была соединена с Екатеринбург–Тюменской железной дорогой под общим названием «Уральская железная дорога». Таким образом, железная дорога соединила речные бассейны Камы и Оби, оставаясь локальной, не связанной с общей сетью железных дорог России [7].

Включение Урала в общую систему железных дорог России произошло в южной части региона. В 1890 г. началось движение по Самаро-Златоустовской железной дороге (900 верст) [14, с. 45]. В Челябинске эта дорога была соединена с Сибирской железной дорогой. Уральская промышленность получила возможность поставлять свою продукцию в Сибирь и Поволжье по постояннодействующему, всесезонному, пути сообщения.

В 1896 г. была построена линия Екатеринбург – Челябинск (226 верст) [14, с. 53], Средний Урал соединили с Сибирской железной дорогой. В 1899 г. началось рабочее движение по железнодорожным линиям Пермь–Вятка (448 верст) и Вятка–Котлас (360 верст), открывшее Среднему Уралу путь в общероссийскую железнодорожную сеть [14, с. 59–60]. Продукция уральских заводов получила беспрепятственный доступ к пристаням на реке Северная Двина.

Таким образом, к концу XIX века регион оказался прорезанным тремя широтными железнодорожными магистралями и одной меридиональной, соединившей рельсовым путем Северный и Средний Урал с Южным Уралом и Транссибирской железной дорогой. Это связало Урал с общероссийской железнодорожной сетью, ликвидировало его замкнутость и оторванность от центра страны. В 1890-е гг. на уральских реках Каме, Белой, Уфе, Вятке ускоренными темпами развивалось пароходство. Прочно вошли в повседневную практику новые средства связи – телеграф, телефон, что тоже имело немаловажное значение для дальнейшего успешного развития промышленности и торговли в регионе.

В начале XX века строительство железных дорог на Урале продолжилось, но теперь, помимо магистральных дорог, начинается строительство веток

и подъездных путей от промышленных предприятий или крупных месторождений полезных ископаемых к магистральным дорогам. В 1906 г. было закончено строительство частной Богословской железной дороги (182 версты), соединившей станцию Гороблагодатская с Надеждинским заводом на Северном Урале.

В 1909 г. на Урале государством была построена стратегическая дорога Пермь – Кунгур – Екатеринбург (356 верст), сократившая путь между конечными пунктами на 117 верст; кроме того, она была снабжена дополнительными разъездами [14, с. 72; 78]. В 1913 г. построена дорога Тюмень – Омск, позволившая грузам, идущим из Сибири выйти на Северную магистраль, минуя перегруженную Самаро-Златоустовскую линию. В 1914 г., буквально накануне Первой мировой войны, началось движение по линиям Аксаково – Белебей, Бугульма – Чишмы, Оренбург – Орск, Полетаево – Троицк – Кустанай [14, с. 87], общая длина этих линий составила 794 версты. Две последние линии предполагалось соединить в глубине Киргизской степи и продолжить строительство через Акмолинск на Барнаул, создав, таким образом, Южно-Сибирскую железнодорожную магистраль, которая, проходя через Экибастузское каменноугольное месторождение, могла бы снабжать уральские заводы минеральным топливом.

В годы Первой мировой войны важную роль стали играть запущенные в 1916 г. Западно-Уральская железная дорога: Лысьва – Дружинино – Бердяуш (480 верст), соединившая заводы и железные рудники западного склона Уральского хребта, и Северо-Восточная Уральская железная дорога: Екатеринбург – Тавда (336 верст), позволившая включить в промышленную эксплуатацию нетронутые леса в бассейнах рек Сосьвы и Тавды. Строительство этой дороги предполагалось продолжить до Тобольска, чтобы иметь еще один, помимо Тюмени, выход к системе водных путей Западной Сибири и Северного Ледовитого океана. В 1916 г. Северо-Восточная Уральская железная дорога была соединена веткой Алапаевск – Егоршино – Богданович (122 версты), прошедшей вдоль Егоршинского каменноугольного месторождения, с Омской железной дорогой. Также в 1916 г. построен участок дороги Троицк – Карталы (131 верста) [14, с. 91; 96], который был продолжен в направлении на город Орск, для соединения с железной дорогой Оренбург – Орск, которая, по намеченным планам, должна была стать западным участком Южно-Сибирской железной дороги.

Можно сделать вывод, что к 1917 г. были соединены рельсовыми путями все крупные заводы, рудники, каменноугольные копи. Прокладывались подъездные пути. Основной поток горнозаводских грузов перешел на железнодорожный транспорт. Традиционный весенний сплав барок с железом по реке Чусовой и по другим рекам, хотя и сохранился, но стал играть значительно меньшую роль в региональном перемещении грузов. Общая длина железнодорожных путей широкой колеи на Урале в 1918 г. составила 6480 верст, то есть всего 8,5 % длины всех железных дорог России.

Благодаря железным дорогам была ликвидирована оторванность Урала от центра страны и других промышленных регионов. К лету 1918 г. благодаря введению новых железнодорожных магистралей и значительного количества подъездных путей и узкоколейных дорог, построенных как за счет государ-

ственных средств, так и за счет средств самих горнозаводчиков, транспортные условия уральских металлургических заводов изменились в лучшую сторону. В это время из 73 металлургических заводов Урала непосредственно при речных пристанях и железнодорожных станциях находилось 25 заводов, на расстоянии от 2 до 10 верст от них – 29, из них 12 заводов были связаны с железнодорожными линиями ширококолейными (10 заводов) или узкоколейными (2 завода) рельсовыми путями; 10 заводов находились от железнодорожных станций на расстоянии от 11 до 30 верст, четыре из них также были связаны с железнодорожными линиями узкоколейными ветками. Семь заводов находились от железнодорожных станций на расстоянии от 31 до 90 верст, из них пять (Нейво-Шайтанский – в 34 верстах, Узьянский – в 48, Лапыштинский – в 58, Зигагинский – в 80, Инзерский – в 90 верстах) имели свои соединительные узкоколейные ветки. Только два завода этой группы, расположенные на расстоянии более 31 версты от железнодорожных станций (Сысертский – в 35 верстах и Артинский – в 57 верстах), не имели рельсового соединения с железнодорожными линиями [11, с. 82–83].

В целом находились при речных пристанях и непосредственно при железнодорожных станциях, были соединены с железнодорожными линиями ширококолейными или узкоколейными путями 46 заводов (63 %). Если к ним добавить ещё 17 заводов, не соединённых с речными пристанями и железнодорожными станциями рельсовыми путями, но расположенные в 2–10 верстах от них и тоже имевшие приемлемые транспортные возможности, то можно сказать, что транспортные условия для 63 заводов (86,3 % общего числа всех заводов) были уже довольно удовлетворительными. При этом следует учитывать, что 10 заводов, расположенные на расстоянии более 11 верст от речных пристаней и железнодорожных станций и не соединённые с ними какими-либо рельсовыми путями, были мелкими, с очень небольшой производительностью [1, с. 491].

Строительство железных дорог на Урале привело к появлению новой отрасли горной промышленности – добыче каменного угля. Отсутствие широкого устойчивого круга потребителей способствовало тому, что до конца 1870-х гг. размеры добычи уральского угля оставались крайне незначительными. Это объясняется тем, что вплоть до конца XIX столетия крупными потребителями угля могли выступать в регионе только металлургические заводы, а за пределы региона поставлять уголь было сложно из-за неразвитости транспортной сети. Уральская металлургия имела в качестве своей топливной базы древесный уголь, и только опасность истощения лесных дач горных округов заставляла отдельных заводладельцев решиться на рискованные вложения в добычу каменного угля. Ситуация стала меняться в последней трети XIX века, когда Урал был включен в общероссийскую систему железных дорог. Именно железнодорожное строительство сделало добычу местных некоксуемых углей рентабельной, и железные дороги стали основными потребителями продукции уральских копей. Появление новых потенциальных потребителей минерального топлива, на долю которых приходилось около 60 % всей добычи в регионе, позволило ввести в строй новые месторождения [2]. Всего за последние 20 лет XIX века объемы добычи угля на Урале выросли более чем в три раза: с 7,2 млн пудов в 1880 г. до 22,2 млн пудов в 1900 г., но доля Урала в общероссийской добыче была крайне низкой, не превышая 4 %.

Особенностями угольных месторождений Урала было то, что качественные характеристики углей (теплотворность, зольность) значительно уступали топливу из других районов России. Месторождения Донбасса, Польши, Сибири могли обеспечивать металлургическую промышленность коксующимися углями. Качество местного минерального топлива позволяло использовать его только на энергетические нужды – для сжигания в паровозных топках, паровых котлах, нагревательных печах, что изначально ограничивало его рынок сбыта и, следовательно, перспективы добычи.

В начале XX века дальнейшее развитие добычи минерального топлива сдерживалось сохраняющейся ещё обособленностью уральской железнодорожной сети, нехваткой подъездных путей, отсутствием полных сведений о химических и физических свойствах уральских углей и недостаточной разведкой месторождений, но главным обстоятельством оставалось отсутствие спроса на местные угли у металлургических предприятий региона, продолжавших использовать в качестве топлива древесный уголь, торф и даже дрова [4; 5; 8; 13; 15]. С 1900 по 1914 г. объемы добычи каменного угля на Урале увеличились в четыре раза – с 22,2 до 84,2 млн пудов, но доля в общероссийской добыче осталась прежней.

Казенные горные округа в процессе освоения угольных месторождений Урала практически не участвовали. Отсутствие внимания со стороны государства приводило к тому, что геологоразведка во всех бассейнах проводилась фрагментарно, точных объемов запасов угля не было установлено ни по одному из бассейнов, что, в свою очередь, сдерживало инвестиции. Предприниматели предпочитали не тратить на развитие инфраструктуры и механизацию предприятий, в результате чего добыча велась примитивными в техническом отношении способами [2, с. 23].

Значительных успехов в конце XIX века достигла фабрично-заводская промышленность региона. Быстрыми темпами развивались химическое производство, предприятия по обработке металлов, животных продуктов и древесины. В фабрично-заводской промышленности появились крупные предприятия с сотнями рабочих, оснащенные паровыми двигателями и машинной техникой: механический и литейный завод Ф.Е. Ятеса в Екатеринбургe, судостроительный завод Любимова в Перми, содовый завод акционерного общества «Любимов, Сольвэ и К^о» в селе Березники Соликамского уезда Пермской губернии, Бондюжский и Кокшанский химические заводы П.К. Ушкова в Елабужском уезде Вятской губернии и др.

Модернизация техники и технологий в уральской металлургии, социальные и социокультурные трансформации, происходившие в регионе в конце XIX – начале XX века, существенно изменили его облик. Уральская металлургия в канун революции 1917 г. уже коренным образом отличалась по уровню технической вооруженности ее в 1880-х гг. Вместе с тем необходимо отметить, что при общем поступательном развитии уральской горнозаводской промышленности и в технических отношениях, и в объемах производимой продукции, Урал утратил роль лидера в металлургической промышленности, уступив «новым» промышленным регионам.

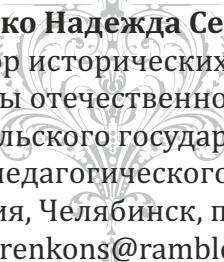
Список литературы

1. Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008. 886 с.
2. Баканов С.А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 328 с.
3. Барбот-де-Марни Е.Н. Урал и его богатства. Екатеринбург, 1910. 413 с.
4. Боков В. О добыче торфа в уральских горнозаводских дачах Пермской губернии // Горный журнал. 1898. Т. 2. № 4. С. 102–114.
5. Боков В. Углежение в лесах Пермской губернии // Горный журнал. 1898. Т. 1. № 2. С. 203–225.
6. В.Я. Новости горнозаводского дела на Урале // Уральский техник. 1916. № 8–9. С. 81–83.
7. Верховский В.М. Краткий очерк начала и распространения железных дорог в России по 1897 год включительно. СПб., 1898. X, 591. 59 с.
8. Вольский А.А. Древесный уголь в русской промышленности. СПб., 1901. 8 с.
9. Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.: Л.: Наука, 1965. 400 с.
10. Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв. Избранные труды. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 616 с.
11. Гаврилов Д.В. Модернизационный взлет Урала в конце XIX – начале XX века // Модернизационные процессы в металлургии Урала в XVII–XXI вв. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. С. 40–93.
12. Гаврилов Д.В. Научно-технический и социальный прогресс в горнозаводской промышленности Урала в период домонополистического капитализма // Взаимодействие технического и социально-экономического развития в период капитализма. Свердловск, 1989. С. 11–16.
13. Кандыкин Ф.И. Материалы к совещанию углепромышленников Восточно-го склона Урала 15 сентября 1909 г. // Уральский техник. 1909. № 9. С. 1–28.
14. Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 1990 г. / сост. Г.М. Афонина. М., 1995. 223 с.
15. Мерцалов Г.В. Потребление топлива в России. Доклад II Всероссийскому съезду деятелей по горному делу, металлургии и машиностроению. СПб., 1914. 25 с.
16. Мильман Э.М. История первой железнодорожной магистрали Урала (70–90-е годы XIX века). Пермь: Пермское книжное издательство, 1975. 191 с.
17. Померанцев Б.Н. Медное дело в России. К вопросу о недостатке меди и об условиях возможного ее производства в России // Поверхность и недра. 1916. № 4. С. 158–165.
18. Померанцев Б.Н. Современное положение медного дела в России // Горный журнал. 1913. Т. 3. № 8. С. 205–230.
19. Сапоговская Л.В., Шабалин К.С. Асбестовая промышленность на Урале в 80-е гг. XIX – 20-е гг. XX века // Урал в контексте российской модернизации. Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2005. С. 171–184.
20. Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1900 году. СПб.: типография Г.А. Бернштейна, 1903. – 8, LXXVI, 534 с.
21. Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1910 году. СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1913. – 8, LXXIX, 590 с.

22. Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск: Свердловское областное издательство, 1936. 293 с.

23. Субботин Н. Перспективы горной промышленности в Киргизской степи // Поверхность и недра. 1916. № 3. С. 103–112.

24. Фирсов В.Я., Мартынова В.Н. Медь Урала. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 1995. 296 с.

Сидоренко Надежда Семеновна
Доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории и права
Южно-Уральского государственного
гуманитарно-педагогического университета
454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69
sidorenkon@rambler.ru

Воздействие Первой мировой войны на восприятие института монархии в массовом сознании общества (на материалах Уральского региона).

Аннотация. Анализируются вопросы эволюции восприятия региональным обществом основных ценностей, связанных с функционированием института монархии в условиях начавшейся Первой мировой войны. Проблемное поле исследования включает выявление основных факторов, повлиявших на эти изменения. Автор приходит к выводу: в условиях затянувшейся войны и нарастающих трудностей повседневной жизни в обществе нарастал кризис доверия институту монархии. Выявлены глубокие разногласия в лагере монархистов, которые не способствовали его преодолению. Организационный кризис партийной периферии монархических организаций привел к ослаблению их влияния и активизации политических сил, которые предлагали лозунги ускоренного разрешения внутренних конфликтов, не исключая отказ от исторически сложившейся формы правления.

Ключевые слова: Первая мировая война; консервативно-монархические комитеты; либеральная оппозиция; институт монархии.

Осмысление революционных событий в России начала XX века, связанных с падением династии Романовых, актуализирует изучение института монархии, эволюцию его восприятия различными социальными группами российского общества. Отход от экономического детерминизма, господствовавшего в советской историографии, привел к появлению ряда монографических исследований по данному вопросу [2; 3 и др.]. В числе наиболее сложных и дискуссионных остается вопрос о влиянии Первой мировой войны на трансформацию общественного сознания и поведение масс. По мнению ряда ученых, если бы не война и все страдания и трудности, которые она принесла, то не было бы и Февральской революции, и тем более Октябрьского переворота. Другие утверждают историческую неизбежность революции, что минимизирует влияние войны [8, с. 17]. В данной ситуации представляется необходимым региональный подход к изучению темы, выявление общих черт и специфики атмосферы политической жизни в регионах России в условиях военного времени, обусловивших смену вектора развития страны в 1917 г.

В числе наиболее значимых выступает регион Урала, геополитическое значение которого в условиях Первой мировой войны существенно возросло.

Известно, что начало войны вызвало актуализацию традиционных ценностей в сознании народа, патриотический и религиозный подъем, неразрывно связанный с оживлением монархических чувств и настроений. Формула национального патриотизма, характерного для рассматриваемой эпохи, содержала два основных компонента – быть независимыми от чужеземцев на своей земле и иметь собственного верховного главу [7]. Фигура Николая II была консолидирующим символом в деле защиты Родины. Сакраментальная формула «За веру, Царя и Отечество», принимаемая как своеобразный политический ритуал, была востребована ситуацией и определяла поведение массовых слоев уральского общества.

Используя благоприятные факторы, местные власти всячески содействовали поддержанию в народе патриотических и верноподданнических настроений, что позволило им в целом успешно справиться с проведением мобилизационных мероприятий. В 1914–1915 гг. в подавляющем большинстве населения Урала преобладали патриотические настроения, вера в победу, одобрение действий правительства [1, с. 19; 5]. Многие крестьяне, провожая членов своих семей на войну, не скрывали надежды на то, что государь император в награду за их службу Родине дарует им некоторые льготы и улучшение положения. Но в чем именно должны выражаться эти льготы, крестьяне четко не представляли, полагаясь на обычную формулу решения социальных вопросов – по указу царя [6, с. 527].

Определенным отражением настроений уральского общества можно считать позицию уральских депутатов IV Государственной думы на июльской чрезвычайной сессии обеих палат (1914 г.) и январской трехдневной 1915 г. В речах депутатов преобладала патетика. Характерным в этой связи было выступление уральского депутата-прогрессиста К. Тевкелева от имени мусульманской фракции и А. Перевозчикова от фракции националистов. Депутаты присоединились к единодушной поддержке правительства и принятию всех законов и кредитов, связанных с ведением войны.¹ Лишь уфимский депутат-меньшевик В.И. Хаустов, выступивший от имени социал-демократической фракции, выразил отказ в поддержке кредитов на ведение войны [9, с. 57; 361].

Затягивание сроков войны, связанное с нарастанием социальных и экономических проблем, перемещением в регион значительного числа военнопленных, беженцев и запасных, существенно повлияло на изменение настроений в обществе.

В исследованиях О.С. Поршневой отмечен сдвиг в менталитете и социальном поведении рабочих и крестьян в условиях военного конфликта. Они освобождались от господствовавших ранее патерналистских установок, не соответствовавших более действительности. Вместе с этим утрачивалась и привлекательность монархии как формы государственной власти, что было связано с девальвацией образа царя – защитника, покровителя, выразителя воли православного народа. И все же монархические настроения среди

¹ Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. Пг., 1915. Стб. 133, 370.

крестьян не были разрушены. Конкретно-исторические факты подтверждают вывод автора о том, что психоментальная основа отношения к верховной власти как высшей инстанции сохранялась, пока существовало традиционное крестьянство, архетип вождя, верховного правителя оставался органичной частью крестьянского сознания [5, с. 139; 141].

В рассматриваемый период сторонники монархии предпринимали ряд усилий по укреплению престижа верховной власти. Этому служили крестные ходы, посылки верноподданических телеграмм, «патриотические демонстрации» (хотя они уже не имели былого размаха и влияния на общество), денежные пожертвования на сооружение и содержание памятников в честь представителей правящей династии. Так, в октябре 1915 г. Яранское земское собрание Вятской губернии приняло решение о выделении 500 руб. на строительство памятника Царю-освободителю в Яранске. Подобные решения были приняты и многими волостными сходами уездов.²

«Корректировка» менталитета в рабочей среде региона была обусловлена тесным переплетением факторов социального и экономического порядка. За годы войны в результате массовых мобилизаций существенно изменился состав рабочего класса Урала [5, с. 355]. Все более очевидной становилась тенденция переориентации основной массы в пользу социально более активных рабочих. Эти сдвиги выразились, в первую очередь, в изменении представлений о способах улучшения своего положения, отношении к существующему политическому режиму, к социалистическим партиям и в стремлении к организации. В этой связи борьба рабочих за повышение заработной платы как способ выживания в условиях дороговизны стала причиной роста и основным содержанием забастовочного движения в 1915 г. – начале 1917 г. [10].

В 1916 г. на Урале резко возросло недовольство обеспечением продовольствием и ростом цен на продукты и товары, о чем сообщали в департамент полиции губернаторы уральских губерний.³ В деревне наблюдалось постепенное распространение открытого сопротивления мобилизационным мероприятиям. В ряде уездов крестьяне выступили против поставок зерна, скота и мяса. Все чаще приходилось использовать солдат для выполнения военных заказов. Негативное влияние оказывала «правительственная чехарда», что дезорганизовывало власть на местах.⁴

Углубление экономического и политического кризиса в условиях дальнейшего затягивания войны вызвало активизацию деятельности сторонников сохранения монархии как в центре, так и на местах. Однако монархический лагерь не был един. Сторонники его консервативного и либерального направлений предлагали различные методы выхода из кризиса. Менялось и соотношение сил между ними.

Прошедшие глубокие сдвиги в социально-экономической жизни края, существенно сузили социальную базу право-монархических союзов. В 1915 – феврале 1917 гг. зафиксировано проявление деятельности только 11 отделов численностью около 400 человек [6, с. 126]. Политическое влияние их было

²РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64. Л. 78; Северное слово. 1915. 13 окт.

³ГАРФ. Ф. 102, Оп. 125. Д. 108. Ч. 81. Л. 5 об.

⁴Там же. Оп. 245. Д. 20. Ч. 56. Л. 27 об.

ослаблено отсутствием организационного единства. Тактика «мелких дел» не находила широкой поддержки. «Законопослушность» все более расходилась с растущим недовольством населения действиями не только центральной, но и местных властей. Существенно сократились возможности сторонников монархизма воздействовать на массовое сознание населения региона. Правая уральская партийная печать в годы войны фактически прекратила свое существование. Она была представлена единственной газетой «Голос долга» (орган Пермского губернского СРН), выходявшей до декабря 1916 г. В этих условиях существенно возростала роль печати и брошюр, получаемых из центра.

Стремясь ограничить влияние консерваторов, уральские либералы пошли на закрытие библиотек-читален, открытие которых активизировалось на Урале с конца XIX – начала XX веков. В 1915 г. Уфимским губернским земством было закрыто 664 библиотеки; шестью уездными земствами Вятской губернии – 220, а Вятское губернское земство отказалось субсидировать оставшиеся. Причиной явилось неприятие либеральными земствами края решения правительства о передаче библиотек-читален под контроль инспекторов училищ, т.е. государства и сторонников консерватизма. «Вятские и уфимские земцы прекратили доступ населения ко всякой книге», – резюмировала газета «Уфимский край» – орган умеренно консервативного направления⁵.

Рост протестных настроений в обществе содействовал активизации либерального движения. Однако численность партийных уральских комитетов была невелика. В 1915 – феврале 1917 г. зафиксирована активность только пяти кадетских комитетов, включавших до 100 человек [6, с. 126]. Стремясь усилить воздействие на сознание и поведение регионального общества, либералы и их сторонники активизировали деятельность в легальных организациях и земских структурах (ВЗС, ВСГ, ВПК).

Важным рубежом в политической активности уральских либералов стало создание из основных фракций Государственной думы и Государственного Совета в августе 1915 г. прогрессивного блока. Его программа ориентировала местные комитеты на отказ от тактики «священного единения» и переход в оппозицию власти. Поддержав его программу и тактику, присоединив свой голос к голосу Московской городской думы, инициировавшей кампанию широкого обсуждения политических реформ, они тем самым вовлекли и региональное общество в этот процесс. Как свидетельствуют сообщения начальников уральских губернских жандармских управлений в департамент полиции, сотрудники полиции были не в состоянии препятствовать этому, так как обсуждение программы проходило повсюду – в земстве, на съездах кооператоров, в структурах ВЗС, ВСГ и даже ВПК⁶.

Уральские либералы активизировали пропагандистскую деятельность, стремились расширить связи с массами. К этому их призывали руководители партии и кадетской фракции Думы. В заседаниях ЦК КДП В.А. Степанов, уральский депутат, отмечал: «...надо, чтобы наши единомышленники в стране ближе вглядывались в работу партии и блока, не старались противопостав-

⁵Уфимский край. 1915. 6 февр.

⁶ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 27. Ч. 86. л. Б.Л. 4 об; РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64. Л. 79 об.

лять их друг другу и ссорить между собою, а наоборот, давали поддержку блоку со стороны страны»⁷. В сентябре 1915 г. В.А. Степанов был избран ЦК председателем специальной рабочей комиссии, задачей которой была выработка действий блока по привлечению рабочих на сторону партии⁸.

В рядах уральских комитетов все громче раздавались голоса сторонников «левого» течения, считавших призрачными надежды на достижение цели эволюционным путем и призывавшим к более решительным мерам. Эту позицию выразил на Февральском расширенном заседании ЦК КДП и Июньской конференции (1915 г.) делегат от Екатеринбургского комитета КДП Л.А. Кроль, аргументируя настрой регионального общества: «Эволюция не вызывает симпатий, ожидают переворота левыми, тогда найдется работа и обществу...»⁹. Эту позицию настойчиво проводил он и на VI съезде партии в феврале 1916 г., призывая к необходимости больше прислушиваться к голосу демократии и не отказываться от возможности использования революционных методов борьбы...»¹⁰.

Однако успехи либеральной пропаганды оказались ограниченными. Их лозунги получили поддержку преимущественно в земских кругах, в части промышленного класса и средних слоев городского населения Урала¹¹. В условиях войны все большую симпатию уральского общества получали радикальные требования демократических партий, связывавших разрешение проблем с революционным выходом из войны, «полным обновлением в стране государственного строя и окончательным закреплением нового порядка», который связывали с реализацией идеи «народоправия»¹².

Критическое отношение к центральной власти значительно возросло к концу 1916 г. в связи с обострившимся до крайности продовольственным вопросом и усталостью масс от тяжелой и затянувшейся войны. Недовольство масс на экономической почве под воздействием субъективных факторов переносилось в политическую сферу.

Под воздействием широко развернутой оппозиционной и революционной пропаганды в обществе стремительно усиливалось недовольство. Росло ощущение того, что виновником всех бед и неудач является монархический режим. Этому содействовала широкая кампания по критике в адрес монарха и его ближайшего окружения. Дискредитация царя облегчала борьбу с режимом, но в то же время создавала дополнительные психологические условия для его свержения. Глубокий раскол в рядах монархического движения страны и региона не позволил использовать имевшиеся ресурсы для сохранения основ монархической системы.

Анализ изменений в восприятии института монархии в массовом сознании уральского регионального общества в годы Первой мировой войны может быть соотнесен с выводами исследования Г.В. Лобачевой об изменении образа царя по стране в целом. Автор пришла к выводу о том, что к кризису института

⁷ Протоколы ЦК и заграничных групп КДП. 1915–1920 гг. М., 1998. Т. 3. С. 295.

⁸ Протоколы ЦК и заграничных групп КДП. 1915–1920 гг. М., 1998. Т. 3. С. 159.

⁹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 143; Протоколы ЦК и заграничных групп КДП. 1915–1920 гг. М., 1998. Т. 3. С. 36, 44.

¹⁰ Съезды и конференции конституционно-демократической партии... С. 272–273.

¹¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17. Л. 14; 10, РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64. Л. 78 об., 103.

¹² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 27. Ч. 86. Б. Л. 1, 4–6.

монархии привел обострившийся социально-экономический кризис. «Политический расчет, целесообразность, осознаваемая в меру понимания, в конкретной ситуации заставили отказаться от института монархии как такового, хотя ее отрицание, по сути, не было столь безусловным и единодушным» [3, с. 267]. Проявления монархизма как определенной идеологии сохранились в сознании населения Урала до начала 30-х годов XX века¹³.

Список литературы

1. Вознесенская Е.И. Эволюция общественных настроений в Вятской губернии в годы первой мировой войны // Столетие истории России 1905–2005 гг. Исторический опыт, современность и перспективы: сб. материалов науч. конф. (Киров, 10 декабря 2005 г.). Киров, 2005.

2. Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб.: Алетейя, 2001. 636 с.

3. Лобачева Г.В. Самодержец и Россия: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX – начало XX века). Саратов: Изд-во Саратов. гос. техн. ун-та, 1999. 286 с.

4. История Урала в период капитализма. М.: Наука, 1990. 504 с.

5. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 гг.). Екатеринбург: УрО РАН, 2000. 415 с.

6. Сидоренко Н.С. Монархическое движение на Урале (1905 – февраль 1917 г.). Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2000. 210 с.

7. Соловьев В.С. Патриотизм // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890–1907 / <http://www.biblioteka.ru/ber/96.htm>.

8. Хаймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции // Россия и первая мировая война. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1999. 446 с.

9. Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года: в 2 кн. Кн.1. Семнадцатый год. М.: Изд-во полит. литературы, 1992. 284 с.

10. Юдина Л.С. Стачечное движение на Урале в июне 1907 – октябре 1917. М.: Московский государственный автомобильно-дорожный институт, 1997. 165 с.

¹³ «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 1. М.: ИРИ РАН, 2001. С. 101, 117, 118, 182, 184, 186, 1013 и др.; Т. 2. С. 55, 89, 111, 112, 131 и др.; Т. 3. с. 183, 187, 191, 236, 237, 244 и др.

Огоновская Изабелла Станиславовна
Кандидат исторических наук, доцент
Специализированного учебно-научного
центра (СУНЦ)

Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620037, Россия, г. Екатеринбург
ул. Данилы Зверева, 30
Izabella-irro@mail.ru

**Об ответственности императора Николая II
за революционные события Февраля 1917 г.:
взгляд авторов школьных учебников
отечественной истории 1930-2010-х гг.**

Аннотация. Рассматриваются процессы и события российской истории, приведшие к отречению императора Николая II от престола. Источниковой базой исследования являются 26 учебников отечественной истории, в том числе 2 – досоветского периода, 9 – советского, 15 – постсоветского периода. Представлен широкий спектр причин Февральской революции 1917 г., обозначенных авторами учебников; делается вывод о несомненной ответственности императора за изменения в государственной жизни России.

Ключевые слова: Николай II; самодержавие; Февральская революция; школьные учебники отечественной истории.

Николай II – последний царь из династии Романовых – одна из наиболее трагических фигур отечественной истории. Интерес историков к его персоне существовал всегда, и задача данной статьи – показать отношение к Николаю II со стороны авторов школьных учебников отечественной истории, изданных в 1930-2010-е гг.

Основными авторами школьных учебников истории СССР в советское время были А.В. Шестаков, А.М. Панкратова, М.В. Нечкина, М.П. Ким, И.Б. Берхин, И.А. Федосов, Ю.И. Кораблев, В.И. Старцев и др. Каждый ученый имел определенный предмет исследования: А.В. Шестаков занимался аграрной историей России, А.М. Панкратова – историей фабрично-заводских комитетов, профсоюзов, проблемами рабочего движения в период всех российских революций; В.И. Старцев – историей революций начала XX века в России, историей жизни и быта рабочего класса России [9, с. 686, 863]; М.П. Ким – вопросами культуры; Ю.И. Кораблев – военной работой большевиков в годы трех революций и проблемами создания Красной Армии; И.А. Федосов – историей общественной мысли России, изучением особенностей российского абсолютизма. Суммируя «претензии», предъявляемые Николаю II указанными авторами советских учебников, можно выделить основные.

Прежде всего, речь идет о *сохранении самодержавия и о его реакционной политике*. К примеру, А.М. Панкратова с ее соавторами (1962) характеризует Николая II так: «... Он был воспитан махровым реакционером Победоносцевым... Умственно недалекий и ничтожный, этот «император всероссийский» имел неограниченную власть. Он был слабоволен, мстителен и жесток..., был ярим приверженцем незыблемости самодержавия..., продолжал реакционную политику своего отца. Министры Александра III оставались при своих постах и при Николае II» [22, с. 280 - 281].

Во всех учебных изданиях указанного периода внимание учащихся акцентировалось на *жестокости власти в подавлении рабочего и революционного движения*: А.М. Панкратова и соавторы (1941) отмечали, что император давал широкие полномочия «хитрому и беспощадному охраннику-реакционеру, вдохновителю расстрелов рабочих демонстраций» В.К. Плеве, помещику и предводителю дворянства, организатору «зверской расправы над крестьянами Саратовской губернии», черносотенных шаек и погромов» П.А. Столыпину, характеризовали «кровавое воскресенье» как «кровавое злодеяние царя», а самого Николая II как «царя-убийцу» [21, с. 15, 33, 34, 65]. Те же авторы (1962) отмечали, что Николай II «требовал подавления революционного движения беспощадными расстрелами и казнями..., продолжал реакционную политику своего отца» [22, с. 280—281]. И.Б. Берхин и И.А. Федосов (1976) отмечали, что «Николай II, как и предшествующие цари, проводил антинародную политику в интересах помещиков и буржуазии. Правительство беспощадно подавляло рабочее и крестьянское движение, не останавливалось перед применением оружия против участников стачек и демонстраций, разжигало национальную рознь, усиливало колониальный гнет. Недовольных царский суд отправлял в тюрьму, на каторгу, в ссылку» [2, с. 19].

Серьезное внимание советские историки уделяли *тяжелому положению крестьянства и рабочего класса*. Как писали И.Б. Берхин и И.А. Федосов, «империализм принес рабочему классу усиление эксплуатации, рост обнищания трудящихся масс. Рабочий день, ограниченный царским законодательством 11,5 часа, фактически достигал 12—13 часов. Заработная плата была настолько низкой, что ее не хватало для прокормления даже небольшой семьи. Широко применялся детский и женский труд, который оплачивался значительно ниже мужского... Беспощадная капиталистическая эксплуатация сочеталась с господствовавшими в стране полицейским режимом, произволом царских властей по отношению к народу» [2, с. 15]. Эти же авторы писали о тяжелом положении крестьян, страдавших от малоземелья, налогов, их бесправии, разорении деревни и т.д. [2, с. 17].

Катализаторами революционных событий в России стали *поражение России в Русско-японской войне и затянувшееся участие страны в Первой мировой войне*. Как пишут А.М. Панкратова и ее коллеги (1941) по поводу Русско-японской войны, состояние царской армии и положение на фронтах «отражали общую гнилость царского режима. Генералы были бездарны... Не лучше был и офицерский состав, о котором главнокомандующий Куропаткин писал: "Масса офицеров тяготеет к войною, а многие, даже в крупных чинах, стремятся притвориться больными и уехать в тыл"...В армии процветали казнокрадство, воровство, продажность. Военная техника царской армии

сильно отставала от японской» [21, с. 28—29]. А. В. Шестаков (1950) писал: «Царь Николай II всеми мерами пытался задушить революцию... Приближенные царя советовали ему скорее начать давно подготавливавшуюся войну с Японией», закончившуюся «позорным миром» [12, с. 153, 154].

Первая мировая война еще более обострила ситуацию в стране: «жить стало невозможно». В «Книге для чтения» в 4-м классе (1930) цитируется большевистская листовка: «Нечего есть. Не во что одеться. Нечем топить. На фронте кровь, увечье, смерть. Набор за набором. Поезд за поездом, точно гурты скота, отправляются наши дети и братья на человеческую бойню. Нельзя молчать. Помещики и капиталисты на войне наживаются» [19, с. 265]. По мнению И.Б. Берхина и И.А. Федосова, «военные поражения, плохое снабжение, бездарность командования, большие неоправданные потери вызвали рост антивоенных настроений среди солдат, усилили революционное брожение в армии», «усилилось разложение правительственной верхушки... Продажность, казнокрадство, взяточничество достигли невиданных размеров... Неспособность царизма управлять страной стала очевидной для всех. Даже монархические круги начали выражать недовольство правительством Николая II» [2, с. 114, 116, 117].

Особое внимание авторы советских учебников уделяли национальному вопросу и *тяжелому положению народов национальных окраин*. Как писали А.М. Панкратова и ее соавторы (1941), для национальной политики самодержавия были характерны национальный гнет, уничтожение остатков культурных учреждений, запрещение преподавания на родном языке в школах, преследование национальных организаций нерусских народностей, разжигание национальной розни, «кровавые еврейские погромы» и др. [21, с. 21, 22]. Они же отмечают, что «натравливая один народ на другой, царизм пытался... бороться с нараставшим национально-освободительным движением угнетённых народов России, прежде всего стремясь сорвать единство борьбы рабочего класса всей страны» [21, с. 22]. Авторы советских учебников приводят примеры разжигаемой розни между народами: еврейский погром в Кишенёве в апреле 1903 г. [21, с. 22]; армяно-азербайджанская резня в Баку, спровоцированная полицией и местными националистами в годы Первой российской революции [2, с. 47]; и др. Ю.И. Кораблев и его коллеги (1989) отмечали, что тяготы войны и притеснения властей привели к волнениям в Средней Азии, Казахстане, на Северном Кавказе и в Закавказье. Летом 1916 г. в городах, кишлаках и аулах Средней Азии и Казахстана начались стихийные выступления населения под лозунгом «Долой белого царя и всех преданных ему баев!» [16, с. 86], что подтверждало мнение о проблемах национальной политики в России. И.Б. Берхин и И.А. Федосов (1976) приводят в пример избирательный закон 3 июня 1907 г., согласно которому многие народы России «вовсе были лишены права на представительство в Думе (народы Средней Азии, Якутии, кочевых народов), другие народы (Кавказа, Польши) получили значительно меньше депутатских мест» [2, с. 80]. Вывод авторов советского периода очевиден: Россия была «тюрьмой народов», которые во время Первой мировой войны начали подниматься на революционную борьбу. Как пишет А. В. Шестаков (1950), против восставших казахов, киргизов, узбеков, таджиков, туркменом царские власти «посылали... войска с пушками, пулеметами, броневиками.

В крови и в дыму сожженных кишлаков и аулов они задушили эти восстания» [12, с. 184, 185].

Не обошли вниманием советские авторы и *проблему взаимоотношений правительства и Государственной думы*. Как писал А.В. Шестаков, «в тех же видах подавления революции Николай II созвал с 1906 года Государственную думу. По закону о выборах в Думу помещики и капиталисты имели право послать туда депутатов больше, чем десятки миллионов рабочих и крестьян. Женщины были лишены избирательных прав. Такова была царская конституция. Но и эту конституцию царь скоро нарушил. Собранные царем первая и вторая Государственные думы были им разогнаны, так как они не всегда были послушны царю и его министрам» [12, с. 170]. И.Б. Берхин и И.А. Федосов цитируют В.И. Ленина, по мнению которого законодательные права Думы были «карикатурой на народное представительство», и делают вывод о том, что по сути после Манифеста 17 октября и выборов в Государственную думу Россия оставалась монархическим государством [2, с. 70].

В учебниках советского периода представлен также сюжет о *плане подготовки правительством сепаратного мира с Германией*, что было крайне невыгодно российской буржуазии, вставшей на путь подготовки дворцового переворота. А.В. Шестаков обращает внимание на беспомощность императора накануне Февральской революции: «Царь Николай II и его министры не знали, как им справиться с поражением на фронте и с надвигающейся революцией. Они метались, не зная, что предпринять. Даже буржуазная партия «кадетов» и ее вождь Милюков перестали поддерживать царя из-за поражений на фронте» [12, с. 185]. И.Б. Берхин и И.А. Федосов писали об этом: «В буржуазных кругах складывалось мнение, что правительство не способно ни вести войну, ни управлять страной... Это заставило лидеров буржуазии заняться подготовкой дворцового переворота..., заставить Николая II отречься от престола и провозгласить царем малолетнего сына... при регентстве одного из великих князей». Этим дворцовым переворотом «буржуазия надеялась спасти монархию и предотвратить революцию», и только «страх перед возмущением народа заставил буржуазию отказаться от своего контрреволюционного плана сохранения монархии» [2, с. 120, 128].

Не последнее место в советских учебниках занимал сюжет, связанный с деятельностью Г.Е. Распутина. Как писали А.М. Панкратова и ее соавторы (1963), «царский двор стал пристанищем проходимцев и темных дельцов. Исключительное влияние при дворе приобрел некий Распутин, бывший конокрад, выдававший себя за “провидца”. По его безграмотным запискам царю или царице назначались и увольнялись министры. При его содействии темные дельцы, спекулянты, иностранные шпионы получали важные посты, выгодные концессии, громадные субсидии и т.п.». Как вывод, характеризующий правление Николая II, обозначено следующее: «В распутинщине нашли свое отвратительное выражение мракобесие, изуверство, умственное убожество царского режима» [23, с. 79].

Обобщая все вышеизложенное, можно сделать вывод, что авторы советских учебников негативно относятся к Николаю II, критически рассматривают все его действия по укреплению самодержавия, акцентируют внимание на непоследовательности и противоречивости его попыток внести изменения

в жизнь России. Именно Николай II, по их мнению, является виновником кризиса «верхов» и «низов» и Февральской революции 1917 г.

В 1990-е гг. оценки личностных качеств российского императора стали чуть мягче, однако общий настрой сохранялся. И.А. Федосов (1992) отмечал: «По отзывам людей, хорошо знавших царя, это был человек среднего ума, посредственного образования, небольшой силы воли, тяготившийся государственными делами. В первые годы своего правления царь находился под сильным влиянием матери и великих князей, а затем жены Александры Федоровны — женщины недалекой, мистически настроенной, истеричной...» [27, с. 190]. Л.Н. Жарова и И.А. Мишина в обращении к учителям и школьникам писали, что признают «право классового подхода на существование», но отдают «приоритет общечеловеческим ценностям при анализе исторических событий» [6, с. 5]. На страницах своей книги (1992) они стремились показать различные стороны личности и деятельности Николая II. Взойдя на престол, император поделился с одним из генералов своими мыслями по поводу предстоящего царствования: «Получили мы с вами наследство в виде уродливого, криво выросшего дома, и вот выпала на нас тяжелая работа — перестроить это здание или скорее флигель его, для чего, очевидно, нужно решить вопрос: не рухнет ли он (флигель) при перестройке». Авторы учебника констатируют, что опасение «как бы не рухнуло...» прошло лейтмотивом через все царствование Николая II и было его главной заботой [6, с. 23]. В качестве причин Февральской революции Л.Н. Жарова и И.А. Мишина называют сохранение самодержавия, тяжелые условия труда рабочих, потребность национальных меньшинств в более широкой автономии, желание народа прекратить войну, стремление населения избежать голода, обнищания, глубокий кризис внутренней политики правительства, а главное – то, что «царь никого не хотел слушать», бездействовал. По мнению этих авторов, кризис «верхов» выразился в трех основных позициях: идее военного переворота среди части членов Прогрессивного блока в IV Государственной думе (противников репрессивной политики); определенном влиянии масонов, которые «благодаря близким связям и доверительным контактам координировали совместные действия»; деятельности «святого старца» Г. Е. Распутина, который оказывал «огромное влияние на мистически настроенную, часто впадавшую в истерику царицу, ... назначал и смещал министров и даже глав кабинетов, влиял на внутреннюю политику страны» [6, с. 108, 109, 125].

Историк П.Н. Зырянов (1994) писал, что «Николай II был столь же консервативен, как и Александр III, хотя и не унаследовал от отца сильного и твердого характера», что «ошиблись те, кто с воцарением молодого императора связывал надежды на поворот во внутренней политике в сторону давно назревших проблем». Одновременно с этим автор почти на страницу текста давал личностную характеристику царя: «... Николай II не был создан для государственных дел, хотя относился к ним добросовестно. Он был создан для семьи, домашнего уюта. Только кругом семьи ограничивались его привязанности, только жене и детям дарил он любовь и тепло. Окружающий мир казался ему враждебным. С его стороны он всегда ожидал посягательства на самого себя, своих близких, их покой и мир... Люди, впервые беседовавшие

с Николаем, говорили о его мягкости и обходительности. Но это было поверхностное впечатление. Всех, кому доводилось долго с ним общаться, постигало разочарование. В его душе было как бы две стороны — теплая и холодная. Теплая была всегда обращена к семье, холодная — к миру» [7, с. 187, 188].

В.П. Островский и А.И. Уткин (1995) еще более расширяют круг причин революции, являвшихся следствием внутренней политики Николая II: в военные годы Россия оказалась без авторитетного правительства, авторитетного премьер-министра и авторитетной Ставки: «С самого начала военных действий выявился трагический парадокс: в армии воевали героические солдаты, мужественные офицеры», однако «уровень верховного командования оказался ниже уровня армии в целом»; в конце августа 1915 г. Главкомверхом стал сам Николай II, и «отныне и окончательно все неудачи и просчеты, ошибки и поражения связывались с его именем»; усилив оппозиционные настроения офицерского корпуса в армии; («Каждодневное участие в войне, на которой не хватало всего самого необходимого, давало пищу сомнениям»; мысли о возможной измене на самом верху; оппозиция со стороны Прогрессивного блока, колебания Николая II в вопросе о «правительстве доверия», слабые личные и деловые качества назначаемых министров в условиях неопределенности; («В дискуссиях и спорах, порой очень острых, Столыпину удавалось сотрудничать с III Думой. Те, кто сменил Столыпина, этой необходимости не понимали и не стремились понять», «Сам Николай II рассматривал возможность создания “министерства доверия”, но постоянно колебался. Помимо этого царица, оказывавшая на него воздействие, была привержена абсолютистским принципам, никак не желая понять изменений, происшедших после апреля 1906 г.»); влияние Распутина на царскую семью и политику в целом («В тех условиях он казался страшной неутомимой силой», загадочной и от того еще более ненавистной»). Деятельность полулегальных организаций, в том числе масонской ложи «Верховный совет народов России» («Именно там в сентябре 1916 г. был взят курс на то, чтобы добиваться отречения Николая II в пользу его малолетнего сына Алексея при регентстве младшего брата царя – Михаила») [20, с. 118, 119, 123, 125].

Особую оценку личности Николая II дают А.А. Данилов и Л.Г. Косулина (1995), представляющие образ Николая II — мученика, который родился в день святого Иова Многострадального, «и потому считал себя обреченным на неудачи и мучения». Авторы пишут: «Император был красив, прекрасно сложен, но, окруженный высокорослыми родственниками, чувствовал психологическую ущербность из-за своего небольшого роста (1 м 70 см)... Поскольку Николай никогда не излагал своих взглядов в виде идей и концепций, его считали слабым правителем, находившимся под влиянием сначала матери, а потом жены... Близко знавшие Николая считали, что если бы он родился в обыкновенной среде, то прожил бы жизнь, полную гармонии, поощряемый начальством и уважаемый окружающими» [5, с. 19].

Авторов учебников 2000 - 2010-х гг. можно условно разделить на две группы. К первой относятся те, кто акцентируют внимание на личностных качествах императора и меньше пишут о противоречиях его правления. Их немного. Так, А.Н. Боханов (2005) сообщает следующее: «Император прекрасно знал русскую историю, чтит деяния своих царственных предков,

особо почитал царя Алексея Михайловича и отца – императора Александра III... Николай II искренне желал блага своей стране. Любовь к ней он пронес через всю жизнь... Последний российский монарх был примерный муж и отец. Свой брак он расценивал как великое счастье... В повседневной жизни, в своих привычках и наклонностях царь был человеком простым и бесхитростным. Его отличали неприхотливость в одежде и еде, полное безразличие к роскоши и комфорту... Николай Александрович был хорошо образованным человеком... прекрасно владел немецким, французским и английским языками, грамотно писал по-русски, рисовал, неплохо играл на фортепиано и скрипке» [3, с. 235, 236 - 237]. Что касается государственной деятельности императора, то А.Н. Боханов считает, что консерватизм политических воззрений «отнюдь не означал, что монарх выступал противником всяческих новаций и преобразований. Император не мог видеть, что самые различные области жизни страны требовали преобразований, и всячески способствовал этому. В то же время он был уверен, что непременным условием существования Российского государства является сохранение самодержавия» [3, с. 237].

Вместе с тем большинство авторов учебников 2000 – 2010 гг. (вторая группа) ближе по своим оценкам к советским историкам. В.В. Сухов и его соавторы (2008) приводят мнение В.И. Мамонтова о том, что «Его Величество удивительно быстро схватывал сущность того, что подвергалось на Его усмотрение», и мнение В.Н. Обнинского о том, что наряду с внешней скромностью и печальными глазами Николай II имел «недобрую улыбку губ», был «равнодушен к чужой жизни», имел «лень к делам и резкость суждений», был подозрителен и «верил на слово каждому проходивцу». Вывод авторов учебного издания категоричен: «Впрочем, даже те, кто признавал высокие человеческие качества императора, по большей части соглашались, что правитель он был бесталаный» [25, с. 15]. В качестве доказательств в учебнике названы взаимодействие церкви и власти («фактически священники являлись чиновниками»), препятствия развитию национальных культур, поддержка властью черносотенных организаций и еврейских погромов, мелочная опека чиновников над земствами, не «победоносная» Русско-японская война, роспуск I и II Государственных дум, подавление революции 1905 - 1907 гг., «министерская чехарда» в годы Первой мировой войны и поражения на фронте, влияние Распутина, конфликт правительства и Госдумы и др. [25, с. 17, 18, 23, 31, 45, 48, 57, 75].

В.С. Измозик и С.Н. Рудник (2009) делают общий вывод: именно мировая война «сделала то, чего не сделали все антиправительственные партии, вместе взятые: народная стихия готова была смести монархию, освященную многовековой традицией», и неудачи на фронте объясняют низким военно-экономическим потенциалом России, слабым обеспечением войск, ошибками высшего командования [8, с. 97, 100].

А.А. Левандовский и его коллеги (2011) пишут о том, что Николай II «пытался следовать реакционному курсу своего отца», а это «ярче всего проявилось в защите им существующего строя», отрицательной реакции на робкие надежды либералов «на привлечение общественных деятелей к управлению государством», создании «новой общероссийской сети органов политического сыска» [17, с. 14, 15]. А.А. Данилов, А.В. Филиппов и их соавторы (2009) отмечают, что

главный конфликт «между императором и общественностью состоял именно в том, что жизнь требовала реформ и модернизации высшей власти, а Николай II стремился сохранить все в неизменном виде». Эти же авторы впервые информируют школьников о замысле государственного переворота с целью замены Николая II на российском престоле более подходящей фигурой, инициатором которого являлся А.И. Гучков [11, с. 15 - 16, 107]. Трагизм положения Николая II в момент отречения от престола хорошо показан в учебнике А.Ф. Киселева, в котором приводится запись из дневника императора от 2 марта 1917 г.: «Кругом измена, и трусость, и обман». Далее автор делает вывод, что «в трудную для страны минуту Николай II в горьком одиночестве должен был решать вопрос о судьбе трона. События, связанные с отречением царя, продемонстрировали гнилость власти. Высший генералитет в условиях войны отказался от присяги, что было равносильно предательству. Широкие народные массы отречение царя встретили равнодушно. Ликовали либералы и социалисты» [13, с. 51, 52].

Анализируя причины столь трагичного завершения истории династии, Л.Н. Алексашкина и соавторы (2008) обращают внимание на то, что Российская империя являлась «патерналистским государством», так как как большая часть народа воспринимала самодержавие как власть, данную Богом, имеющую абсолютный характер, поэтому «не требовала политических преобразований и в своих устремлениях не шла дальше мирского и волостного самоуправления, имеющего вековые традиции». Заложником этой ситуации стал Николай II, который «не решался переступить те законы, которые были приняты до его правления», старался действовать по закону, однако по логике патернализма в критических ситуациях должен был «жертвовать законом в угоду справедливости». Чтобы поступить подобным образом, «правитель должен обладать определенными чертами характера: непреклонной волей, жесткостью, склонностью к демонстративным поступкам. Николай II, боявшийся подозрений в деспотизме, избрал своеобразную тактику тихого, но упорного сопротивления всему тому, что, как ему казалось, мешало придерживаться традиции. Поэтому он воспринимался многими как человек слабохарактерный» [1, с. 51]. В целом авторы учебника, ссылаясь на мнение историка В.П. Булдакова, делают выводы: беда Николая II заключалась в том, что в рамках патерналистской системы он должен был выполнять целый ряд условий (создавать впечатление мудрого правителя, заботящегося о всеобщем благе; уметь избегать ответственности за те или иные неудачи, наказывая за них других виновных; быть победителем внешнего врага; каяться и скорбеть вместе с народом после трагических событий — в частности, речь идет о Ходынской трагедии), но не сумел выполнить эти условия [1, с. 51, 52].

В 2016 г. вышли в свет учебники истории России, ставшие победителями в конкурсе, объявленном Министерством образования и науки РФ. Характеризуя российского императора, авторы одного из учебников для 9 класса отмечают, что «Николай II был убежден в том, что он – Божий помазанник, что Россия и монархия неразделимы, что его обязанность – сохранить историческое наследие предков» [18, с. 274]. Вместе с тем эти же авторы делают заключение о том, что «надежды на мирное эволюционное развитие России уменьшались по мере того, как власть вместо проведения реформ пыталась законсер-

вировать авторитарное правление, не считавшееся с настроениями в обществе и не способное предотвратить нарастание оппозиционного движения» [18, с. 324].

Говоря о причинах Февральской революции 1917 г., авторы изданий для 10 класса выделяют такие, как: затянувшаяся война; рост налогов, цен, спекуляции; неспособность государственной бюрократической машины обеспечить фронт и тыл топливом, продовольствием и др.; транспортный кризис; ненависть к Распутину со стороны оппозиционеров, народа, части представителей дома Романовых; противостояние правительства и IV Государственной думы; падение авторитета монарха и монархии вследствие критики политики Николая II революционными и либеральными силами, перебои со снабжением в Петрограде; и др. [4, с. 17 - 21; 10, с. 27]. Рассматривая субъективные причины революционного кризиса 1917 г., М.М. Горинов и его соавторы делают вывод: «Ошибки Николая II, постоянная критика его действий революционными и либеральными силами привели к неизбежному – падению авторитета и монарха, и монархии» [10, с. 27].

В заключение отметим, что и российские историки начала XX века обращали внимание на ряд существенных моментов. К примеру, В.О. Ключевский (1908) отмечал, что в непрерывном взаимодействии правительственной власти и народного представительства, крепнущего в борьбе с ее преобладанием, «и заключается залог будущего развития государства и усвоения правительством культурных начал конституционной монархии» [14, с. 184], однако, как писал С.Ф. Платонов (1917), «резко выраженное охранительное направление власти было в столь явном несоответствии с вопиющими нуждами населения и настроениями интеллигенции, что неизбежно было возникновение оппозиционных и революционных движений» [24, с. 387].

Список литературы

1. Алексашкина Л.Н. История России и мир в XX — начале XXI века. 11 класс: учебник для общеобразов. учреждений / Л.Н. Косулина, А.А. Данилов, Л.Г. Косулина. 4-е изд. М.: Просвещение, 2008. 431 с.
2. Берхин И.Б., Федосов И.А. История СССР: Учебник для 9 класса / Под ред. М.П. Кима. М.: Просвещение, 1976. 384 с.
3. Боханов А.Н. История России. XIX век: учебник для 8 класса общеобразоват. учебн. заведений. 5-е изд. М.: ООО «ТИД «Русское слово — РС», 2005. 320 с.
4. Волобуев О. В., С. П. Карапачев, П. Н. Романов История России: начало XX – начало XXI в. 10 класс.: учебник / М.: Дрофа, 2016. 367 с.
5. Данилов А.А., Л.Г. Косулина История России, XX век: учебник для 9 класса общеобразоват. учреждений / М.: Просвещение, 1995. 366 с.
6. Жарова Л.Н., И.А. Мишина История Отечества, 1900 - 1940 гг.: учеб. книга для старших классов сред. учеб. заведений. М.: Просвещение, 1992. 335 с.
7. Зырянов П.Н. История России. XIX век: учеб. книга для 9 класса сред. шк. / под ред. А.Н. Сахарова. М.: Просвещение, 1994. 256 с.
8. Измозик В. С., С. Н. Рудник История России: 11 класс: учебник для учащихся общеобразоват. учреждений / под общ. ред. Р. Ш. Ганелина. – М.: Вентана-Граф, 2009. 384 с.

9. Историки России. Биографии / Сост., отв. ред. А.А. Чернобаев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2001. 912 с.

10. История России. 10 класс: Учебник для общеобразоват. организаций. В 3 ч. Ч. 1 / М.М. Горинев, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.; под ред. А.В. Торкунова. – М.: Просвещение, 2016. 175 с.

11. История России. 1900 - 1945 гг. 11 класс: учебник для общеобразоват. учреждений / А.А. Данилов, А.С. Барсенков, М.М. Горинев и др. / под ред. А.А. Данилова, А.В. Филиппова. М.: Просвещение, 2009. 447 с.

12. История СССР. Краткий курс: Учебник для 4 класса / под ред. А.В. Шестакова. - М.: Учпедгиз, 1950. 288 с.

13. А.Ф. Киселев, В.П. Попов История России. XX — начало XXI века. 11 класс. Базовый уровень: учебник для общеобразоват. учр-ий / . М.: Дрофа, 2007. 318 с.

14. Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М.: Рассвет, 1994. 192 с.

15. Кораблев Ю.И. История СССР: учебник для 9 классов сред. шк. /Ю.И. Кораблев, Ю.С. Кукушкин, И.А. Федосов, В.П. Шерстобитов; под ред. Ю.С. Кукушкина. 2-е изд. М.: Просвещение, 1988. 349 с.

16. Кораблев Ю.И., Федосов И.А., Борисов Ю.С. История СССР: Учеб. для 10 кл. сред. шк. /; под ред. Ю. И. Кораблева. М.: Просвещение, 1989. 351 с.

17. Левандовский А.А. , Щетинов Ю.А., Мироненко С.В. История России, XX — начало XXI века. 11 класс: учебник для общеобразоват. учреждений: базовый уровень /; под ред. С.П. Карпова. 6-е изд. М.: Просвещение, 2012. 384 с.

18. Ляшенко Л.М., Волобуев О.В., Симонова Е.В. История России: XIX – начало XX в. 9 класс: учебник М.: Дрофа, 2016. 351 с.

19. Наш Союз (СССР): Книга для чтения и работы для IV года обучения / сост. Е.П. Литвиненко, Е.П. Шумова, А.В. Крассов, М.А. Крылова, Л.Г. Терехова; под ред. Л. Г. Тереховой. Изд. 9-е. – М.Л.: Работник просвещения, 1930. 416 с.

20. Островский В.П., Уткин А.И. История России. XX век. 11 класс: учебник для общеобразоват. учеб. заведений М.: Дрофа, 1995. 512 с.

21. Панкратова А.М. История СССР: Учебник для X класса средней школы / А.М. Панкратова, К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, А.В. Фохт / под ред. А.М. Панкратовой. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1941. 368 с.

22. Панкратова А.М. История СССР: учебник для 9 класса средней школы / К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, А.М. Панкратова, А.В. Фохт / под ред. А.М. Панкратовой. - 21-е изд. М.: Учпедгиз, 1962. 304 с.

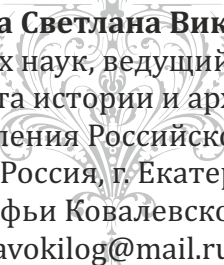
23. Панкратова А.М. История СССР: учебник для 10 класса средней школы / К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, А.М. Панкратова, А.В. Фохт / под ред. А.М. Панкратовой. - 22-е изд. М.: Учпедгиз, 1963. 336 с.

24. Платонов С.Ф. Учебник русской истории для средней школы. Курс систематический. М.: Звено, 1994. 432 с.

25. В. В. Сухов, А. Ю. Мороков, Э. Н. Абдулаев История России, XX – начало XXI века. 9 класс: учебник для общеобразоват. учреждений /; под ред. И. Н. Данилевского, О. В. Волобуева. 3-е изд., стер. М.: Мнемозина, 2008. 352 с.

26. Федосов И.А. История СССР: учебник для 8 класса средней школы. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986. 224 с.

27. Федосов И.А. История СССР: учебник для 9 класса средней школы 6-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1992. 303 с.

Голикова Светлана Викторовна
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
620990, Россия, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16.
avokilog@mail.ru

Общественно-политическое движение за всеобщее начальное обучение накануне революций

Аннотация. Реализация всеобщего обучения на практике была в России инициативой общественности. В 1890-е гг. стало складываться широкое общественное движение за претворение этой идеи в жизнь. Цель статьи – анализ становления и тенденций развития общественно-политического движения за реформу начальной народной школы с точки зрения ее стратегической перспективы перехода к всеобщему начальному образованию как неотъемлемой части процесса создания социокультурной среды нового времени. Повышение общественной ценности детей привело к появлению современной системы общественного образования. Обращение к истории начальной народной школы в свете «парадигмы всеобща» задает четкий критерий оценки уровня развития системы образования, показывает, каким образом формировалась тотальная образовательная Среда.

Ключевые слова: гражданское общество; право на образование; всеобщее начальное обучение; социальное и политическое движение; В.П. Вахтеров; П.Ф. Каптерев; В.И. Чарнолуцкий

В отечественной историографической традиции достижение всеобща было принято относить к советскому периоду. Однако в постсоветское время начали появляться исследования (В.И. Зубкова о Министерстве народного просвещения [2], А.А. Кальсиной о Пермской губернии [3] и пр.), связывающие данное явление с более ранней эпохой – конца XIX – начала XX в., совпавшей с годами царствования Николая II. Пересмотр в современной литературе истории дореволюционного всеобща ставит вопрос о вписывании данного объекта в наиболее приемлемый для него контекст. Похоже, самой объемной рамкой для изучения всеобщего начального обучения является широкое общественно-политическое течение за охват начальным образованием всех детей школьного возраста. Движение за всеобщее образование и роль общественности в нем признавались достойными изучения в истории педагогики и образования. Хотя там либо изучалась история педагогических

идей и мысли, либо превалировал институциональный подход и анализировалось развитие школьной системы. Акцент же на общественном мнении и публичности будет способствовать лучшему пониманию происходившей накануне революции экономической, социальной и социокультурной модернизации России.

Рубеж XIX - XX веков ключевым образом изменил представления о детях. Их стали рассматривать как потенциальных членов общества, которые займут свое место в существующем социальном порядке и, достигнув определенного возраста, будут поддерживать его. Восприятие детей как проекции будущего привело к повышению их общественной ценности: появляется понятие прав ребенка, в том числе его права на образование. Обсуждаются вопросы ответственности взрослых за детей и перед детьми и организации подходящих для представителей подрастающего поколения условий жизни и развития. Формируется социальный заказ на определенную личность. Для его реализации создавалась современная система общественного воспитания, включающая начальную ступень образования. Вопросы образования и воспитания сделались чрезвычайно социально чувствительной проблемой.

Изучение общественного мнения и широких общественно-политических движений конца XIX – начала XX века давняя тема отечественной историографии. Еще в советский период она была вписана в историографическую схему революции 1917 г., в соответствии с которой анализировалось, однако не столько «бурление» самих широких народных масс, сколько постановка под контроль этого процесса социал-демократическими организациями для решения собственных политических задач, а также для того, чтобы показать, насколько эти задачи поддерживались широкими слоями населения. Проблемы школьной политики упоминались при таком подходе лишь походя.

В постсоветское время эта тематика стала активно изучаться как одно из направлений социальной (например, фундаментальные работы Б.Н. Миронова), а затем социокультурной истории. Довольно скоро исследователи пришли к двум различным мнениям. Одни считали, что публичная сфера и гражданское общество в дореволюционной России находились в зачаточном состоянии и всячески подавлялись существующим режимом. Другие – что эти общественные явления имели место быть и получили развитие, особенно на рубеже XIX - XX веков, поэтому публичную коммуникацию и общественную самостоятельность надо изучать, чтобы ответить на кардинальный вопрос истории России о характере и сути революционных потрясений начала XX века. Естественно, что в год столетнего юбилея революции 1917 г. этот вопрос приобретает особую актуальность.

Политолог О.Ю. Малинова сближает две точки зрения. Она пишет: «... хотя в результате реформ 1860 - 1870-х годов в России и начала формироваться сфера, напоминающая гражданское общество ..., к 1917 году ее институализация была далека от завершения. Трудно выделить и масштабные идеологические проекты, которые бы очевидным образом опирались на утопию гражданского общества. Однако многие признаки указывают на постепенное становление нового типа социального действия, отличающегося, с одной стороны, от отношений солидарности, организованных по принципу родства, а с другой – от бюрократической модели коллективных

действий, предполагающей безличные способы организации и координации» [6, с. 432]. В целом соглашаясь с ее мнением, хотелось бы возразить по поводу трудности нахождения масштабных идеологических проектов. По нашему мнению, таковым вполне может считаться проект введения всеобщего начального обучения. Всеобуч стал не просто очередным количественным показателем развития системы образования, он был призван стать стратегической перспективой школьного строительства. В лице всеобщей начальной народной школы система образования Российской империи обрела мощный фундамент. Вместе с тем курс на всеобуч начальной школы получил в то время интернациональный характер. Развитие системы образования по всему миру в XX веке вообще связывают с так называемой парадигмой всеобуча, отказываться от которой не спешат по сей день. Она задает четкий критерий развития системы образования, показывает, каким образом формировалась тотальная образовательная среда и как переход к начальному образованию стал неотъемлемой частью создания современной социокультурной среды.

Зарождение и развитие самого движения остается малоизученным сюжетом. Его истоки заложила общественная организация – московский комитет грамотности. В 1890-е гг. под председательством профессора А.И. Чупрова там создается комиссия о введении в России всеобщего обучения, «возбудившая живейшее внимание русского общества». Ее работа «ясно показала, что в русском обществе есть много свежих сил, способных к инициативе ... и значение этой инициативы в деле народного образования». Она «сконцентрировала силы уже имевшиеся, вызвала к жизни новые» и «оформили стремления», еще не вполне осознанные в российском обществе [7, с. 846, 848].

Идеологи и практики школьного строительства рубежа XIX - XX веков В.П. Вахтеров, П.Ф. Каптерев, В.И. Чарнолуцкий, Н.В. Чехов и другие рассматривали свою деятельность в первую очередь как общественное служение. В 1897 г. появляется книга В.П. Вахтерова «Всеобщее обучение», в которой отстаивается «простая и бесспорная мысль о необходимости всеобщей грамотности». В начале борьбы за всеобуч этот общественный деятель заявлял: «Переживаемый нами момент чрезвычайно серьезный и критический. Если пропустить его, если теперь же не предпринять самых широких мероприятий по народному образованию как со стороны государства, так и со стороны общественных учреждений и частных лиц, если теперь же не объявить всеобщего, поголовного, крестового похода против невежества – то будет уже поздно» [1, с. 99 - 100]. Он указывал, что движение в пользу просвещения народных масс «справедливо считается характеристической чертой текущего столетия» и заключается «в широком, охватившем весь мир сознании необходимости образования народных масс, в надеждах, возлагаемых всеми народами на благие результаты этого движения» Автор отметил, что «в последние годы в России также пробуждается стремление к распространению народного образования», а затем добавил: «И у нас это движение с каждым годом разрастается...» [1, с. 93 - 94].

Начало XX века и особенно годы военных и социальных потрясений оказали на воплощение в жизнь идеи всеобуча решающее воздействие

и в разгар первой русской революции можно уже было подводить «итоги общественной мысли в области образования». Главным результатом было то, что мысль о начальном всеобщем образовании овладела умами россиян. Рисуя картину «полного единодушия ... общественного мнения», В.И. Чарнолуцкий воспользовался приемом перечисления: «На этом требовании сошлись сельскохозяйственные общества, педагогические общества, длинный ряд разных крестьянских собраний и сходов, учительские общества и собрания, общества психиатров и ветеринаров, медицинские и санитарные советы, присяжные заседатели нескольких сессий, множество собраний граждан в селах и городах, собрания библиотечных обществ, городские думы и земские собрания, фабриканты и заводчики, собрания рабочих, собрания воспитанников учительских семинарий, записки о нуждах школ разных национальностей и т. д., и т. д.» [8, с. 40]. Политические организации от правого до левого толка воспользовались тем, что «критическая и творческая народная мысль по этим вопросам была ключом», и радикализировали движение – из общественного оно превратилось в общественно-политическое. Реализация начального всеобщего прочно вошла в текст платформ, программ, уставов политических партий и объединений. Кроме того революционные годы стали временем рождения «целой серии новых общественных организаций, имеющих своей задачей объединить деятелей на поприще народного образования и помогать им»: Всероссийский союз учителей и деятелей по народному образованию, социал-демократический союз деятелей по школьному и внешкольному образованию и т. п. [8, с. 73].

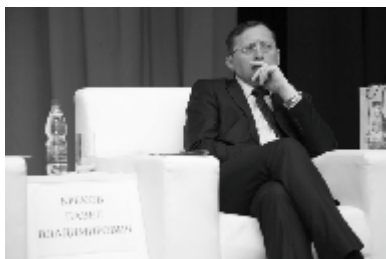
С 1907 г. движение за всеобщее стало работать в принципиально новых условиях: Министерство народного просвещения внесло в Государственную думу законопроект о всеобщем начальном обучении и, не дожидаясь его принятия, начало так называемые подготовительные работы. Общественность бурно обсуждала министерский законопроект. В стремлении к своей цели она решала двудеятельную задачу: не только оказывать давление на государственные структуры, Министерство народного просвещения и перенаправить на систему образования финансовые потоки, но и множить свои ряды, приближаясь в идеале к охвату всего социума и осуществляя, таким образом, на практике смычку школы с обществом. Стало ясно, что на этапе своей зрелости движение за всеобщее образование не должно быть «чем-то внешним, навязанным народу», а являться «его собственным кровным делом, к которому лежит его душа» [5, с. 6]. Поворотным пунктом в данном вопросе являлось изменение отношения крестьян к народной школе. «Крестьяне двинулись вперед в оценке важности образования», – указал на важность происходящих перемен в 1913 г. П.Ф. Каптерев и констатировал, что благодаря этому «в настоящее время спрос на школу превышает предложение» [4, с. 90]. Поэтому накануне военных и революционных потрясений уже стало возможным говорить о всеобщем образовании как реально существующем явлении (опираясь, например, на сведения школьной переписи 1911 г.), и главным стало уже требование ускорить темпы его внедрения.

Начальное образование, грамотность были для людей той эпохи панацеей от многих бед и залогом безопасности и процветания государства. Происходившие в данной сфере позитивные изменения воспринимались современни-

ками как весьма значимые и важные. Опыт широкого общественно-политического движения за введение начального всеобщего образования, в результате которого всеобщее образование все больше превращалось в реальность, свидетельствует скорее, о поступательном развитии империи в конце правления Николая II, а не о ее кризисном состоянии, по крайней мере, в социокультурной сфере.

Список литературы

1. Вахтеров В.П. Всеобщее обучение. М., 1897.
2. Зубков В. И. Министерство народного просвещения и подготовка введения всеобщего обучения в России // Российская история. 2013. № 2. с. 62 - 86.
3. Кальсина А. А. Образовательная деятельность Пермского земства в начале XX века: вопрос о введении всеобщего начального обучения // ВУЗ. XXI век. 2014. № 3. с. 166 - 174.
4. Каптерев П.Ф. Современные задачи народного образования в России. М., 1913.
5. Каптерев П.Ф. Новые движения в области народного образования и средней школы // Каптерев П.Ф., Музыченко А.Ф. Современные педагогические течения. М., 1913. с. 5 - 103.
6. Комитеты грамотности // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 15а. СПб., 1895, с. 845 - 848.
7. Малинова О.Ю. Общество, публика и общественность в России середины XIX - начала XX века: отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 1. с. 428 - 463.
8. Чарнолуцкий В.И. Итоги общественной мысли в области образования СПб., 1906.

Заместитель губернатора Свердловской области Крехов П.В.

Доктор экономических наук, профессор, ректор УрГЭУ Силин Я.П.

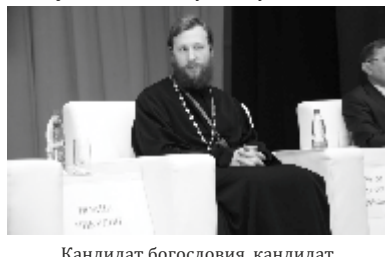
Начальник Управления архивами Свердловской области Капустин А.А.

Заведующий отделом истории династии Романовых Свердловского областного краеведческого музея Неумин Н.Б.

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН Зубков К.И.

Кандидат богословия, кандидат исторических наук, настоятель прихода собора святой великомученицы Екатерины, иерей Иоанн Никулин

Военный журналист, полковник запаса Майоров В.Н.

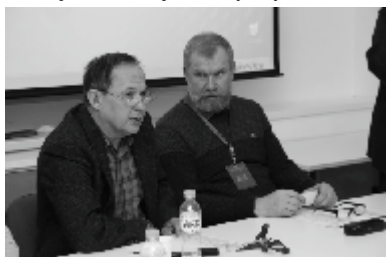
Доктор исторических наук, профессор Сидоренко Н.С.

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН Рукосуев Е.Ю.

Доктор исторических наук, профессор Трофимов А.В.

Кандидат исторических наук Курлаев Е.А. и Неуймин Н.Б.

Кандидат технических наук, профессор Порожский К.П.

Директор Евразийского фонда национального наследия Строганофф Моисеев А.М. и советник директора Евразийского фонда национального наследия Строганофф Сосунова А.В.

Народная артистка России Воронина Т.Н.

Кандидат исторических наук Зубков К.И. и доктор исторических наук Рукосуев Е.Ю.

Герой Российской Федерации Воронин С.Н. и координатор конференции Кырчиков М.С.

Пленарное заседание конференции

Выставка «Россия в правление Николая II»

Экскурсия для участников конференции в мужской монастырь Святых Царственных Страстотерпцев в урочище Ганина Яма

Начапкин Максим Николаевич
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры документоведения,
истории и правового обеспечения
Российского государственного
профессионально-педагогического университета

**Оценка личности и правления императора Николая II,
упущенных возможностей реформирования России
в дневнике консервативного журналиста
М.О. Меньшикова**

Повседневная жизнь людей в эпоху революционных перемен представляет собой малоизученный феномен. В последнее время вышли новые, ранее не изученные архивные материалы, посвященные повседневной жизни граждан в революционной России 1917 г. Очень интересная книга «Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания» [6], составленная сотрудником Института истории и археологии УрО РАН Н.В. Суржиковой, содержит такие разделы, как: «верхи» и «низы», столица и периферия, тыл и фронт, город и деревня, свои и чужие, мужчины и женщины, взрослые и дети во время революционных потрясений. Нельзя без волнений читать воспоминания людей, которые связывали с революцией разрушение старого мира, многолетних устоев жизни. Так, помещик Борис Александрович Энгельгарт (1877 - 1962) – депутат IV Государственной думы, исполнявший обязанности революционного коменданта Петрограда во время Февральской революции 1917 г., сожалел о том, что с приходом большевиков было уничтожено его образцовое имение с породистыми коровами, старый дом – родовое гнездо с портретами предков: «Портреты предков, в напудренных париках, старинный фарфор на стенах, ряды старых и современных фотографий, библиотека с книгами восемнадцатого века... – все это говорило о культурной жизни нескольких поколений» [6, с. 134]. Каширский уездный предводитель дворянства В.В. Татаринов (1864 - 1931) подробно описал начало революции в Кашире: митинги, аресты, произвол толпы, освобождение из тюрьмы не только политических, но и уголовных преступников. Февральская революция внесла анархию в сознание крестьян: «Всякий мужик, не исключая и самого глупого, прекрасно понимал, что значит жить под царем. Жить под царем означало подати платить, воинскую повинность отбывать, властям повиноваться, чужого не брать... Оставшись без царя во главе управления, мужик остался без царя в голове. Все вопросы религии, нравственности, семьи, собственности, государства были поставлены перед ним сразу без всякой предварительной подготовки... Всякий разговор заканчивался классическим словами “Довольно вы нашей кровушки попили” и сводился на нет» [6, с. 38]. Поэтому можно согласиться с выводом историка А.Н. Боханова, цитирующего философа С.Л. Франка,

об исключительной роли монархической государственности в жизни России, древа, из которого произрастало право, образование, культура: «... В народном сознании и народной вере была непосредственно укреплена только верховная власть царя; все же остальное – сословные отношения, местное самоуправление, суд, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованных классов, литература и искусство, университеты, консерватории, академии, – все это в том или ином отношении держалось лишь косвенно силой самодержавной власти и не имело непосредственных корней в народном сознании» [1, с. 9]. Среди книг, посвященных нелегкой судьбе людей во время революции 1917 - 1918 гг., следует отметить «Бизерта. Последняя стоянка» [9] Анастасии Ширинской, рассказывающей о судьбе русской эскадры в Тунисе, книгу «Россия 1917 года в эго-документах. Записки репортера», содержащую воспоминания двух североамериканских журналистов: Флоренс Харпер «Неудержимая Россия» и Бесси Битти «Красное сердце России» [7]. Определенный научный интерес представляет книга Хелен Раппапорт «Застигнутые революцией» [5]. Эта книга интересна тем, что содержит забытые воспоминания иностранцев – дипломатов, учителей, камердинеров, врачей, писателей, журналистов, военных, оказавшихся во время Февральской революции 1917 г. в России.

Известным консерваторам дореволюционной России был Михаил Осипович Меньшиков (1859 - 1918). В монархических кругах его знали как крупного консервативного публициста. Меньшиков вначале отстаивал самодержавную монархию, но после 1905 г. согласился с созданием совещательного народного представительства.

В советской историографии консерваторов относили к помещичье-монархическому политическому лагерю, безоговорочно поддерживающему самодержавную власть в России. Однако изучение взглядов и статей этих мыслителей позволяет сделать другой вывод. Особенно после первой русской революции в их публикациях становятся более заметными критические оценки как деятельности царской бюрократии, высшего духовенства, так и особенно последнего монарха. Первые публикации о жизни и взглядах Меньшикова стали появляться в начале 1990-х гг., в журнале «Москва». В 1993 г. был опубликован дневник Михаила Осиповича [7], в 2000 г. была издана его книга «Письма к русской нации» [2], включающая статьи с 1907 по 1916 г. со вступительной статьей М.Б. Смолина. В 2007 г. в книге «Как воскреснет Россия?» [3] были опубликованы избранные статьи Меньшикова, начиная с 1902 г. Они были сгруппированы по разделам: религия, церковь, общество, образование, здравоохранение. В другом издании 2007 г. «Русское пробуждение» были представлены статьи Михаила Осиповича, посвященные государственности, национальному вопросу, формированию патриотических организаций [4].

Михаил Осипович Меньшиков родился 25 сентября (7 октября) 1859 г. в городе Новоржеве Псковской губернии, недалеко от Валдая. Родители его были религиозны, любил природу. Михаил учился в Кронштадтском морском техническом училище (закончил его в 1878 г.). Получил звание инженера-гидрографа. Совершил несколько кругосветных путешествий, по материалам которых были написаны несколько научных книг.

В 1892 г. вышел в отставку в чине штабс-капитана. Таким образом, военная его служба продолжалась с 1873 по 1892 г., почти 19 лет, а писательская тянулась вдвое больше. Несомненный писательский талант позволил ему вскоре встать ведущим критиком и публицистом «Недели» и «Русской мысли». С 1901 по 1917 г. Михаил Осипович являлся ведущим «Нового Времени». Он писал о нашествии нигилизма, некомпетентности и космополитизме правящей элиты, необходимости борьбы с всенародным злом – пьянством, улучшении работы санитарной службы, необходимости очистки воды и соблюдения гигиены.

Основу известности Меньшикова составляют талант, горячий патриотизм и огромное трудолюбие. Отстаивая интересы русского народа, Михаил Осипович выступал против «... идущего завоевания России нерусскими племенами, против постепенного отнятия у нас земли, веры и власти» [2, с. 9 - 10]. Михаил Осипович был одним из лидеров Всероссийского национального союза, который содержал в уставе положение о единстве и нераздельности Российской империи.

Изучение дневниковых записей позволяет по-новому оценить всю сложность, неоднозначность такого явления российской политической жизни, как русский консерватизм. Консерваторы старались по горячим следам дать оценку причин крушения монархии, прихода к власти либералов и большевиков. Они доверяли страницам своих дневников все свои тревоги, сомнения, мысли о дальнейшей судьбе своих родных и близких, о путях возможного развития России. Дневник позволяют проследить эволюцию взглядов Меньшикова. В своих дневниковых записях он неизбежно выходит на обсуждение проблемы взаимоотношения России и Запада, рассматривает вопросы о Первой мировой войне, социализме. Страницы дневника Меньшикова наполнены трагизмом, горечью за свое нищенское состояние и положение страны. Так, 11 февраля 1918 г. он записал в дневнике: «Немцы заняли Псков... Неужели исчезает из истории великое русское царство? Неужели оно было не более, как великим недоразумением?... Россия погибла заживо от неумения организовать власть» [7, с. 11]. Будущее страны виделось ему исключительно в мрачных красках. Что делать, если придут завоеватели? Мысленно обращаясь к мужикам, он пишет: «Милые, не плачьте! Не Бог весь что и потеряли! Независимость ваша была фикцией, ведь вы были в рабстве немецкой же династии, притом выродившейся и бездарной. Просвещение ваше было фикцией. Величие и слава – дурного сорта... В сущности все красивое свое и великое вы давно пропили (снизу) и прожрали (наверху). Разметали церковь, аристократию, интеллигенцию. Уже к концу царствования Николая злосчастного ясно было, что и православие рухнуло...» [7, с. 12].

Видя народную жестокость во время революции, Меньшиков потерял веру в русский народ. Михаил Осипович неоднократно отмечал в дневнике свои страхи. Он писал о том, что душа его чуяла, что жизнь будет разбита, и умирать придется среди развалин. 12 февраля 1918 г. он вспоминает свою мать, день и час ее смерти и так к ней обращается: «Молю тебя, родная тень, помоги нам в самые ужасные дни нашей жизни. Не сегодня-завтра возможны погромы отступающих бунтарей... Погромы, грабежи, мучения, убийства, голодное изнурение, замерзание моих детишек... Все самое ужасное возможно...» [7, с. 14].

Чтобы понять, насколько отчаянным было положение Меньшикова, можно привести его письмо, написанное в этот же день известному русскому издателю-просветителю Ивану Дмитриевичу Сытину: «Многоуважаемый Иван Дмитриевич. Пишет Вам эти строки когда-то известный Вам М.О. Меньшиков, который однажды был у Вас в Москве. Когда-то Вы предлагали мне работу в Ваших изданиях, но заваленный сотрудничеством в “Неделе” и “Новом Времени”, я боялся оказаться недобросовестным, благодарил Вас и отказывался. Теперь я нищий и прошу работы. Издания, где я трудился, разгромлены, все сбережения моей 39-летней трудовой жизни ограблены в Государственном Банке, дома отобраны и я с большой семьей (шестеро маленьких детей и один безработный с университетским образованием) близки к голодной смерти... Если есть у Вас или имеется в будущем какая-нибудь подходящая для меня работа, ради Бога, дайте мне ее» [7, с. 262].

Почти каждый день в своем дневнике Меньшиков фиксировал продвижение немецких войск по просторам России. Он с горечью писал, что раз русские люди не исполнили своего долга, то страна не имеет права на независимость и развывает тему о благотворности для России грядущей немецкой оккупации. Много справедливых горьких слов он произносит в адрес русского народа: «Итак, мы как нация не имеем права на независимость... Умно поступаем, подчиняясь и чужой власти – если она лучше нашей... Народу, политически бездарному, всего практичнее следить за политическим рынком всего света и выписывать – вместе с наилучшими автомобилями и аэропланами – также наилучшие конституции, законы и... механиков к этим машинам, более сведущих и добросовестных, чем наши слюнтяи. Независимость! Да где она и прежде была у нас? Ведь и прежде сидели над нами чистокровные немцы и делили с нами, что хотели. Худо не то, что это были немцы, а то, что они были плохие правители...» [7, с. 16]. Русский народ представлялся Михаилу Осиповичу запущенной загаженной рекой. Этот народ не имеет начала гражданственности, трудолюбия, склонен к пьянству, насилию и хамству. Поэтому не будет ничего дурного, если придет американец или француз, который «... подымет разрушенную плотину, углубит где нужно, спустит грязь и ил – глядишь, река – красавица... Приходит культурный хозяин и исправляет загаженное варваром. Вот почему нашествие немцев не возбуждает во мне отчаяния и даже простой народ ждет их с хоршими надеждами...» [7, с. 16 - 17].

Суровая реальность заставляла Михаила Осиповича в буквальном смысле выживать, искать пропитания для большой семьи. Оценивая повседневную жизнь, он писал: «Россия провалилась сквозь толщу столетий в каменный век. Все культурное рушится с грохотом, остается первобытное, беспомощное, бедное и дикое, как природа... Агонизирует железная дорога. В коматозном, как говорят доктора, состоянии почта. Гляжу на конверт с маркой и думаю – увы, этот этап цивилизации отошел. Телеграф не действует. Писчую бумагу доканчиваем. Клочок газетной бумаги – им уже дорожим. Экономим спички. Последние куски мыла. Дети за пряник считают корочку пеклеванного хлеба. Сложилось два ужаса: на западе лютый враг, на востоке еще более лютая родина, охваченная жадной грабежа и самоистребления. Гибель» [7, с. 30].

В дневнике Михаил Осипович старался ответить на вопрос: можно ли было предвидеть крах страны, государственности? И он приходит к выводу,

что такое развитие событий можно было предугадать. Дореволюционная Россия была охарактеризована Меньшиковым как страна больная, гибнущая. Неизбежность краха всей дореволюционной государственности была вызвана повальной безграмотностью крестьянства, повальным пьянством всех сословий и слепым рабством их перед властью, коррупцией, деревянным равнодушием генералов и адмиралов к интересам государства. Для Меньшикова своя судьба как человека, журналиста была неразрывно связана с Россией. Он чувствовал и свою ответственность за все разрушительное, что произошло: «Разве ты не знал лично министров, растерянных, равнодушных, цепляющихся за свой пост при явной неспособности наладить дело? Разве ты не пережил этих политических убийств? Разве не убедился в жалком бессилии общества, интеллигенции, бутафорского, нечестно и глупо подобранного парламента? Разве ты не убедился в низости и безверии церковной иерархии и в глупости царя?... И если, видя всю эту внутреннюю гниль и возмущаясь ею, ты не бежал из гнилого омота, стало быть, тем самым, ты признал неразрывность твою с ним... Вот оценка твоей родины и тебя вместе сней» [7, с. 19].

Оставшись без копейки, с маленькими детьми на руках, Меньшиков был в отчаянии. Дом в Царском Селе, вещи, книги оказались для него потерянными. Он и семья переехали на дачу, находящуюся на Валдае. Постоянно он думал о том, где бы заработать, как спасти деньги и ценности, находящиеся в Государственном Банке. В общей сложности Михаил Осипович потерял около 330 тыс. р. Кроме того, в самом начале Первой мировой войны, поддавшись на призыв правительства сдать государству золотые монеты, он отвез все монеты в банк и обменял на бумажные ассигнации, которые вскоре обесценились. После освобождения немцами России от большевиков Меньшиков надеялся вновь найти работу – литературный заработок. Он также хотел при помощи строгой бережливости, полной экономии во всем и повышенном труде воспитать своих маленьких детей, подготовить их для взрослой, самостоятельной жизни.

16 февраля 1918 г. Меньшиков отмечает следующий факт: в ожидании прихода немецких войск жители Валдая стали усиленно учить немецкий. 22 февраля материальное положение семьи еще более ухудшилось. Он так оценивает свой быт: «Согласен на нищету, ибо блаженны нищие, привыкшие к нищете! Лишь бы без острых страданий голода и холода. Глядишь на детей, которые “делают экономию” на крохотных кусочках сахара, отдавая из четырех кусочков один или два бабушке, тяжело... А скоро сахар останется таким же воспоминанием, как шампанское. Ржаной муки нет, нет картофеля. Доедаем крупу. Один Бог знает, как протянем до лета...» [7, с. 30].

Еще одной из тем, затронутых в дневнике, была тема крушения монархии: «Крушение Российской империи. Оно было тысячу раз предсказано и, наконец, совершилось. Плохо связанная, она распалась подобно всем империям, не исключая Римской ... Судорога мировой войны, осложненной, по-видимому, мировой революцией, показывает, что старая государственность отходит...» [7, с. 18].

Подписанный 3 марта 1918 г. большевиками с немцами Брестский мир Меньшиков осуждал: «Россия возвращает даже разбитой Турции не только все

завоеванное, но даже Карс, Батум... От России отнимают почти все завоевания Петра Великого, Екатерины II, Александра I и II на западной границе. Два самых блистательных века нашей истории пошли насмарку. Созданная крепостным правом, т. е. дисциплиной феодальной, Российская империя рухнула через 50 лет после того, как вынули из нее эту пружину» [7, с. 24]. Для Михаила Осиповича было ясно, что все эти революционные потрясения связаны с характерными особенностями самого народа. Русский народ – это народ, сочетающий в себе крайности: с одной стороны, бесконечное терпение, с другой – склонность к жестоким, беспощадным бунтам.

Меньшиков пришел к выводу, что у российской истории был шанс начать двигаться по другому пути развития во второй половине XIX века. Это все могло быть, если бы, и Александр II не допустил, с точки зрения публициста, роковых для страны ошибок: «1) Ему не следовало так скоро заключать мир, и нужно было вести войну до почетного конца, еще немного стойкости, и можно было бы обойтись без унижений Парижского договора; 2) отменить крепостное право следовало сразу с уничтожением общины и выделением на хутора; 3) следовало дать большой, где возможно, двойной надел с удлинением срока выкупа; 4) учредить Дворянский и Крестьянский банк для выкупа остальной помещичьей земли в пользу государства с правом передачи ее только фактическим земледельцам всех сословий за определенный выкуп; 5) обложить огромным налогом право проживания за границей и перевода туда ценностей; 6) сохранить звание потомственных дворян только за теми помещиками, которые сами хозяйничают на земле отцов своих и несут земскую службу; 7) ввести во все школы, гимназии и университеты предметы земледелие, гигиена и санитария; 8) покрыть Россию тысячами ремесленных и инженерных школ; 9) покрыть Россию тысячами учреждений мелкого кредита и потребительских обществ; 10) покрыть Россию сетью железных дорог усиленной и спешной постройки; 11) национализировать железо, уголь, нефть, леса; 12) ввести монополию: винную, сахарную, страховую, нефтяную, угольную, аптечную, хлебную; 13) ввести патриаршество и свободу веры; 14) собрать земской собор и дать конституцию; 15) ввести учреждение Боярской думы и звания бояр для лучших людей всех сословий; 16) преобразовать суд, вводя суд... присяжных английского типа; 17) разделить Россию на самоуправляемые области по типу Соединенных Штатов; 18) усилить уголовную репрессию; 19) преобразовать духовенство, поставивши в воспитание священников главным образом нравственный ценз и призвание к церкви; 20) никаких войн и максимум развития обороны» [1, с. 26]. Эта программа развития России заслуживает внимания. Со многими ее положениями можно согласиться. В отличие от других консерваторов Меньшиков не идеализировал русский народ. Для него он не был народом-богоносцем. В конце февраля – начале марта 1918 г. он записывает в дневнике: “Русь! Куда мчишься ты?”, – спрашивал Гоголь”. Под косогор, голубчик! В пропасть!” – могла бы ответить ему Русь... – Россия скажет миру новое слово! – проповедовали славянофилы. И сказала... Многие славянофилы могли еще его услышать... На великий акт освобождения от крепостной неволи народ – свободный народ ответил: 1) быстрым развитием пьянства, 2) быстрым развитием преступности (поджоги, потравы, деревенская поножовщина),

3) быстрым развитием разврата, 4) быстрым развитием безбожия и охлаждения к церкви, ...6) быстрой потерей всех дисциплин – государственной, семейной, нравственно-религиозной и превращением в нигилиста» [7, с. 34]. Таким образом, Февральская и Октябрьская революции являлись для Меньшикова глубоким подтверждением многолетнего процесса опустошения души, падения нравственности, чувства чести, любви к родине, Богу, государству, к ближнему. Немаловажное значение имело и то, что народные массы были одурманены алкоголем: «Бунт народный есть буйство алкоголиков, не имеющих чем опохмелиться» [7, с. 35].

В начале марта 1918 г. прошла годовщина Февральской революции. Михаил Осипович не мог не прокомментировать эту трагическую дату: «Год русской великой революции. Мы еще живы благодаря создателю. Но мы ограблены, разорены, лишены работы, изгнаны из своего города и дома, обречены на голодную смерть. А десятки тысяч людей замучены и убиты. А вся Россия сброшена в пропасть еще небывалого в истории позора и бедствия» [7, с. 36].

Изучая дневник Меньшикова, нельзя не коснуться такой важной темы, как отношение этого представителя консерватизма к династии Романовых. Он критически относился к ее представителям, обвиняя их в спаивании народа. Порою кажется, что оценку дает не консерватор, а большевик. Вот оценка Петра I: «Прожил бы еще 25 лет, успел бы доработать все, что начал и задумал, успел бы оставить национальную династию – не от потаскушки-пьяницы, какой-то латышки, что бросило Россию в тяжкие переживания двух эпох» [7, с. 88].

Личность императора Николая II также не вызывала у Меньшикова положительной оценки. Он критиковал царя за слабоволие, бездарность, измену монархии: «Боже мой, до чего я был прав, чувствуя задолго до войны глубоко возмущенное и презрительное чувство к Николаю II! Он погубил Россию, как губит огромный корабль невежественный или пьяный капитан, идущий в узком фарватере... Роковой человек!» [7, с. 138 - 139].

Меньшиков постоянно задавал себе вопрос: «Можно ли признавать царя и наследника, которые при первом намеке на свержение сами отказываются от престола? Точно престол – кресло в опере, которое можно передать желающим. Престол есть главный пост государственный... Тот, кто с таким малодушием отказался от власти, конечно, недостоин ее. Я действительно верил в русскую монархию, пока оставалась хоть слабая надежда на ее подъем. Но как верить в машину, сброшенную под откос и совершенно изломанную?... Мы все республиканцы поневоле, как были монархистами поневоле. Мы нуждаемся в твердой власти...» [7, с.152]. Михаил Осипович считал, что если бы вместо Николая II был бы другой правитель, то страна могла избежать и русско-японской и Первой мировой войн.

Хотя Меньшиков и осуждал Николая II за измену принципам самодержавия, поспешное отречение от престола, без сопротивления, он с большим человеческим сочувствием отнесся к сообщениям о гибели царя в Екатеринбурге. Так, 24 июня 1918 г. он записал в дневнике: «Неужели Николай II убит? Глубинам совести народной, если остались какие-нибудь глубины, будет нелегко пережить эту кровь... Впрочем, кто его знает, – может быть по нынешней психологии народной, чего доброго, еще гордиться будут, бахваляться!

Вот, мол, мы, какие-сякие, знай-ста наших! Уж если царю башку свернули, – сторонись, мать вашу так! Всех перемолотим, переполошим! И сделают... Чего не сделает хладнокровный душегуб, сбросивший лохмотья своей смердящей цивилизации и объявивший себя откровенным злодеем!» [7, с. 153].

Для Меншикова большевизм означал господство хама – людей ужасно бедных духом, животных и наглых. Его поражала чрезмерная жестокость этих людей, склонность их к насилию: «Николай II расстрелян... Тяжкая тоска на сердце. Зачем эта кровь? Кому она нужна? Почему же отрекшегося от престола Альфонса Португалия выпустила за границу? Почему даже Персия предоставила свергнутому шаху уехать, а у нас непременно лишили свободы и, наконец, жизни монарха, которому когда-то присягали?... Без суда, без следствия, по приговору какой-то кучки людей, которых никто не знает... При жизни Николая II я не чувствовал к нему никакого уважения и нередко ощущал жгучую ненависть за его непостижимые глупые, вытекающие из упрямства и мелкого самодурства решения... Но все-таки жаль несчастного, глубоко несчастного человека: более трагической фигуры “Человека не на месте” я не знаю» [7, с. 169]. Убийство отрекшегося от престола царя вместе с невиновной семьей и окружением могло быть вызвано только трусостью и местью.

Рассуждая о нереализованных возможностях развития России в период правления Николая II, Меншиков затронул проблему взаимоотношения России с Западом. Как должна была развиваться Россия? Самобытно или путем заимствования западного опыта? В дневнике он пишет о необходимости использования западного опыта: «На месте царя я... разделил бы Россию на сто автономных земель-штатов и возложил бы на них всю ответственность за их судьбу. Копировал бы Соединенные Штаты и Германию, ... решив, что тамошний политический опыт – сливок человечества, и постарше нашего на 500 лет...» [7, с. 157]. Среди ошибок царя он выделяет его неспособность очистить династию и дворянство от паразитов. Дворянство необходимо было заставить работать. Одновременно нужно было рекрутировать в государственный аппарат молодых, талантливых людей из народа.

В дневнике Меншиков также писал о реквизициях, поисках оружия, массовых допросах офицеров и взятии их в заложники. Его тревожила судьба детей и повседневные заботы: «Меня убивает революция, прекращение возможности привычного мне труда. Убивает голод, тяжкая тревога и надвигающаяся гибель страны» [7, с. 11]. Единственным утешением в эту нелегкую пору для Меншикова было то, что его дети не идиоты, не калеки, знают грамоту и смогут обеспечить себя в будущем. Но он постоянно каялся на страницах дневника перед детьми за то, что не сумел обеспечить им лучшего будущего. О том, как велико было чувство безысходности, охватившее Меншикова в августе 1918 г., можно судить про его словам о желательности установления американского контроля над Россией: «Если заберут нас под опеку американцы, может быть это будет всего желательнее... Они вложат свой колоссальный капитал, они заведут машине хозяйство, организуют наш народный труд и вытащат из трясины погибающее великое племя» [7, с. 190].

В августе 1918 г. Меншикова стали терзать плохие предчувствия, так как его вызвали в отдел военного комиссариата. Ему пришлось доказывать,

что в 59 лет он не годен к военной службе. Но ему казалось, что вызов в военкомат был только предлогом: «Зачем же требовали от меня учетную карточку? Все-таки записали мое имя, чин, возраст, адрес. Есть опасения, что записывают не для призыва на фронт, а для будущего расстрела в качестве “заложников”» [1, с. 11]. Страшные предчувствия Михаила Осиповича оправдались. Арестованный в начале сентября 1918 г. Чрезвычайной комиссией, он был обвинен в погромных статьях и был расстрелян на глазах своих малолетних детей на берегу озера напротив Валдайского монастыря.

Список литературы

1. Боханов А.Н. Император Николай II. М.: Русское слово, 1998.
2. Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000.
3. Меньшиков М.О. Как воскреснет Россия? Избранные статьи. СПб., Русская симфония, 2007.
4. Меньшиков М. О. Русское пробуждение. М.: Книжный мир, 2007.
5. Раппопорт Х. Застигнутые революцией. Живые голоса очевидцев. М.: Э, 2017.
6. Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания/ авт.-сост. Н.В. Суржикова; Институт истории и археологии УрО РАН. – Москва: Политическая энциклопедия, 2015.
7. Россия 1917 года в эго-документах. Записки репортера/науч. Ред. Н.В. Суржикова; Институт истории и археологии УрО РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016.
8. Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVII - XX вв.) Вып. IV: М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. М.: Студия «Тритэ» – Российский архив. 1993.
9. Ширинская А.А. Бизерта. Последняя стоянка. М.: Библиотека Фонда им. А.А. Манштейн-Ширинской, 2012.

Князев Валентин Михайлович
Доктор философских наук, профессор
кафедры философии, культурологии и биоэтики
Уральского государственного медицинского университета
620109, Россия, г. Екатеринбург
ул. А. Барбюса, 2
kn.va.m@yandex.ru

О методологии понимания истории России

Аннотация. В статье утверждается, что наиболее верный способ понимания исторической действительности — это цивилизационное прочтение истории человечества, при котором виден действительный субъект истории — народ, заслуживший свою историческую роль в мировой истории и доросший в своем культурном развитии до мессианской роли в религиозно-философской культуре человечества. Русский народ, духовно объединивший в евразийском пространстве коренные народы России, является цивилизационным народом. Поэтому реальное понимание истории России может быть только в методологии цивилизационного подхода. Сама методология цивилизационного подхода хорошо разработана в трудах Н.Я. Данилевского и в трудах выдающихся русских философов конца XIX — начала XX века, в особенности в работах Питирима Сорокина. Эта методология в условиях доминирования методологии постмодерна с шизоанализом особенно актуальна для нас.

Огромное евразийское пространство России притягивает взоры врагов и друзей. Никто не остается равнодушным к стране, где много земли, воды, лесов, равнинной местности и гор. Восхитительная реальность России не только в том, что она огромна в своих географических размерах, разнообразна по климатическим условиям жизни. Она еще и особый мир исторически уникальной цивилизации.

Бытие России не есть только социальный конструкт, а, прежде всего, живое культурно-историческое развитие её народа, явленное всему миру в форме цивилизации. Цивилизация — это не только экономически, технологически развитая культурно-историческая общность народов, проживающих в пределах общей территории, но это, прежде всего, культурно-исторический тип с характерными духовными характеристиками. У цивилизации, как у всякого живого существа, есть тело и душа. При формационном, прогрессистском понимании истории развития общества цивилизация мыслится как внешнее, производственное обустройство общества. На современном этапе как о флагмане истории говорят о техногенной цивилизации. И с научно-техническим прогрессом связывают будущность человечества. Но есть и другое понимание цивилизации, где в качестве

атрибутивного свойства цивилизации выступает её внутренне начало — духовно-нравственный тип культуры. Это давний спор теологов, философов о сущностном, ведущем начале человеческой жизни. «Хлебом единым жив человек или словом Божиим», душа или тело важнее для будущей жизни, технический прогресс или духовно-нравственный?

Н.Я. Данилевский (1822 — 1885) цивилизационный тип российской жизни определил через термин «славянская культурно-историческая общность народа». В основу славянской культурно-исторической общности Данилевский положил культурно-историческую общность исторической жизни русского народа. По мнению Данилевского, это сущее бытие, т. е. бытие, несущее на своих плечах историческое существование славянской цивилизации.

Представляется, что цивилизационный подход к пониманию исторической жизни России, — это наиболее близкий к жизненным реалиям подход. Культурно-историческая динамика любого общества естественным образом отображает жизнь любого общества. П.А. Сорокин (1889 – 1968), выдающийся социолог XX века, со всей научной убедительностью проиллюстрировал это теоретическое утверждение.

Эволюционистское прочтение хода истории доминирует в нашем сознании. Согласно теории эволюции вся динамика многообразного мира выпрямляется по линии восходящего развития от низшего к высшему. Но в реальности мира есть не только эволюция, но инволюция, есть хаос, неравновесные системы, энтропия. Есть голодинамика с её имплицитным и эксплицитным уровнем бытия.

Почему вдруг стихия природного мира, как послушные воле командира солдаты, выстроились в строй и с песней дружно зашагали к прогрессивным целям личностного Бога, или к определенности объективных законов природы. Откуда этот императив цели, которой мы должны подчиниться? Он с «неба» господствующей идеологии, которую заказали сильные мира сего, для управления нашим разумом? Или есть имманентный закон родовой жизни нашей отечественной истории? Думается, надо исходить в ответе на эти вопросы из конкретных реалий отечественной истории.

Когда мы ставим вопрос о значении Великой Октябрьской революции для истории России и всего мира, то невольно возникает вопрос — это история наших дедов, отцов, нас с вами, ныне живущих в России людей? Это история нашего народа, и мы способны сами должным образом понять и оценить её? Или мы, пройдя изучение собственной истории по учебникам, которые написаны на деньги Сороса, уже не можем мыслить самостоятельно. Неужели мы интеллектуально спим и в полудреме слышим предвзятый рассказ заезжего русофоба о России отсталой и неумытой. Мы слышим, что в России ни при каких условиях, не будет русского государства, что огромные земли, природные богатства России не заслуженно отданы в пользование рыночно не эффективному народу. И потому Россия без русских, это верное для всего мира решение вопроса о российской истории. Неужели мы согласны с этими суждениями?

То, что согласные есть с этими суждениями, гадать не приходится, они есть. Речь идет о тех, кто мыслит патриотично. Но в разговоре о действительной истории России одного патриотизма мало. Необходим еще верный методоло-

гический подход для понимания истории России. Нам представляется, что базовым подходом в анализе исторической действительности жизни России является цивилизационный подход. История России — это не только история классово-борьбы (ярко событийная, драматическая сторона её жизни), но это, прежде всего, культурно-историческая динамика народной жизни, и не только с точки зрения духа (логоса) культуры, но и с точки зрения мифоса этой жизни.

Современный тип постструктуралистской рациональности все сделал релятивным (относительным), кроме позиции наблюдателя. Именно от зоркости взгляда наблюдателя, изучающего сверхтонкие энергии мира, электрон показывает себя в качестве волны всего квантового поля либо в качестве частицы. В качестве наблюдателя, изучающего социально-историческую реальность, у нас выступает сейчас идеолог глобального либерализма, штаб-квартира которого либо в США, либо в нелокальном пространстве интернет-сети. Для нас позиция наблюдателя находится здесь, в сосредоточии народной жизни. Мы смотрим на историю России через оптику архетипов, мифологем народного сознания. Мы исходи из меткого и точного замечания В.С. Соловьева, сказавшего: «Не важно, что мы думаем о России, а важно то, что Бог задумал о Ней». Мы согласны с суждением Н.А. Бердяева, утверждавшего, что у России как цивилизационного проекта мировой истории, есть своя историческая миссия и есть своя мессианская роль.

Методология Данилевского, Сорокина дает нам виденье истории как истории народов, которые в жесткой исторической борьбе за право жить широко и привольно платят высокую цену живым трудом и ратным подвигом своих тружеников и героев. Россия — это родина тружеников, воинов, гениальных ученых и деятелей искусства, деяния которых известны всему миру. Русский народ, несомненно, — народ мировой истории. В конце XIX века выдающиеся мыслители России: писатели, политические деятели: Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов, П.А. Столыпин, Л.А. Тихомиров. Философы, такие как В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, А.Ф. Лосев и многие другие выдающиеся люди, говоря о будущем России, пытались прояснить для себя и для других смысл «русской идеи».

Сейчас из политического лексикона понятие «русский народ» «вымывается». Выводится зримо через удаление в паспортах графы «национальность». Национальности в России нет, так как, по мнению кремлевских мудрецов, в России живут «россияне». Термин «россияне» — это симулякр, у которого нет культурно-исторического содержания. И потому это не есть понятие для научного сознания, а всего лишь идеологический конструкт современной либеральной идеологии.

Современная либеральная идеология в принципе, унаследовала от так называемых «врагов» либерализма — марксистов методологию формационного развития истории человечества. Учение К. Маркса о закономерной смене общественно-экономической формации, как следствии развития способа производства сейчас трактуется в современной либеральной идеологии как учение о постиндустриальном обществе, об информационно-коммуникативном обществе. В принципе это имманентное продолжение методологии марксизма, но выраженное иными терминами. Главное проти-

воречие современного мира видится в борьбе техногенной цивилизации с традиционными цивилизациями. А главное оружие в этой борьбе видят в новых технологиях, в цифровой экономике, в инновациях, направленных, прежде всего, на изменение природы человека, опять же посредством технологий: информационных, нейронета, биотехнологий, когнитивных, нанотехнологий и пр. Идеологически заточенное оружие современного либерализма мы находим в идеологии трансгуманизма. Впервые вопрос «может ли универсальное существо человек творить все, что пожелает в данном ему мире?» обрел радикальную форму: а может ли человек решиться убить себя, искоренить в себе все традиционное, природой и культурой данное и сотворить из «ничто» совершенно новое существо? Это вопрос постмодерна «о смерти человека» и возвращении к «человеку без органов», к образу «ризомы», к базовому состоянию биомассы, из которой можно лепить все что угодно.

В революционной, нацеленной на исторический прогресс теории Маркса народ не выступает в качестве субъекта истории, авангарда. У Маркса фигурируют классы, и самым прогрессивным классом является пролетариат, люмпен, которому нечего терять, поэтому пролетариат и можно использовать как хворост для костра революции. Г. Маркузе, представитель Франкфуртской школы, увидел, что в относительно благополучной жизни Европы XX века пролетариат исчез — он интегрировался в качестве мещан в жизнь буржуазного общества. Молодежь с её потенциалом сексуальной энергии, с её слабой интеграцией в устои общества может быть, по мнению Маркузе, хворостом для костра революции. Сейчас правящий класс транснациональной олигархии, номады финансового капитала всех людей силой медиократии, методами высоких технологий превращают в потребителей, в бакалавров — стопроцентных исполнителей, в фанатов, в участников «цветных революций». И тем самым, вопрос о будущем истории снимается, так как история вернулась в архимодерн — во времена легитимного рабства и легитимного произвола и всеилия правящего класса. Мечта всех эксплуататоров о послушном, «святом рабе» сбылась, так как современный потребитель, фанат, болельщик, активный участник «цветных революций» и есть этот «святой раб». Этим идеальным «хворостом» и творится перманентная революция, которая есть, по сути, идеальный способ осуществления ротации элит в той или иной стране руками «святых рабов», на время ставших пламенными революционерами.

Главный гуру либерализма Карл Раймонд Поппер, написавший «Библию» современного либерализма «Открытое общество и его враги», и его преданный ученик Джордж Сорос — мастер «цветных революций» ввели в качестве методологии и практики для современного человека методологию критического рационализма. Критический рационализм базируется на принципе фалибиализма (ошибочности нашего знания) и фальсификации как критерия оценки научной гипотезы, которая имеет право на существование, если пройдет через опровержение и фальсификацию её идей. В основе этой теории и практики — воля радикального и сильного субъекта истории. Этот сверхчеловек Ницше не только силен своей технологической и финансовой властью, но умен теоретически, имея в распоряжении теорию, способную благодаря

принципу фальсификации и фалибализма быть всегда новой, современной. Эти методологические принципы, соединенные с ресурсом, базой данных современного сетевого пространства Интернет, с медиократией телевизионной цифровой индустрии, очень сильны в своем воздействии на ум и психику человека. Их недооценивать нельзя. И поэтому, видя силу этих методологий истории философии, мы должны серьезным образом утвердиться в методологии цивилизационного подхода к истории России.

Из цивилизационного подхода следует, что идея прогресса ложна как теория, ибо опровергаема практикой. В действительности революции — это не рок истории, не объективная закономерность смены общественно-экономических формаций, а рукотворное явление, создаваемое элитами общества, которые время от времени осуществляют чужими руками ротацию элит.

К примеру, произошла революция в 1917 г. — форма властвования изменилась, а иерархическая структура власти, способы прихода к власти остались те же: власть, богатство, образование, престиж. Чтобы быть на олимпе власти нам с неизбежностью необходимо иметь причастие, участие во власти, иметь богатство, хорошее образование и носить имя чести. Все лифтинги, структурные основания власти для человека остались те же самые, что были во времена монархической России. Внешние различия, вызванные бурей революции, желанием отобрать богатство у богатых и поделить его. Довольно быстро коммунисты, став номенклатурой, построили себе коммунизм за высоким забором, а крестьяне, рабочие как жили не богато, так и продолжали жить. Образование стало всеобщим. И именно оно стало самой демократической силой социалистической России. А в целом структура власти оставалась иерархичной и более жесткой благодаря действию принципа демократического централизма. И. В. Сталин в годы индустриализации, в годы войны возродил историческую память об Иване Грозном, о славных полководцах, возродил царскую форму для офицеров. В кризисные годы архетип самодержавной власти восстановился, и Россия победила в войне, в гонке вооружения. Сталин смог посмотреть на текущую историю социалистической России через мифологемы народного сознания и оценить по достоинству вклад русского народа в самой кровопролитной войне с фашизмом, подняв бокал на празднике Победы за русский народ — народ-победитель.

Иерархическая структура власти не меняется в ходе исторического развития общества, так как не меняется ранговая природа человека. Платон, живший в V веке до н. э., совершенно верно утверждал, что государством может управлять философ, душа которого помнит истинное знание мира идей. Конечно, философы и политики могут рождаться не только в царских покоях, но и в семьях не столь титулованных граждан. Выпускники сибирской гимназии Володя Ульянов, Александр Керенский стали в лихие годы революции: Керенский — председателем Временного правительства, Ульянов — председателем Совнаркома, а семинарист Иосиф Джугашвили — Генералиссимусом в годы Великой Отечественной войны. Но это все люди, имеющие природный, приобретенный ранг вождей. Не плебс управляет обществом, государством, а люди, причастные к рангу философов, воинов.

Н.Л. Бердяев написал в годы революции работу «Философия неравенства», в которой бросает гневный и справедливый упрек вождям революции, говоря,

что они рыцари тьмы, хаоса и погубители традиционной России. Бердяев прав — история не анонимна, и народ воочию может видеть, кто погубитель и кто спаситель России. Вопрос о качестве элиты принципиальный. А мы все еще шутейно говорим, есть две беды у России: «дураки» и плохие дороги. «Дураки» во власти — главная беда России.

Но как проходимцы попадают во власть? Питирим Сорокин объясняет это через механизм смены типов культуры в исторической жизни общества. Если власти надо осуществить мобилизационный рывок в экономической, военной сфере и в целом в жизни общества, то власть тогда оживляет исторический опыт идеационной культуры, ценности которой носят сакральный, духовно-нравственный характер, ориентированы на воспитание тружеников, воинов, героев. В обществе при идеационной культуре царит культ семьи, детей, женщины. Культивируется в человеке чувство ответственности, жертвенности. Если властители местные или их кураторы за рубежом решили разрушить общество, осуществить в нем революцию, то культивируется культ чувственной культуры — культуры декаданса, аморализма, нигилизма. Гениальный и безумный Ф.Ницше рекомендовал правящей элите решительным образом отказаться от христианской культуры, культуры Аполлона — бога гармонии и порядка и взять на вооружение культуру Диониса — культуру вакханалии и гомосексии. П. Сорокин говорит еще о третьем типе культуры — идеалистической культуре романтиков, идеалистов. Этот тип культуры выполняет функцию мягкого перехода от аскетического идеационного типа культуры к чувственной.

Революция начинается вначале в головах, в душах людей, а уже затем она выплескивается огнем всеожожжения на улицы городов и сел. Но кто заносит в ум людей вирус нигилизма? Кто помогает власти разрушить идеационную культуру и утвердить в обществе диктат чувственной культуры? Интеллигенция, экспертное сообщество — пролетарии умственного труда. Мы снова встречаемся с пролетариатом, снова «хворост» для революции, снова «святая простота» учителей народа. Сколько стоит независимая пресса, ум и совесть интеллигента? В условиях глобального рынка вопрос риторический, ибо продающий свои способности товар «рабочая сила» всегда сторгуется с работодателем.

И все-таки не все так безнадежно. Техногенная цивилизация с триумфом шествует по планете. Поклонники и жрецы бога Мамоны всюду открыли свои капища в виде кредитных, инвестиционных банков, всюду шныряют как бандиты коллекторы, вышибая судный процент из доверчивых и нищих граждан. Но в этом царстве произвола техногенной цивилизации есть нелокальное пространство душ людей, дух которых придерживается канонов, ценностей идеационной культуры — культуры традиционных цивилизаций. Эти живые люди, наши современники, очень хорошо знают силу духовно-нравственного прогресса, их не пугает экологический, экономический, правовой кризис, который охватил своим смертельным объятием всю техногенную цивилизацию, ибо они знают главную причину всех этих кризисов. Знают, что в основании всех кризисных явлений пребывает духовный недуг человека — гордыня, тщеславие эзотериков, посвященных, которые якобы знают законы бытия и как маги могут управлять людьми

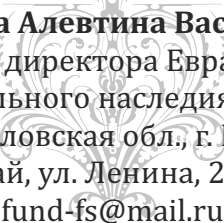
и миром. В действительности историю знает народ, его разум, основанный на знании архетипов, мифологем бесконечно огромной, бесконечно терпеливой жизни своей вечной души.

Спросите фронтовика, который доживает свой век в нищете, и он расскажет, как он, какой ценой отвоевал богатства российской земли. Расскажет и замолчит, чтобы мы в присутствии молчания фронтовика осознали, что все, что он отвоевал для России, находится в частной собственности олигархов, оффшорной буржуазии. Спросите сирот, которых в современной России больше, чем в военное время. Они вам скажут, что материнская любовь не имеет цены. А все богатство и величие либеральной России, ничего не сделавшей для укрепления семьи, кроме ювенальной юриспруденции. Честно говоря, очень странной юриспруденции, по закону которой можно отобрать ребенка у матери и отца, но нельзя по закону дать нормальное пособие многодетным и бедным семьям, а отобрать ребенка можно — вот такая юриспруденция.

Народ, конечно, безмолвствует, и это нормально, ведь труд народа не в болтовне, не на сцене «Камеди клуб», в «Доме-2» и пр. Однако молчание народа сходно с молчанием Бога. Если мы не можем понять молчание народа, то как мы поймем молчание Бога и наконец-то узнаем, кто мы в действительности.

Если наши умники либералы посмотрят на нашу жизнь через ум народной жизни, то они должны оценить современную Россию с позиции социальной справедливости, с позиции социального равенства, понятого как равенство стартовых возможностей, с позиции продолжительности и качества жизни каждого человека, у которого, как известно, только одна жизнь. И они увидят, что не только стартовые возможности в этом обществе существенно различны, но и близость финиша тоже различна. Одни из нас, имея доступ к совершенным технологиям медицины, делят свою жизнь как можно дольше, а другие продают свои органы, сдают в аренду свою матку для вынашивания чужого ребенка, чтобы прокормить своих детей и себя.

Итак, если мы не смотрим на историю России глазами народа, то грош цена нашему знанию о России. А если смотрим глазами народа на историю и её современность, то почему бездействуем?

Сосунова Алевтина Васильевна
Советник директора Евразийского
фонда национального наследия «Строгановф»,
623150, Свердловская обл., г. Первоуральск,
п. Билимбай, ул. Ленина, 226, пом. 21
fund-fs@mail.ru

Научные экспедиции на Урал правительства Николая II на примере Билимбаевской дачи Строгановых (конец XIX века)

Аннотация. Цель работы - исследование деятельности научных экспедиций на Урале в конце XIX века под руководством министра земледелия и государственных имуществ Российской Империи А. С. Ермолова и представителя министерства финансов Российской Империи Д.И. Менделеева. Исследование проводится на примере Билимбаевской дачи Строгановых. Автор рассматривает особенности организации хозяйства уральского города-завода с собственной развитой инфраструктурой, сочетающим на своей территории практически все направления политики Николая II на Урале: добыча и переработка руды, лесозаготовление, образование, земельная реформа и т.д. В статье выявлена и обоснована прямая связь между социальным обустройством горнозаводского поселения и экономикой производства, а также рассматриваются механизмы государственного контроля за частным производством, характерные для царствования императора Николая II.

Ключевые слова: Николай II; Билимбай; Строгановы; Менделеев; Урал; научная экспедиция; горнозаводское поселение; лесохозяйство.

В ряду государственных деятелей, которые верно служили своей стране, достойное место занимает и последний император Российской Империи — Николай II. Он вступил на престол в 26 лет, 21 октября 1894 г., после смерти своего отца, императора Александра III.

Уже к 23 годам Николай II был высокообразован, отец сумел привить ему беззаветную любовь к родине и чувство ответственности за ее судьбу.

Время царствования Николая II по праву называется историками периодом самых высоких в истории страны темпов экономического роста. Добыча каменного угля по всей империи увеличилась более чем в 4 раза, такими же темпами шла выплавка чугуна и меди. На 2/3 увеличилась добыча нефти.

Император поддерживал решения, нацеленные на экономическую и социальную модернизацию: введение золотого обращения рубля, столыпинскую реформу, законы о страховании, всеобщем начальном образовании, веротерпимости; не осталось в стороне и лесное дело, а также изучение географии и культуры.

Император понимал, что Урал – кладовая, запасы которой огромны, но также видел и то, что к концу XIX века регион начал приходить в упадок, поставивший его на грань экономической катастрофы. Поэтому уже в первые годы правления императором направлялись ученые экспедиции на восток, особая роль в которых отводилась двум министрам – министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову и министру финансов С. Ю. Витте. Основной целью данных экспедиций было исследование экономического состояния Урала и определение перспектив его развития.

Визит в Билимбай министра земледелия и государственных имуществ Российской Империи

Билимбай часто оказывался в поле зрения членов Российского императорского дома. Небольшой уральский поселок, возникший в начале XVIII столетия при первом чугуноплавильном заводе Строгановых на реке Билимбаихе – правом притоке реки Чусовой, обладал развитой инфраструктурой: помимо самого завода, одного из передовых для того времени в России и Европе, там были больница, школа, библиотека, дом призрения, собственный театр, обширное лесное хозяйство, железная дорога, пристань, от которой уходили железные караваны по Чусовой, развитая система пожарной охраны. Главным украшением поселка был Свято-Троицкий храм, один из крупнейших на горнозаводском Урале, размерами своими уступавший лишь Верхотурскому.

Неудивительно, что Билимбай был гордостью Строгановых. Знаменитая династия, ведущая историю своего рода еще от времен Рюриковичей, они и при Романовых были вхожи в высшие круги и уважаемы всеми членами императорского дома. Чугуноплавильное производство в Билимбае стало первым металлургическим производством Строгановых. Именно здесь они внедряли передовые для того времени технологии во всем: будь то производство, образование, лесозаготовка или новый метод сплава – каждый опыт становился успешным и ставился в пример.

Экспедиция, возглавляемая Ермоловым, прибыла на Урал в августе 1895 года. Эта поездка выделялась из многих подобных путешествий, поскольку Ермолов прибыл не просто с инспекцией уральских заводов, а с целью изучения дальних вотчин. Он желал «увидеть... как и что делается из первоисточника–из уст самих работников местной индустрии – от управлятеля, лесничего, мастера и даже простого рабочего» [2, приложение, стр. 110].

На время уральского визита у министра Ермолова была обширная программа, которой он неукоснительно придерживался, однако были и исключения.

Так узнав о весьма хорошем ведении лесного дела в Билимбаевском имении Строгановых и о широкой постановке лесоразведения в нем, Ермолов пожелал лично ознакомиться с ним. Особый интерес вызывало то, что лесоразведение в Билимбаевской даче велось «на научных основаниях, приуроченных многолетними опытами к местным условиям» [6, стр. 681-682].

21 августа 1895 года министр земледелия и государственного имущества прибыл на границу Билимбаевской дачи по тракту под Теплой горой.

Более двух часов продолжалась пешая инспекция, в ходе которой Ермолов подробно ознакомился с приемами посадки сосновых саженцев, осмотрел

лесные культуры различных возрастов в ближайших окрестностях завода, а «также питомники и древесные школы» [6, стр. 681-682].

После этого министр почти до вечера продолжал осмотр, сопровождавшийся подробными пояснениями главного лесничего Строгановых Федора Александровича Теплоухова.

Ценность билимбаевских лесных культур, многим из которых на тот момент было более полувека, до визита Ермолова нигде не описывалась, однако блестящая оценка министром организации лесокультурного дела в Билимбае, подробное и обстоятельное обследование им лесных угодий Билимбаевской дачи, нашли отражение в путевых заметках министра, которые в дальнейшем становились своего рода рекомендациями по ведению лесного дела на Урале. Кроме того, министр приобрел около 10 пудов семян билимбаевской лиственницы для снабжения ими лесохозяйственных учреждений [2, приложение, стр. 235].

Высоко была оценена Ермоловым, и организация противопожарных мер, что стало темой отдельного описания в путевых заметках министра.

При объезде лесов Билимбаевской дачи Строгановых Ермолов заметил наблюдательную вышку лесной пожарной команды и выразил желание ознакомиться с их работой, что было незамедлительно и исполнено: «огневщики» явились во всеоружии—с оседланными лошадьми, топорами, лопатками, метелками и прочими атрибутами, при этом даны объяснения о назначении каждой из этих принадлежностей [2, приложение, стр. 235]. На примере визита Ермолова в Билимбаю можно сделать вывод, что ни один из аспектов деятельности уральских заводов не оставался без внимания, о каждом визите министр телеграфировал Николаю II [2, приложение, стр. 112], что позволяет говорить о том, что император осуществлял постоянный контроль за подобными экспедициями и был в курсе происходящего даже в самых отдаленных уголках Российской Империи.

Визит в Билимбаю Д.И. Менделеева в составе научной экспедиции министерства финансов Российской Империи

Поездка Ермолова послужила поводом присмотреться к Уралу более пристально. В начале 1899 года С. Ю. Витте принял решение о необходимости направления на Урал научной экспедиции министерства финансов с целью ознакомления и дальнейших рекомендаций по улучшению работы металлургической промышленности Урала.

Эту экспедицию возглавил Дмитрий Иванович Менделеев [7, стр. 4].

Чтобы быть уверенным в удачном исходе дела, ученый накануне поездки встретился с министром земледелия и государственных имуществ Алексеем Сергеевичем Ермоловым. Именно он посоветовал Менделееву обратиться за содействием к Главному начальнику уральских заводов Павлу Петровичу Боклевскому, с которым министр во время визита на Урал посетил Билимбаевскую дачу Строгановых.

Последнее обстоятельство сыграло определенную роль при выборе маршрута. Кроме того, Менделеев был лично знаком с Федором Александровичем Теплоуховым, который также настоятельно рекомендовал ученому ознакомиться с билимбаевскими лесами.

Экспедиция на Урал началась 14 июня 1899 года, а уже 11 июля 1899 г. группа исследователей, во главе с Дмитрием Ивановичем Менделеевым, к тому времени посетившая Пермь, Кизел, Кушву, Нижний Тагил, Тобольск и Екатеринбург, выехала в Билимбай.

Строгановское имение было выбрано Менделеевым преимущественно ради ближайшего личного ознакомления с уральским лесным хозяйством и приростом лесов в центральных частях Урала [7, стр. 5].

В первый же день Менделеевым, при содействии лесничего Гилёва, были взяты пробы деревьев. Ради науки даже был спилен 125-летний кедр для сравнения с сибирскими образцами.

По некоторым сведениям, знаменитый ученый лично посадил несколько сосен в роще на холме Могилица. Свои впечатления о Билимбае Менделеев высказывал только в превосходных тонах. Лесное хозяйство Билимбаевской дачи произвело на Менделеева неизгладимое впечатление. И учёт, и охрана, и воспроизводство лесов, – все заслуживало самой высокой оценки. В Билимбае четко велась работа по сохранению лесов от пожаров, от короеда и всякой порчи, чему ученый был от души рад [3, стр. 26].

Итогом экспедиции Менделеева на Урал стал увесистый том «Уральская железная промышленность в 1899 году», где Дмитрий Иванович проводит прямую связь между успехом железодельного производства и наличием у заводчиков собственного леса, он напишет: «Каменный уголь – это коренное топливо современного железного производства... Урал и поныне живет древесным топливом. Надо было узнать: много ли его может быть ныне и впредь. Вот для этого-то я и ездил в Тобольск. Для этого прожил и два дня в Билимбаеве» [3, стр. 27].

Посетив множество и казенных, и частных уральских производств, в том числе расположенных рядом заводов Демидовых и Строгановых, сравнив организацию не только промышленного дела, но и социальной инфраструктуры, Менделеев видит лишь один путь для прогрессивного развития территории – частная инициатива, для чего, по его мнению, было необходимо ликвидировать казенное управление заводами.

Однако столь резкая постановка Менделеевым вопроса о ликвидации казенного хозяйства на Урале вызвала неоднозначную реакцию чиновников и промышленников, близких к ведомству Ермолова.

Вскоре грянет революция, и рекомендации великого ученого так и останутся невостребованными. Но в то лето 1899 года Дмитрий Иванович в отношении Урала исполнил все, что считал своим долгом перед Отечеством. Завершая отчет, он заявил: «Вера в будущее России, всегда жившая во мне, прибыла и окрепла от близкого знакомства с Уралом» [3, стр. 28].

В завершении доклада хочется отметить, что Билимбай неоднократно становился центром внимания высокопоставленных особ. Так, в 1824 г. небольшой уральский поселок посетил император Александр I, а еще в екатерининскую эпоху, в 1782 году, Билимбай стал одним из пунктов маршрута, составленному Дени Дидро для наследника Екатерины II. Однако, в это путешествие отправился Алексей Григорьевич Бобринский, незаконно-рожденный сын Екатерины, который не мог претендовать на наследование престола. Юноша провел в Билимбае целых 5 дней. Екатерина Великая

загадала историкам и исследователям нелегкую загадку, которая до сих пор не нашла однозначного решения [4, стр. 32-35].

Девиз рода Строгановых – «Отечеству принесу богатство, себе оставлю имя» – полностью отражает принципы, на которые ориентировалось не одно поколение знатнейшей русской фамилии. Их судьбы сотни лет тесно были переплетены с историей России. Они были не только богатыми купцами и крупными промышленниками, отважными землепроходцами и влиятельными вельможами, щедрыми меценатами и благотворителями, но и олицетворяли собой лучшую часть русской аристократии, которой так славилась Российская Империя.

И в царствование императора Николая II строгановский Билимбай, являя собой яркий образец уральского города-завода с собственной развитой инфраструктурой, притягивал ученых и исследователей, поскольку сочетал на своей территории практически все направления императорской политики на Урале: добыча и переработка руды, лесозаготовление, образование, земельная реформа и т.д.

Выводы научных экспедиций Николая II, сделанные о Билимбае еще в конце XIX века, и по сей день находят свое подтверждение. Территория была уникальна тогда, продолжает оставаться таковой и сегодня, и мы уверены, что ее дальнейшее исследование откроет ученым еще не одну тайну.

Список литературы

1. А. Аболенцев. Экспедиция. Уральский трубник 1991. №№1-2. С.3
2. Адрес-календарь и Памятная книжка Пермской Губернии за 1986 год, издание Пермского губернского статистического комитета, Пермь: Типо-литография Губернского Правления, 1885.
3. Акифьева Н. Леса Билимбаевской дачи, исторический аспект// Уральский следопыт. 2005. № 4. С. 26-28
4. Акифьева Н. Большое путешествие маленького господина// Уральский следопыт. 2008. № 4. С. 32-35
5. Еженедельная газета «Екатеринбургская неделя» от 19.08.1881 №32.
6. Еженедельная газета «Екатеринбургская неделя» от 03.09.1895 №35.
7. Трусов В. Что имеем не храним//Уральский следопыт. 2014. № 3. С.3-7.

Урал в вихре Гражданской войны

Вебер Михаил Игоревич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН
620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16
mikeveber@mail.ru

Где было принято решение о расстреле царской семьи – в Москве или в Екатеринбурге?

Аннотация. Проанализирован вопрос о том, кто принял решение о расстреле царской семьи – центральная власть или руководство Уральского областного Совета депутатов. Сделан вывод о том, что имеющиеся документы не позволяют дать однозначного ответа на этот вопрос. Вместе с тем, косвенные данные свидетельствуют в пользу версии о том, что решение о расстреле Николая II и членов его семьи было принято в Москве, а не в Екатеринбурге.

Ключевые слова: Урал; Гражданская война; Романовы.

Казнь царской семьи в Екатеринбурге летом 1918 г. на протяжении вот уже без малого сотни лет притягивает к себе пристальное внимание исследователей из России и других стран. Одним из наиболее дискуссионных вопросов в этом запутанном деле по-прежнему остается вопрос о том, кто принял решение о расстреле узников Ипатьевского дома – центральная власть или же это была инициатива лидеров уральских большевиков. Дискуссионность обусловлена утерей значительной части документов, которые помогли бы установить истину.

В частности, во время Гражданской войны были утеряны протоколы заседаний президиума исполкома, равно как и всего исполкома Уральского областного Совета депутатов. Между тем, эти документы могли бы прояснить кто из членов исполкома присутствовал на заседании, принявшем постановление о расстреле бывшего царя, кто голосовал за, а кто – против, какие вопросы обсуждались в этой связи, было ли отдельное голосование о расстреле, помимо Николая II, также и членов его семьи, наконец, обсуждалась ли на этом заседании позиция Москвы. Не сохранились также подлинники постановлений президиума исполкома Уралоблсовета, в т. ч. постановления о казни бывшего царя.

Утеряна либо недоступна для исследователей и большая часть документов руководящих органов ВЧК и УралоблЧК за этот период. В воспоминаниях же участников и организаторов расправы над царской семьей имеются свидетельства как в пользу версии о том, что решение о расстреле царской

семью приняли в Екатеринбурге, так и в пользу версии о том, что решение приняла Москва.

Все это затрудняет поиски истины. Тем не менее, ряд косвенных данных, на мой взгляд, свидетельствуют в пользу версии о том, что решение о казни царской семьи было принято в Москве:

1) Прежде всего, необходимо акцентировать внимание на том обстоятельстве, что письменного распоряжения Москвы уральским большевикам о расстреле Николая II может и не быть. Большевикам – вчерашним подпольщикам, ставшим новой властью – был чужд формалистский подход российского чиновника, который без бумаги с печатью и палец о палец не ударит. Куда большее значение для большевиков имели неформальные связи и доверие, полученное в ходе совместной подпольной революционной работы. Поэтому решение о расстреле Николая II мог передать в устной форме специальный посланец ЦК, которого хорошо знали и которому доверяли партийный и советские руководители Урала. Также это решение мог привезти из поездки в Москву непосредственно Ф.И. Голощекин, друживший с Я.М. Свердловым.

2) Иногда непричастность центрального советского правительства к принятию решения о внесудебном расстреле царской семьи аргументируют тем, что оно собиралось организовать суд над Николаем II. По моему мнению, этот аргумент не выдерживает критики. Действительно, на заседании 20 февраля 1918 г. Совет народных комиссаров, как известно, поручил Народному комиссариату юстиции подготовить следственный материал по делу Николая II. Однако, нет никаких свидетельств, что в Москве или Екатеринбурге велась какая-либо фактическая подготовка к проведению этого судебного процесса. Если бы к судебному процессу над бывшим царем действительно готовились, то перед началом суда должно было бы состояться следствие: проведены допросы обвиняемых (Николая II и его жены) и свидетелей, осуществлены иные следственные действия, но ничего этого не было. Не был даже назначен сам следователь или какая-либо следственная комиссия по этому делу. Можно констатировать, что желание провести судебный процесс над Николаем II так и осталось красивой декларацией о намерениях, не подкрепленной никакими конкретными действиями.

3) Следует понимать, что если судебный процесс над Николаем II все же состоялся, то это был бы не суд, а судилище. Приговор такого суда был бы предрешен до начала судебного процесса, и вынесли бы его не судьи, а руководство партии большевиков. О характере возможного суда над Николаем II свидетельствуют громкие политические процессы первых лет советской власти – 1920 г. над колчаковскими министрами и 1922 г. над лидерами партии правых эсеров. Так, в мае 1920 г. состоялся открытый политический процесс над бывшими членами колчаковского правительства. Кого из подсудимых приговорить к расстрелу, определили не судьи, на основании честного и беспристрастного разбора дела, а Сибирское бюро ЦК РКП (б), руководствовавшееся, прежде всего, политическими мотивами [3, с. 41]. Сам судебный процесс по задумке лидеров компартии стал частью большой агитационно-пропагандистской кампании по дискредитации колчаковского правительства.

4) Можно предположить, почему суд над бывшим императором и членами его семьи, даже в форме заранее спланированного политического процесса с predetermined результатом, так и не состоялся. Дело в том, что никакой публичный судебный процесс не приговорил бы к смертной казни несовершеннолетних детей Николая II. Бессудная казнь же давала возможность большевикам без лишнего шума расправиться со всей царской семьей, избежав к тому же ненужных дипломатических осложнений с Германией и другими европейскими монархиями.

5) Как известно, вследствие распространившихся в западной и московской прессе слухов о расстреле бывшего царя, 21 июня 1918 г., за месяц до реального расстрела, Ипатьевский дом был осмотрен командующим Северо-Урало-Сибирским фронтом Р.И. Берзиным. О результатах осмотра, согласно показаниям чиновников почтово-телеграфной конторы Екатеринбургa, Берзин доложил по прямому проводу В.И. Ленину, который приказал ему «взять под свою охрану всю Царскую семью и не допустить каких бы то ни было насилий на ней, отвечая в данном случае своей (т. е. Берзина) собственной жизнью» [1, с. 240]. Распоряжение Ленина не было лишь пустыми словами. В этот период большевистское правительство выстраивало в стране жесткую иерархию органов власти и недрогнувшей рукой наказывало за невыполнение приказов. Например, 14 января 1919 г. за неподчинение приказам командующего 9-й армией П.Е. Княгиницкого и открытый конфликт с Реввоенсоветом 9-й армии с одобрения Л.Д. Троцкого был расстрелян командир 15-й стрелковой дивизии – большевик с дореволюционным партийным стажем Ю.С. Гузарский, несмотря на то, что ранее имел серьезные заслуги перед советской властью (в июле 1918 г. Гузарский руководил подавлением знаменитого Ярославского восстания). Однако, никто из ответственных партийных и советских работников в Екатеринбургe, причастных к казни бывшего царя и членов его семьи, не понес никакого наказания за самоуправство. Более того, председатель исполкома Уралоблсовета А.Г. Белобородов в марте 1919 г. даже был избран членом ЦК РКП (б). На мой взгляд, тот факт, что центральной властью за якобы самовольную казнь Николая II не был наказан никто из ее организаторов и исполнителей в Екатеринбургe, косвенным образом свидетельствует о том, что решение о расстреле царской семьи было предварительно согласовано уральскими партийными и советскими лидерами с Москвой.

6) 16 июля председатель исполкома Петроградского Совета депутатов Г.Е. Зиновьев телеграфировал Я.М. Свердлову и В.И. Ленину, что в ходе разговора по прямому проводу с Екатеринбургом Ф.И. Голощекин и Г.И. Сафаров попросили его сообщить в Москву, что по обстоятельствам военного времени они не могут ждать суда над Николаем II. Очевидно, что это было сообщение о намерении расстрелять Николая II. В конце сообщения содержалась просьба немедленно телеграфировать в Екатеринбург в том случае, если центральная власть не согласна с этим решением. Казалось бы, если казнь бывшего царя, как это утверждают сторонники версии о самоуправстве Уралоблсовета, не была ранее согласована с Москвой, то Ленин и Свердлов должны были бы немедленно вызвать к телеграфному аппарату Белобородова, Голощекина или Сафарова. Однако, до настоящего времени не опубликовано ни одного

документа, свидетельствующего, что Москва попыталась оперативно отреагировать на присланное известие, связаться с Уральским областным Советом депутатов и предотвратить казнь или хотя бы получить дополнительные сведения о том, что происходило в эти часы в Екатеринбурге. (В случае временного нарушения прямой телеграфной связи Москвы с Екатеринбургом связаться с уральцами можно было хотя бы через того же Зиновьева). Такое поведение представителей центральной власти, как мне кажется, косвенно свидетельствует о том, что присланное известие не стало для них сюрпризом – расстрел царя был ими согласован и ожидаем.

7) Как следует относиться к телеграмме президиума исполкома Уральского областного Совета депутатов, отправленной 17 июля 1918 г. В.И. Ленину и Я.М. Свердлову, в которой президиум взял на себя ответственность за расстрел Николая II, мотивируя свое решение приближением к Екатеринбург белых и наличием в городе белогвардейского заговора? Не является ли она веским подтверждением того, что решение о расстреле царской семьи приняли в Екатеринбурге? На мой взгляд, нет. Вполне вероятно, что эта телеграмма была частью операции по сокрытию подлинных виновников произошедшего. Проиллюстрирую мое предположение следующим примером. В настоящее время российскими историками достоверно установлено, что решение о расстреле лидера Белого движения адмирала А.В. Колчака в феврале 1920 г. Иркутский военревком принял не самостоятельно, а получив приказ от члена Реввоенсовета 5-й армии И.Н. Смирнова, который, в свою очередь, выполнял директиву В.И. Ленина, переданную через Реввоенсовет республики [4, с. 80]. Это обстоятельство, однако, не помешало И.Н. Смирнову послать 2 марта 1920 г. официальный запрос в Иркутск о том, кто распорядился расстрелять Колчака, а затем телеграфировать в Москву о том, что ответственность за расстрел адмирала якобы полностью лежит на Иркутском военревкоме, который никого не известил о своем решении [4, с. 82-83]. Разумеется, мартовский обмен официальными телеграммами был всего лишь операцией прикрытия: эти телеграммы были нужны коммунистам только для того, чтобы убедить прессу и дипломатов западных стран в том, что внесудебная казнь А.В. Колчака – дело рук иркутских повстанцев, а не советского правительства в Москве. (Отдельно стоит упомянуть, что решение о внесудебном расстреле бывшего Верховного Правителя России было мотивировано иркутскими большевиками теми же причинами, что и решение екатеринбургских большевиков о внесудебном расстреле бывшего царя – приближением к Иркутску белых и наличием в городе белогвардейского заговора). По моему мнению, вполне уместно провести прямые аналогии между расстрелом Колчака и расстрелом Николая II и членов его семьи.

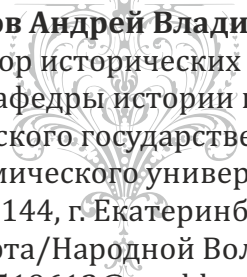
8) Необходимо отметить, что официальным советским заявлениям по вопросу о казни Николая II и членов его семьи нельзя доверять, т. к. они, зачастую, были лживы и являлись частью кампании по дезинформации общественного мнения и правительств европейских стран. Например, уже после расстрела Романовых в Екатеринбурге советское правительство, обладавшее к этому моменту достоверной информацией о казни в доме Ипатьева всех членов царской семьи, тем не менее, дезинформировало немецких дипломатов о том, что дочери Николая II живы, и вплоть до середи-

ны сентября 1918 г. вело переговоры о их передаче Германии, предлагая, в частности, обменять их на Карла Либкнехта [2, с. 156]. Аналогичным образом советское правительство дезинформировало Испанию, после известий о расстреле Николая II заявившую о готовности предоставить политическое убежище членам царской семьи. Испанский дипломат Ф.Г. Контрерас в начале сентября 1918 г. провел переговоры о передаче Испании Александры Федоровны и цесаревича Алексея. В своем донесении о результатах переговоров с наркомом иностранных дел Чичериным Контрерас отметил, что «комиссар систематически с дьявольским лицемерием и лживостью избегал любого ответа на мои вопросы, которые могли бы прояснить место и условия, в которых они находятся... И единственным ответом, который он дал на мои как прямые, так и косвенные вопросы, был тот, что они находятся во власти Совета и в полной безопасности» [Цит. по: 2, с. 164-165].

Резюмируя, можно сделать вывод, что имеющиеся документы не позволяют дать однозначного ответа на вопрос о том, кто принял решение о расстреле царской семьи – центральная власть или руководство Уральского областного Совета депутатов. Вместе с тем, совокупность косвенных данных свидетельствуют в пользу версии о том, что решение о расстреле Николая II и членов его семьи было принято в Москве, а не в Екатеринбурге.

Список литературы

1. Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (август 1918 – февраль 1920). Сб. док. / сост. Н. Росс. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1987. 644 с.
2. Олано-Эренья А. Испанский король и попытки спасения семьи Николая II // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 152-165.
3. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. Сб. док. / отв. ред. В.И. Шишкин. М., 2003. 669 с.
4. Шишкин В.И. Расстрел адмирала Колчака // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 1998. № 2. С. 76-84.

Трофимов Андрей Владимирович
Доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и философии
Уральского государственного
экономического университета
620144, г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
2519612@rambler.ru

Концепт «Великая российская революция» в современной историографии

Аннотация. В статье анализируются основные концептуальные представления о феномене российской революции 1917 года, существующие в современной историографии. Актуализация исторического опыта революции связана с поиском общих мест в исторической памяти для примирения российского социума. В современной историографии произошел отказ как от идеологического «советского дискурса», призванного поддерживать легитимность строя, созданного в октябре 1917 г., так и проявилась тенденция к корректировке «антисоветского дискурса», основанного на отторжении «октябрьского переворота» и всего советского периода истории. Дана характеристика современных представлений о феномене революции. Выявляются дискуссионные точки зрения на причины и последствия российской революции. Обращается внимание на когнитивный потенциал концепта «Великая российская революция».

Ключевые слова: феномен революции; концепт «Великая российская революция»; историография.

Попыткой преодолеть мировоззренческие и концептуальные различия в «понимании» революционного феномена 1917 г. стало использование в последние годы концепта «Великая российская революция 1917 года». Как отметил академик РАН А.О. Чубарьян: «После серьезных дискуссий мы пришли к тому, что этот период следует назвать “Великой российской революцией 1917 г.”, он включает в себе процесс, который шел несколько лет, с 1917 до 1921 года, окончания Гражданской войны» [9].

Под феноменом революции сегодня понимается «насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов». Факторами, ведущими к её возникновению являются: 1) финансовая нестабильность и экономические трудности, вследствие чего власть накапливает долги или повышает налоги, что раздражает общество и снижает социальную поддержку; 2) кризис и раскол элит, когда определенная элитарная группа начинает воспринимать-

ся остальными элитами и контрэлитами как олигархия, которая перераспределяет в свою пользу слишком много ресурсов и обделяет остальных; 3) *революционная мобилизация масс*, возмущенных несправедливостью; 4) революционная идеология, *«убедительный и принимаемый всеми нарратив сопротивления»* [2, с. 15, 34].

В современной историографии как произошел отказ от идеологического «советского дискурса», призванного поддерживать легитимность строя, созданного в октябре 1917 г., так и проявилась тенденция корректировки «антисоветского дискурса», основанного на отторжении «октябрьского переворота» и всего советского периода истории.

Продолжается полемика по вопросу о причинах революции, ее исторической обусловленности. Появились интерпретации исторических процессов, сводящие объяснения истоков Февральской революции к заговорщической деятельности масонов, а Октябрьского переворота к заговорщической деятельности большевиков. Некоторые исследователи отрицают историческую закономерности, не видят причинно-следственные связи, сводя исторический процесс к хаосу и господству случая. Для М. А. Давыдова революция 1917 г. – «трагическая случайность» [3, с. 992]. Б. Н. Миронов считает, что «никакой объективной неизбежности и неотвратимости русской революции 1917 года не существовало», называет Первую мировую войну главным фактором падения самодержавия в стране и роста социального расслоения, толкающего людей в революцию, подчеркивает, что конфликт традиции и современности не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее возможность, ставшую реальностью в силу обстоятельств – трудностей военного времени и борьбы за власть между оппозицией и монархией [6, с. 113].

Тогда как, по мнению В. В. Согрина, Февральская и Октябрьская революции 1917 г. в России были исторически обусловлены. Февраль не смог решить задач, отвечавших чаяниям революционного народа, в первую очередь крестьянства, обратившегося, вопреки позиции Временного правительства, к самочинным захватам господской земли и присвоившего к кануну Октября 90% дворянских угодий. Октябрь поддержал эту революцию низов. Большевики оказались более восприимчивы к чаяниям народа, и Октябрь вывел революцию на социалистический путь. В. К. Шацилло убежден, что Первая мировая война, хотя и обострила существовавшие в стране социальные и экономические противоречия, но не была первопричиной русской революции. Ситуация, схожая с российской, а во многом и хуже, существовала в ведущих странах Антанты и у Центральных держав, но им удалось при помощи адекватной политики не допустить революционного взрыва в своих странах. Царизм рухнул не в силу отдельных причин, связанных с перенапряжением в годы войны, а потому что к началу 1917 г. полусамодержавный строй безнадежно устарел и не мог решить ни одной из важнейших стоящих перед Россией проблем [8, с. 34, 41].

Главной причиной революции С.А. Нефедов называет мальтузианский кризис. Поскольку увеличение численности населения приводило к дроблению крестьянских наделов и уменьшению потребления до полуголодного уровня, то следствием явилась череда крестьянских восстаний, завершившаяся восстанием крестьян-солдат в Петрограде в феврале 1917 г. Он использует

сведения о многочисленных крестьянских бунтах начала XX века, причиной которых был голод вследствие непропорционального распределения земли и доходов от экспорта продукции российского сельского хозяйства – так называемый «голодный экспорт» [7].

Выявляя различные аспекты влияния революции на развитие России и мира исследователи отмечают: что она «выросла из объективной логики кризиса мировой системы капиталистического общества в капиталистической оболочке» (Ю. А. Красин); «оказала огромное позитивное влияние на все последующее развитие страны, мира» (А. А. Данилов); «дала старт абсолютно большинству нынешних устоев в экономической, политической, правовой, культурной и идейной сферах.., ее можно назвать первой революцией, опиравшейся на силу новых коммуникативно-информационных технологий... Именно в революционном 1917 г. было положено начало окончательной делигитимации монархического строя, а также, как следствие, уничтожались правовые опоры сословного общества» (А. В. Яковенко); в ней «сошлось и смешалось все – масса неразрешенных социальных, политических, экономических, национальных проблем: российский опыт народных движений и бунтов; ничему не обучающаяся власть; коммунистическая идеология как прямое следствие европейского Просвещения и как прямая причина последующего авторитарного режима; огромные жертвы на алтарь Гражданской войны, коллективизации и индустриализации; обезбоживание рука об руку с обожествлением» (О. А. Кардамонов); «революция глубоко трансформировала Россию и в социоэкономическом, и в политическом смысле. Цена этой трансформации огромна, больше, чем это было с другими революциями. Одним из последствий этой революции было установление нового типа диктатуры – первой тоталитарной диктатуры в истории. Идеологическая природа советского государства (обещание победы коммунизма во всем мире) изменила природу международных отношений, придав им характер конфронтации между резко различавшимися проектами будущего мира» (Е. Вятр) [4].

Проецируя опыт 1917 г. на историю России XX- начала XXI вв. А. Н. Медушевский видит специфику Русской революции по сравнению с классическими европейскими в попытке единовременного решения трех проблем – перехода к демократии (гражданскому обществу), правовому государству и новому национально-территориальному устройству (федерализм). Эти три направления трансформации, соединенные в узком периоде времени и проходившие в экстремальных условиях Первой мировой войны, вступали в конфликт друг с другом и завершились коллапсом демократической системы, контуры которой начали оформляться в ходе Февральской революции. Он полагает, что большинство актуальных проблем постсоветского общества коренятся в нереализованности объективных целей Русской революции. *Во-первых*, она не решила проблему национальной идентичности и формирования гражданской нации. *Во-вторых*, революция, уничтожив формы частного права, насаждавшиеся в имперский период по образцу западных стран, не только не создала гарантий частной собственности как основы рыночной экономики, но и уничтожила созданные ранее. *В-третьих*, не было создано гражданское общество современного типа. Напротив, произошли ретрадиционализация общества, возвращение его в аморфное (атомизированное) состояние,

деградация начал европейской культуры, подавление личности (это видно на уровне как правовых понятий, так и русского языка, наиболее четко отразившего примитивизацию и огрубление общественного сознания). Секрет быстрого успеха большевистской революции в том, что ее идеология соответствовала массовому сознанию доиндустриальной эпохи, причем распространение революции останавливалось именно там, где сознание было другим (это видно географически) [5].

Изучая общество и революционные процессы, отмечает В. В. Дамье, необходимо «исходить не из того, кто стоял у власти и чего он хотел, а из того, что происходило «внизу», что непосредственно делали живые люди и какие социальные процессы происходили... Те социальные преобразования, что осуществлялись непосредственно массами «снизу» и которые допустимо оценить, как социалистические (создание институтов общественного самоуправления – советов, рабочий контроль над предприятиями и рабочее управление ими, «общинная революция», т. е. захват земли крестьянскими общинами, домовое и квартальное самоуправление и т. д.), развернулись отнюдь не в Октябре по приказу большевистского правительства. Они начались вскоре после Февраля «снизу» и в основном стихийно. Октябрь во многом стал их результатом и, в свою очередь, придал им дальнейший импульс. Такая низовая революционная инициатива уже с начала 1918 г. «гасилась» новыми большевистскими властями, но местами продержалась именно до 1921 г.». Исследователь постулирует, что, как социальная революция, она потерпела поражение. Многие городские рабочие скоро осознали глубокое противоречие между своими самоуправленческими чаяниями и большевистской государственной централизацией. А сама история Великой российской революции 1917–1921 гг. не сводилась только к борьбе красных и белых или центра с периферией. В ходе нее происходил гигантский подъем массовых независимых социальных движений, эти движения, выдвигавшие радикальные требования, направленные по существу на углубление социального характера революции, подавлялись и белыми, и красными, и национальными властями «окраин» [8, с. 38-39].

Актуализация исторического опыта революции связана с поиском общих мест в исторической памяти для примирения российского социума. Для этого необходимо «объединение исторического сообщества на основе общих подходов к предстоящей годовщине», путем достижения большей исторической объективности в освещении событий столетней давности. В современных публикациях подчеркивается органичность революционных событий 1917 г. историческому пути России, особенностям ее цивилизационного развития, говорится о «Великой Российской Революции» как о едином процессе, захватившем продолжительный период времени, подчеркивается, что без 1917 г. не было бы «грандиозного исторического проекта», в результате которого «было создано мощное государство, ставшее преемником исторической России, организатором своеобразной модернизации» [1].

Концепт «Великая российская революция» позволяет акцентировать внимание на: 1) масштабе социальных потрясений; 2) глубине и многомерности, порожденных Великой российской революцией изменений не только на пространстве России, но и в мировой истории; 3) попытке реализации особого

варианта модернизационного проекта, облеченного в форму «социализма-коммунизма»; 4) ценностном измерении феномена 1917 года.

Список литературы

1. Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Процесс пошел: определились основные идеологические тенденции юбилейного года // Гефтер [Электронный ресурс]. URL: <http://gefeter.ru/archive/21178> (дата обращения: 20.10.2017).

2. Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара. 2015.—192 с.

3. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны. СПб.: Алетейя. 2016.—1080 с.

4. Круглый стол «1917 год: революция и современность» // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 22-39.

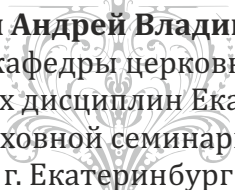
5. Медушевский А.Н. Понять Русскую революцию: идеология, институты и формы социальной мобилизации в XX веке // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 99-102.

6. Миронов Б.Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции // Общественные науки и современность. 2013. № 3. С. 106–115.

7. Нефедов С.А. Русская революция – трагическая случайность? // Общественные науки и современность. 2017. № 5. С. 96-106.

8. Русская революция и мировая история // Новая и новейшая история. 2017. №3. С. 34-46.

Чубарьян А.О. О новом учебнике истории. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nakanune.ru/articles/18265>. (дата обращения 20.10.2017).

Печерин Андрей Владимирович
Сотрудник кафедры церковной истории
и гуманитарных дисциплин Екатеринбургской
духовной семинарии
г. Екатеринбург

**Эволюция политических взглядов
духовенства Русской Православной Церкви
на события 1917 г. (на примере Уральского региона).**

Аннотация. В статье рассматривается отношение уральских епископов и священнослужителей к монархии и к личности последнего российского императора после Февральской революции 1917. На основании множества свидетельств подтверждается тезис о том, что подавляющее большинство духовенства приветствовало революцию, свержение монархии и данные новой властью свободы. Прослеживается изменение отношения к революции, начавшееся со второй половины 1917. Окончательное оформление монархического мировоззрения происходит в Русской православной церкви за границей. В заключении приводятся взгляды современных мировоззренческих школ на отношение духовенства к свержению монархии в 1917.

Ключевые слова: духовенство; Русская православная церковь; монархия; Февральская революция; репрессии.

Отношение духовенства к монархии в годы революционных изменений становится темой, привлекающей все большее число исследователей. Среди наиболее значимых работ можно отметить монографии профессора Михаила Бабкина «Священство и Царство», а также «Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году» [1], среди уральских исследователей тема отношения священства и царства и отражения этого изменения в богослужебных последованиях Русской православной церкви рассматривалась екатеринбургским историком Виктором Байдиным. В четвертом томе «История Курганской области», посвященной церкви, политические позиции духовенства Курганского уезда в 1917 рассматривались на конкретных примерах [3].

Несмотря на отдельные исключения из правил общей тенденцией среди епископата и духовенства Русской Православной Церкви в 1917 году являлось положительное отношение к свержению самодержавия и поддержка Временного правительства. Этот факт можно подтвердить массой примеров.

Так, епископ Уфимский Андрей (князь Ухтомский) в одной из своих проповедей говорил: «Кончилась тяжкая, грешная эпоха в жизни нашего народа... Теперь началась великая эпоха новой жизни, случилось нечто невероятное. Наступили дни чистой народной жизни, свободного народного труда; зажглась яркая звезда русского народного счастья...» [12].

Протоиерей Казанского кафедрального собора Оренбурга Петр Сысуев весной 1917 писал в «Оренбургском церковно-общественном вестнике»: «Волею всего народа, по почину лучших своих избранников в Государственной Думе низвергнут старый строй государственной жизни... Люди церковные глубоко страдали от того унижения и порабощения, в котором у нас находилась православная Церковь... Теперь... в обновленной России [мы] должны оживить оживления церковно-приходской жизни, широкого развития благотворительности...»[6].

8 марта в Екатеринбургском Екатерининском соборе состоялось «первое свободное собрание духовенства с паствой — с народом», как его назвал председатель собрания и настоятель этого собора о. Иоанн Сторожев. Сохранился репортаж с этого собрания. «На очередь был поставлен вопрос об избрании представителей духовенства в комитет общественной безопасности... 9 марта после вечернего Богослужения во всех городских храмах будет совершена панихида по павшим борцам за свободу: утром 10 марта во всех храмах будет совершено благодарственное моление, а днем торжественное молебствие при участии всего духовенства города и церковных хоров на площади Кафедрального собора. Собранием решено послать приветственную телеграмму обер-прокурору Св. Синода... Вот ее текст: “Екатеринбургское духовенство горячо приветствует благодетельную зарю новой свободной жизни России и, всецело присоединяясь к Временному правительству, стремится согласовать свою деятельность с деятельностью Временного правительства в духе мира и христианской любви на благо святой Церкви и дорогой Родины. Преклоняясь пред гражданской доблестью и самоотверженным героизмом, проявленными в деле низвержения старого порядка народными избранниками, духовенство глубоко скорбит о том, что екатеринбургский Епископ Серафим нашёл допустимым с церковной кафедры 2 марта 1917 года дать освободительной деятельности членов Государственной Думы такую оценку, которая вызвала негодование общества и набросила в эти светлые дни свободы мрачную тень на всё духовенство, совершенно не солидарное с высказываниями Епископа“ [5].

Отношение к свержению самодержавия Екатеринбургского и Пермского архиереев являлось как раз исключением из правил, на фоне общей революционной эйфории. Архиепископ Андроник (Никольский), получив известие об отречении государя в своей речи в кафедральном соборе г. Перми 5 марта назвал его мучеником, решившим по образу Христа принести себя в жертву для спасения людей и для примирения их: «Так и сей кроткий Царь решился на самопожертвование высокое, чтобы объединился и утихомирился разгневанный народ. Царь за себя и за Наследника отрекся от царского престола с передачей такового Великому Князю Михаилу Александровичу — своему царственному брату»[12].

Епископ Екатеринбургский Серафим (Голубятников) 2 марта 1917 г. в проповеди, произнесенной в Екатерининском соборе, выразил свое отношение к случившимся событиям: «Кучка бунтарей окаянных обнагела до того, что осмелилась посягнуть на священные права помазанника Божьего, нашего царя-батюшку... Умрём же за царя». Это выступление стало полным диссонансом общественному мнению, в том числе и позиции Синода.

Вскоре оба архиерея признали Временное правительство, но для епископа Серафима — это высказывание имело трагические последствия. Не поддержанный никем из екатеринбургского духовенства и общественности, он был епархиальным съездом духовенства изгнан из епархии, по требованию Временного правительства был помещен под домашний арест, и впоследствии заключен в Московском Новоспасском монастыре, где после преобразования большевиками этого монастыря в тюрьму следы владыки теряются.

Владыка Андроник (Никольский) служил в своей епархии значительно дольше чем архиепископ Серафим и пользовался поэтому большим авторитетом. Поддержав впоследствии Временное правительство, он высказал открытое сопротивление большевистской власти, и даже наказал в случае своего ареста закрыть все пермские церкви, но это не спасло его от репрессий и летом 1918 он был расстрелян.

К концу 1917 и началу 1918 г. про-революционные статьи в епархиальной прессе Урала меняют свою риторику, восторженный пафос постепенно стихает, все чаще в статьях появляется тревога за свое положение. Из опубликованного в «Оренбургском церковно-общественном вестнике»: «...то и дело сообщается о тех терниях, какие приходится переносить в настоящее время нашему сельскому духовенству от своеобразного понимания крестьянами свободы. В ином месте вдруг ни с того, ни с сего составляется приговор об удалении священника, прослужившего в приходе в полном мире и согласии с прихожанами 20–25 лет, в другом отбирается причтовая земля (как будто 33 или 66 десятин могут иметь какое-нибудь значение для 300–400 домохозяев!), в третьем – назначается новая такса за требоисправление, в пять-шесть раз ниже существовавшей. И если только причт решится заявить против такого своеволия, то ему предьявляется обвинение в неподчинении новому правительству (!) и грозят арестом...»[9].

В то же время в статьях церковных авторов начинают появляться первые попытки критического осмысления революционных событий. Все чаще в епархиальной прессе звучит тема «иереев-мучеников», «мучеников долга»: «Скорбные, печальные вести сообщают нам газеты о положении нашего духовенства... Увы! – К нашему духовенству приложимы теперь... пророческие слова Спасителя: "Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас"». [8]

В понимании авторов таких статей, свобода, данная революцией и являющаяся благом для просвещенных народов, для темного российского крестьянства вылилась в соблазн вседозволенности и разгула, первый удар которых выпал на церковь. При этом, как ни странно, отношение к монархии у большинства духовенства оставалось стойко отрицательным: «Раньше злая воля сдерживалась страхом перед властью. Теперь такого рода власть пала, настала свобода. Свобода, понятая темным людом как дозволение делать, что хочешь. И не удивительно, что в это переходное время от ударов превратной судьбы льются слезы у тех, кто по существу должен бы был более всех радоваться... К чести нашего сельского духовенства должно сказать, что оно переносит свою невзгоду безропотно и покорно. Терпело много оно от деспотизма Абсолютизма... Теперь покорно терпит от деспотизма капризного "Демоса" И не видит просвета... – Слезы при новом и старом произволе одинаково горьки и солонны...»[11].

В период 1917–1918 церковь высказывала свое отношение к происходящим общественным изменениям, и на Поместном Соборе 1917–1918 гг. была подчеркнута аполитичность церкви. В то же время позиция Священного Синода в 1917 имела достаточно однозначное выражение, заключающееся в принятии «акта отречения», отказа от поддержки монархической формы правления в России, в поддержке Временного правительства и предоставлении выбора формы правления в России народу, через Учредительное собрание.

Мнение о праве народа на определение формы власти в России разделяли и представители ультраконсервативного и монархически настроенного епископата, например, пермский епископ Андроник (Никольский) [10] и екатеринбургский архиерей Серафим (Голубятников). Такие взгляды выразились в конце концов в признании всеми без исключения правящими архиереями Временного правительства и поминовении его за богослужением.

Формирование и развитие монархического мировоззрения стало возможным для русского духовенства только в изгнании и получило свое выражение в трудах архиепископа Серафима (Соболева). В своем законченном виде оно отличалось от взглядов епископата 1917–1918 гг. и заключалась в том, что единственной богоустановленной формой власти в России является самодержавная монархия, а все остальные формы, как-то власть Временного правительства или пришедшая на смену ей власть большевиков, являются незаконными по своей сути, так как явились плодом свержения самодержавия.

Осмысляя духовные причины последовавших после 1917 репрессий, некоторые представители державно-патриотического направления в современной России связывают их с предательством идеи монархии и одобрением свержения самодержавия [7]. Среди представителей Русской православной церкви как в России, так и за границей большой акцент делается на сам факт репрессий, вызванных приходом к власти большевиков, а духовной причиной их видится наказание Божие за отход народа от веры и традиционных ценностей [2]. Так, канонизация репрессированного духовенства осуществляется вне всякой связи с их поддержкой или осуждением ими свержения самодержавия. В результате, одни и те же личности в истории Русской церкви в XX веке рассматриваются, с одной стороны, как предатели царя и отступники Соборной клятвы 1613, с другой стороны, как святые новомученики и исповедники церкви.

Список литературы

1. Бабкин. М. А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы. М.: Индрик, 2011.
2. Вступительное слово Святейшего Патриарха Кирилла на конференции «100-летие начала эпохи гонений на Русскую Православную Церковь». URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4935021.html>.
3. Зайцева Л.Ю. Русская православная церковь // История Курганской области (церковь Южного Зауралья в досоветский период). Курган, 1998. Том 4. С.7-294.
4. Из слова епископа Пермского и Кунгурского Андроника (Никольского)

в кафедральном соборе Перми 5 марта 1917 г. // М. Бабкин. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году.

5. Известия Екатеринбургской церкви (ИЕЦ). 1917 г., 16 июля

6. Королева Е. Д. Страницы истории Троицкой и Южноуральской епархии. // Православие на Урале: связь времен; материалы VI межрегион. науч.-практич. конф. (Екатеринбург, 3 февраля 2017). Екатеринбург, 2017.

7. Миронова Т. Л. Из-под лжи: Государь Николай Второй; Григорий Распутин. — Краснодар: Сов. Кубань, 2004.

8. Мученики долга. // ИЕЦ. 1918. № 11, 1-15 июня.

9. Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь, 2004. С. 118-119.

10. Печерин А.В., Разин А.В. Представление о монархической власти в публицистическом и гомилетическом наследии священномученика Андроника (Никольского) // Церковь. Богословие. История: материалы IV Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г.). — Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2016.

11. Прот. И. Уфимцев. «На Шипке все спокойно». // ЕЕВ. 1917. № 17-н.о., 23 апр.

Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост. М. А. Бабкин. М. «Индрик», 2006. С. 80. URL:

http://krotov.info/acts/20/1917_19/babkin_04.htm Режим доступа: 5.10.2017.

Каримова Надежда Сергеевна
Архитектор, религиовед,
старший преподаватель
Екатеринбургской духовной Семинарии,
620026, г. Екатеринбург,
ул. Розы Люксембург, 57
nsk2004@list.ru

К вопросу об историчности и внеисторичности в иконографии образа святых Царственных страстотерпцев

Аннотация. В статье предпринята попытка, используя яркие примеры образов святых царственных страстотерпцев, представить ответ на вопрос об адекватности смысла подвига святости Государя и членов его семьи, способу иконописного изображения с помощью канонического изобразительного языка, сочетания или отвергания исторических событий, в которых участвовали эти личности.

Ключевые слова: святые Царственные страстотерпцы Император Николай II; Императрица Александра; Царевич Алексей; Великие Княжны Ольга; Татьяна; Мария и Анастасия; иконография; икона; почитание.

Иконография святых Царственных страстотерпцев в настоящее время привлекает к себе все более пристальное внимание как в церковных кругах, так и в среде мирян. Главный вопрос – о соотношении историчности и внеисторичности событий, изображенных в иконе Царственных страстотерпцев как священном образе. Возможно ли, следуя иконописцу, обращаться к иконам, точно соответствующим фактам истории царствования св. Государя Николая II, как событиям, характеризующим его личность? Или, главное – изобразительный канон, раскрывающий символический, внеисторический смысл, часто нарушающий историческую действительность? В силу множества образов Царственных страстотерпцев разобраться в этом вопросе может не каждый. Вопрос дискусируется такими известными специалистами в области церковного искусства, как Архимандрит Лука (Головкин)¹, Олег Стародубцев², Ирина Языкова.³

О существовании принятого в 787 г. на 7-м Вселенском Соборе догмате иконопочитания и необходимости следовать ему сказано немало. Он указывает: икона, используя канонический изобразительный язык церкви, прославляет подвиг святого, ныне находящегося в Царствии Небесном – невидимом.

¹ МДА.

² Сретенская семинария.

³ ББИ св. ап. Андрея.

Это вневременное стояние – вечное «и Царствию Его не будет конца»⁴. Очевидно, что икона внеисторична. Образ святого опускает исторические детали, подобно Житию святого, отличного от его биографии. Поэтому икона – не исторически верная картина, а священный образ. Однако исторический процесс, как учит РПЦ, явление Промысла Божия в мире и опущен совершенно быть не может. Так, о событиях Священной Истории повествует иконография Спасителя, Божией Матери, Дванадцятих Праздников, угодников Божиих. Образ св. равноап. кн. Владимира содержит изображение модели Десятинной церкви в Киеве, построенной по радению князя через 8 лет после Крещения Руси. В этом кажущемся противоречии, таится ответ на него. Именно канонический язык символического реализма, выработанный Соборным разумом Церкви за столетия – особенный язык, совместивший в себе историчность и внеисторичность событий и личных образов, в согласии с благовестием, и в «непохулении» Господа Иисуса Христа, показывающий образ Святости членов Церкви Торжествующей, обретенный ими в Церкви Странствующей.

Вопрос письма икон в соответствии с канонической древней традицией, а не «самовольством» обсуждался на Стоглавом соборе 1551 г. В нем, в частности, говорится: «...дабы писали образ Господа...и священо мученик... смотря на образ древних живописцев... боящесе словеси реченнаго: прокляты творяй дело Божие с небрежением. И аще ... не престанут от такового дела, такови царскою грозою накажутя и да судятя»⁵. Перед нами «Соборный ответ о живописцах и о честных иконах. Глава 43». Он забыт сегодня, что приводит к существованию не каноничных «лжеикон», особенно среди иконографий новомучеников XX века, в т.ч. Царственных Страстотерпцев.

Положение Стоглава остается актуальным. Но, как совместить требование писать по древним образцам и отсутствие иконографии новомучеников, которая складывается на наших глазах, где спорят историчность, так близкая к нам, и внеисторичность, как одно из требований Учения Церкви о соответствии Св. Писанию и канону, не искажая главное — молитвенность и богословие иконы.

Наши заметки, не претендуя на абсолютную истинность, посвящены иконографии, пытающейся найти адекватные ответы на эти требования в образах Царственных страстотерпцев, совершивших «подвиг христианского перенесения страданий ... в период многомесячного заточения»⁶, «казненные, как носители идей Православного Царства и Благодатного Помазания на Богоустановленную власть»⁷.

В качестве основания иконографии обратимся к постановлению Юбилейного Архиерейского собора 2000 г. Оно представлено в докладе митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации святых. «При изучении подвигов... начать исследование материалов, связанных с мученической кончиной Царской Семьи...а также исторических фактов, составивших житие Царской семьи».

⁴ Символ Веры.

⁵ URL: <http://starove.ru/izbran/stoglav/5/>.

⁶ URL: <http://sobor-voronezh.livejournal.com/107914.html>.

⁷ Послание духовенства г. Москвы Архиерейскому собору 1994 г. Цит. по: Никулина Е.Н. Агиология. М. 2008. С. 117-118.

Собор отмечает: «За многими страданиями, перенесенными Царской Семейю за последние 17 месяцев жизни, которая закончилась расстрелом в подвале Екатеринбургского Ипатьевского дома в ночь на 17 июля 1918 г., мы видим людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия. В страданиях, перенесенных... с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине был явлен побеждающий зло свет Христовой веры... В осмыслении подвига Царской Семьи Комиссия... с одобрения Священного Синода находит возможным прославить в Соборе новомучеников и исповедников Российских в лике страстотерпцев Императора Николая II, Императрицу Александру, Царевича Алексея, Великих Княжон Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию»⁸.

Итак, царская семья прославлена в Соборе новомучеников ... Поэтому, по благословению Святейшего Патриарха Алексия II к их канонизации в ПСТГУ написан образ «Собор Новомучеников и Исповедников Российских за Христа пострадавших, явленных и неявленных», куда включена группа царской семьи. Это основной канонический образ царской семьи.

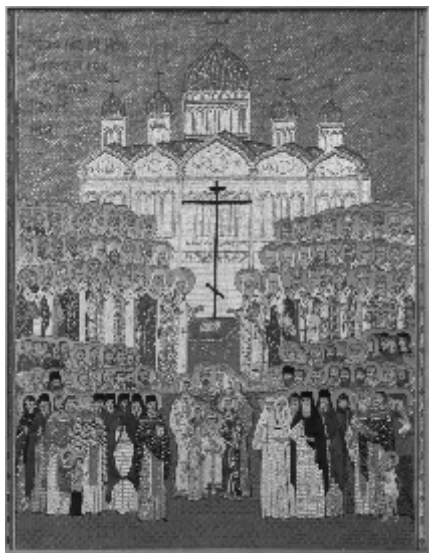

Рис. 1. Средник иконы «Собор Новомучеников и Исповедников Российских...». ПСТГУ; 2000 г.

и Руси», хотя их не носили.[2, с. 120]. У каждого в деснице мученические кресты, подчеркивающие смысл духовного подвига и следования за Христом по Его слову: «отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мк. 8.35). На главах женщин царский венец поверх белоснежного платана - символ чистоты и напоминания о том, что в жизни они были сестрами милосердия, у которых белые плат принадлежность формы. Царский венец,

В центре композиции на фоне храма Христа Спасителя крест, он указывает на причастность всех изображенных к подвигу мученичества и торжество Церкви над смертью. Цвета иконы праздничные: алая парчовая одежда Престола и красно-золотой фон иконы, алая парчовая одежда престола, многоцветье одежд святых - все символ пасхальной радости.

По оси креста, как неразрывный монолит, изображены члены Царской семьи, так они жили и так приняли мученическую кончину. Соборность образа семьи лежит в основе иконографии, что точно отвечает историчности обстоятельству гибели семьи и ее прославления.

Члены царской семьи изображены в одеждах «византийских императоров – знак духовной связи Византии

⁸URL: <http://sobor-voronezh.livejournal.com/107914.html>.

предмет царского облачения и символ венца небесной Славы и награды по слову Господа в Нагорной проповеди: «Блаженны милостивые, ибо они помилованными будут» (Мф. 4.7). Наследник, стоящий первым в группе изображен в белоснежных одеждах – символ чистоты.

Таким образом, бережно относясь к древней канонической традиции, в том числе полного соответствия евангельским истинам, икона изображает Собор святых и персоналии, отвечая историческим реалиям.

Иконография Собора семьи Царственных страстотерпцев содержит наибольшее количество богословски насыщенных образов.

Выделим икону с кроваво красным фоном. По византийскому канону строго симметрично относительно мученического золотого креста изображены Царственные страстотерпцы. Каждый святой в белоснежной тунике,

Рис. 2. Икона Царственные страстотерпцы. Храм Малое Вознесение на Большой Никитской. г. Москва

украшенной золотым поясом, воротником – бармы, средником и подольником с жемчугом и камнями, что отсылает к аллюзиям образа Небесного Иерусалима. «Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото... Основание стены города украшено драгоценными камнями: ... первое яспис... двенадцатое аметист, ...ворота из одной жемчужины» (Отк. 21.19-21). Традиционные венцы Славы и мученические кресты. Белоснежные одежды подчеркивают смысл подвига по Слову Евангелия «...сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли?... это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровью Агнца» (Отк. 7.13-14). В верхнем чине иконы изображена икона Божией Матери «Державная», явившаяся в день

отречения Государя. Таким образом икона, наиболее полно соответствует богословию подвига, изобразительному канону и историческим реалиям.

Юбилейный Собор прославляет семью, перечисляет всех поименно, указывая на возможность существования отдельных образов членов царской семьи в зависимости от значимости.

Рис. 3. Чудотворная мироточивая икона св. Николая II. Иконописец Павел Тихомиров, Калифорния, 1991 г. Храм св. Николая в Пыжах, Москва

Иконография св. Государя Николая II многообразна. Рассмотрим полуфигурный образ царя с символами царской власти. В правой руке золотая держава, увенчанная крестом, в левой - скипетр, с двуглавым орлом. Облачение Большого Наряда: на голове - «шапка Мономаха», символ самодержавия на Руси⁹, расшитое жемчугом платно¹⁰ с воротником - бармы и нашитыми поверх иконками, на золотой цепи «наперсный» крест с распятием. Все символизирует полноту земной власти царя, через торжественное вручение символов его власти, и сопровождаемое неизгладимым церковным Таинством Миропомазания. В клеймах небесные заступники Государя образы прав. Иова Многострадального и св. Николая Чудотворца.

Рис. 4. «Святой страстотерпец Царь Николай принимает...». Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Бутырской тюрьме. Автор Ирина Миронова

Ростовой многофигурный образ, отвечающий историческим событиям. «Святой страстотерпец Царь Николай принимает от священномученика Серафима (Чичагова) Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря», вторым, изображен св. прав. Серафим Саровский¹¹, присутствующий на своем прославлении как невидимый небожитель видимо. За Государем размещены члены царской семьи, что отвечает реальному их присутствию в дни прославления праведника. Все с нимбами, хотя прославление Семьи состоялось более чем на век позже события. В данном случае икона надъисторична и показывает надмирность личных заслуг Государя в вечности, что соответствует раскрытию смысла подвига Государя, как угодника Божия, отводя историчности значение в торостепенное.

⁹ Главная регалия с Ивана Калиты (XIII-XIV века)

¹⁰ Распашное одеяние из золотых тканей.

¹¹ Издана в 1896 г.

Рис. 5. Икона св. царица Александра.
Храм Федоровской иконы Божией Матери
в Царском селе

Рис. 6. Икона Цесаревич Алексей

Иконография Государыни св. Александры Федоровны следует уже найденным иконографиям самого Государя и, зачастую, отвечают более историчности, сохраняя портретность образа.[1. с.246]

Однако, ее подвиг ярко звучит в полуфигурном образе. Государыня в золотисто-белоснежной императорской горностаевой мантии и короне поверх белоснежного плата, уже с известной символикой и с мученическим крестом в правой руке. В левой - модель одного из зданий благотворительных учреждений, во множестве основанных Государыней.

Иконография наследника цесаревича св. Алексея находится в поиске адекватности подвигу. Встречается образ св. наследника в византийских одеждах, в стиле парсуна. Наилучшим остается образ цесаревича, изображенный на иконе ПСТГУ. Прочие образы не вполне отвечают канону. Однако, образ в мундире, алом мученическом плаще с крестом и в венце, уже известной символики, заслуживает внимания.

Иконография св. Великих княжон Ольги, Татианы, Марии, Анастасии. Образы Великих княжон следуют иконографии Государыни. Встречаются образы в платах сестер милосердия, в византийских царских туниках-столах примеры парсуны. Близок по смыслу подвига, образ в «ангельском виде», предстояния Христу, без признаков портретности, белоснежная одежда подпоясана небесно-голубого цвета поясом, венец и крест.

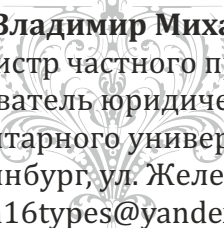
Итак, в образах Царственных Страстотерпцев проявляется единство историчности и внеисторичности,

видимого и небесного, что отвечает требованиям канонического языка иконы формирующейся иконографии. Рассмотренный образ страстотерпцев один из самых сложных, важных и многочисленных среди новых иконографий новомучеников. Мы рассмотрели малую его часть, однако наиболее полно отвечающую требованиям учения РПЦ о Священном Образе.

Царственные страстотерпцы, молитесь Бога о нас!

Список литературы

1. История иконописи. "АРТ-БМБ", 2014.
2. Никулина Е.Н. Агиология. ПСТГУ.М., 2008.

Танаев Владимир Михайлович
Магистр частного права
старший преподаватель юридического факультета
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3
tvm16types@yandex.ru

Великая русская революция как кризис (постнеклассический подход)

Аннотация. Статья представляет собой попытку трактовки Великой Русской Революции (ВРР) с позиций постнеклассического подхода, в соответствии с которым ВРР представляет собой каскадный катастрофический цикл, направленный на решение главной проблемы – земельного вопроса (1902 – 1929 гг). Описана структурная иерархичность ВРР как постнеклассического объекта: мега-, макро- и микроуровни. Указаны «флаги катастроф» и «точка бифуркации» главного эпизода ВРР – Октябрьского переворота (1917 г.) (ОП). Рассмотрены три альтернативных варианта развития событий с особым акцентом на личностные характеристики основных акторов ОП. Показана историческая закономерность «сборки» исторического макроуровня с созданием советского неополитаризма и советской идеалистической культуры (советской цивилизации).

Ключевые слова: Великая Русская Революция; Октябрьский переворот; постнеклассический подход; каскадный катастрофический цикл; флаги катастроф; точка бифуркации; неополитаризм; советская идеалистическая культура; советская цивилизация

Великая Октябрьская социалистическая революция, столетие которой наступает в ближайшее время, представляет собой актуальный исторический объект, научное изучение которого, освобожденное от идеологических запретов и устоявшихся клише, в определенном смысле начинается с «чистого» лица. Среди множества существующих современных научных подходов интересным (по мнению автора) является постнеклассический подход [5].

Основой постнеклассического подхода служит понятие постнеклассического объекта (ПНКО), обладающего 5 «само»-признаками: самовозникновением, самоструктуризацией (на основе фрактальности и иерархичности), саморегуляцией (на основе механизма «отрицательной обратной связи» и законов кибернетики 1.0), саморазвитием (на основе синергетического механизма [2] с особой ролью «положительной обратной связи» (кибернетика 2.0) и самовоспроизведением (аутопойэзисом). К ПНКО относится не только феномен жизни вообще, но и все ее проявления – от человеческой психики до всех социальных образований и институтов как результатов «человеческой

деятельности» [4]. Совокупность ПНКО, находящихся в процессе непрерывного эволюционного взаимодействия, образует так называемую реальность 2.0, обладающую особой устойчивостью, гибкостью и приспособляемостью. Основой описания гуманитарного аспекта реальности 2.0, состоящей из вышеперечисленных гуманитарных ПНКО, является антропоцентрическая научная программа в её типологическом (К.-Г. Юнг [11], Майерс-Бриггс [1]) варианте.

Синергетический принцип структурной иерархичности описывает ПНКО, которым собственно и является ВРР (центральным элементом которой и является ВОСР) [8], как совокупность трех уровней: мегауровня с его «вечными» управляющими параметрами (для ВРР это будут процессы социокультурной динамики [7] и этногенеза [3]); макроуровня с параметрами порядка в виде долгоживущих коллективных переменных (для ВРР это будут собственно исторические процессы, протекавшие в правовой, политической и экономической реальности); микроуровня как Хаоса повседневной деятельности людей (для ВРР это будут процессы реализации базовых мотиваций и взаимодействия людей, составляющие основу для дальнейшего фрактального мультиплицирования на макро- и мегауровнях).

Мегауровень ВРР представлял собой переход от идеационального к идеалистическому типу культуры, что характерно для стран «полупериферии»; в экономике – от политарного российского общества к неополитаризму [6]. Этот транзит происходил в условия фазы надлома русского этнического поля (с 1800 г.), характеризующейся противостоянием не только в элитах, но и в самих народных массах, революциями и гражданскими войнами.

С этих позиций ВРР представляет собой каскадный катастрофический цикл, имеющий своей целью решение главного вопроса революции – вопроса о земле, который начался с массовых крестьянских выступлений 1902 г. и завершился в год Великого перелома (1929 г.), когда новая власть приступает к решению следующей неотложной задачи – индустриализации страны.

Каждый этап этого цикла – революция 1905 г., ВОСР, Гражданская война – имел как свои «флаги катастроф» (резкое нарастание частоты дестабилизирующих систему явлений (например, рост крестьянских выступлений, рост числа участников забастовочного движения, резкое увеличение количества дезертиров, лавинообразное увеличение регионов, отделяющихся от центрального правительства и т.п.), так и свои «точки бифуркации», в которых происходил наиболее вероятный вариант развития событий (с особой ролью «человеческого измерения» ситуации, особой «ролью личности в истории»).

Так, например, для ВОСР «точкой бифуркации» стал период от 25 октября 1917 г. (собственно Октябрьский переворот) до 6 января 1918 г. (разгон Всероссийского учредительного собрания), а реализовавшийся вариант развития событий носил наиболее закономерный характер ($p \geq 0,8$), учитывая политическую позицию большевиков («Землю – крестьянам!») и особенности личности Ленина, являвшего тип «идеального русского реформатора» (второго в русской истории – после Петра Первого) [10]. В свою очередь, «невероятный» вариант победы Временного правительства ($p \leq 0,2$) был похоронен разгромом корниловского мятежа, имевшим своей основой межличностный конфликт между Керенским и Корниловым (что имело

в дальнейшей истории России прецедент в виде непримиримого противостояния Бориса Ельцина и Руслана Хасбулатова). «Игровой» же вариант ($p=0,5$) истинно демократической политической борьбы для своей реализации требовал обязательного физического устранения Ленина, что не удалось Временному правительству и было немислимым для лидеров Всероссийского учредительного собрания-эсеров-центристов во главе с Черновым [9].

Дальнейшая «сборка и сопряжение» исторической реальности 2.0 происходило в соответствии с синергетическим принципом динамической иерархичности (эмерджентности), как процесс взаимодействия мега- и микроуровней, в результате которого сформировался специфический именно (и только) для России новый макроуровень – история советской идеалистической культуры и советского неополитаризма – т.е. история советской цивилизации, построенная на основаниях русского менталитета и особенностях «вмещающей» русский этнос территории. Получилось то удивительное (для стороннего наблюдателя) сочетание «всемирной отзывчивости» народного менталитета и «звериного оскала» деспотизма и имперскости, направленного как внутрь, так и наружу советского общества. Сочетание неизбежно закономерное и органическое по своей сути, (само)познание которого происходило (в соответствие с синергетическим принципом наблюдаемости) как (само)рефлексия, как взаимодействие внутреннего наблюдателя и внешнего (мета)наблюдателя, имеющие своей целью восстановление когнитивного разрыва в объяснении реальности «до-и-после» «точки бифуркации».

Список литературы

1. Бриггс-Майерс И. МВТІ: Определение типов. У каждого свой дар / Изabella Бриггс-Майерс, Питер Майерс. – М.:Pretext, 2010. – 320с
2. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд.-3-е доп. - М.:Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 240 с.
3. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли/ Л.Н. Гумилёв. – 3-е изд., стереотип. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 528с.
4. Мизес Л.фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории/ Людвиг фон Мизес; пер. с англ. – Челябинск: Социум, 2005. – 878с.
5. Постнеклассика: философия, наука, культура - Санкт-Петербург : Миръ , 2009 - 671 с.
6. Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки/Ю.И. Семенов. Изд. 2-е, перераб и доп. – М.:ЛИБРОКОМ, 2011. – 376с. - (Академия фундаментальных исследований: история).
7. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ / Питирим Сорокин. — СПб.: Рус. Христиан. гуманитар. Ин-т, 2000. — 1054 с. — (Социология: Университет. б-ка / Ин-т социологии РАН, Междунар. ин-т Н. Кондратьева — П. Сорокина).
8. Танаев В.М. Великая русская революция как постнеклассический объект / В.М. Танаев // Россия между модернизацией и архаизацией: 1917-2017 гг.: материалы XX Всероссийской научно-практической конференции Гуманитар-

ного университета, 11-12 апреля 2017 года: доклады / редкол.: Л.А. Закс и др.: в 2т. – Т.1. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. – С. 45-49.

9. Танаев В.М. История в сослагательном наклонении как обязательный этап анализа "точки бифуркации" в постнеклассическом историческом исследовании // Евразийский научно-исследовательский Институт Человека (ЕНИИЧ УрО РАН) – Заседание 15.09.2017 «История в сослагательном наклонении: игра ума или метод исследования?».

10. Танаев В.М. Ленин как типичный российский реформатор (типологический подход) / Танаев В.М. // 90 лет с Лениным и без него: Материалы международной научно-практической конференции, приуроченной к 90-летию со дня смерти В.И. Ленина: сб. докладов. – Екатеринбург: АМБ, 2014. – С.38-39.

11. Юнг К.-Г. Психологические типы / Карл-Густав Юнг; пер. Софии Лорие (под ред. В. Зеленского) - М.: Эксмо-Пресс, 2001. - 480 с. - (Психологическая коллекция).

Кырчиков Максим Сергеевич
Ассистент кафедры гуманитарного образования
Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б.Н.Ельцина
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
maksim_kyrchikov@mail.ru

Уральская область (1917–1919 гг.): роль областных объединений Советов в реформировании регионального управления России.

Аннотация. В статье исследуется феномен существования Уральской области в 1917–1919 гг. как областного объединения Советов – новой формы в системе регионального управления молодой Советской России, вызванной во многом условиями кризиса и Гражданской войны. Рассмотрена роль Уральского областного совета как органа управления, его влияние на политические и экономические решения, взаимоотношения с Центром и соседними регионами. Прослежены особенности эволюции системы административно-территориального деления и моделей регионального управления в стране и регионе в исследуемый период, отмечены внутренние предпосылки и экономическая необходимость преобразований на Урале. Доказано, что будучи фактически изолированным от Центра, Уральское областное объединение Советов приобрело значение одной из территориальных стратегических баз Советской власти, став достаточно сильным организованным очагом военного сопротивления антибольшевистским силам, но демонстрируя при этом определенные зачатки политического и экономического регионализма. Сформулирован вывод о значении опыта «первой» Уральской области при построении региональной политики СССР в последующие годы и трансформации системы регионального управления России.

Ключевые слова: Урал; Уральская область; областные объединения Советов; региональное управление; региональная политика; административно-территориальное деление; революция; Гражданская война; регионализм.

Революционные события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война привели к значительным и довольно глубоким изменениям в административно-территориальной структуре России, которые в свое время характеризовались как «стихийный процесс дробления территорий различных административных единиц, который видоизменял живое тело губерний, уездов и волостей, поставленных постепенно под контроль Советской власти» [17, V]. Число губерний на Урале и в других частях страны существенно возросло, изменилась их конфигурация и состав. Все эти процессы фактически предопределили особенности регионального управления в стране, в определенной степени став в дальнейшем практическими ориентирами советской региональной политики [2, с. 10].

На Урале и в восточных регионах России уже к началу XX в. постепенно угасали прежние административные «столицы» и наблюдался подъем новых, существенно меняющих территориально-экономическую структуру страны. К 1917 г. объективно назрела потребность в приведении губернского деления в соответствие с выявившимся транспортно-экономическим, социальным и культурным значением новых промышленных центров. Частичная ломка существующего административного деления, вызванная попытками усовершенствования сложившейся системы в интересах удобства управления, началась после Февраля 1917 г. Далее последовали конкретные меры Временного правительства: «Разукрупнение слишком обширных губерний становилось наиболее «очевидной задачей рационализации регионального управления» [6, с. 53].

После Октября 1917 г. большевиками был взят курс на коренной пересмотр административно-территориальной системы Российской империи, принципы организации которого расценивались как «средневековые, крепостнические, казенно-бюрократические...» [11, с. 147]. В обращении ВЧК к Советам от 24 декабря 1917 г. «Об организации местного самоуправления» местным органам власти вменялось немедленно приступить к перестройке административно-территориального деления страны. Затем декретом СНК РСФСР от 27 января 1918 г. «О порядке изменения границ губернских, уездных и прочих» разрешение вопроса об административном делении (изменении территории губерний, создании новых административно-территориальных единиц) было определено в качестве прерогатив местных Советов [5, с. 426]. Теперь последние стали самостоятельно вносить изменения в административно-территориальное устройство. Данными документами на местах фактически был инициирован полустихийный, ускоренный процесс перекройки административных границ между волостями, уездами и губерниями, в реализации которого нередко не прослеживалось сколько-нибудь планомерных подходов [8, с. 151]. В ходе реализации провозглашенного курса большевиками преследовалась в первую очередь политическая цель – слом территориальной основы деятельности старого государственного аппарата для окончательного перехода власти Советам. В циркуляре ВЧК от 11 мая 1918 г. указывалось, что рабоче-крестьянское правительство декретом «О порядке изменения границ...» предоставляет каждой административной единице возможность «группироваться вокруг тех естественных центров, к которым они ощущают тяготение». Прежние органы самоуправления (земства) постепенно оказались отстраненными от вопросов организации территории. Соответственно этому, впервые месяцы революции конфигурация новых административно-территориальных образований определялась в первую очередь структурой политического влияния большевистской партии на местах и возникавшими на ее основе системами административного подчинения. И.В. Нарский так охарактеризовал эти процессы: «Судорожные нововведения свидетельствовали о революционном энтузиазме и жажде перемен, не подкрепленных материальными возможностями, здравым смыслом и четкой перспективой действий. Эффективность управления территориями с помощью таких переделов не достигалась. В административной карте Урала наблюдался хаос, который дезориентировал население в вопросе об управленческой подведом-

ственности их территории и чрезвычайно затруднял оперативное решение самых насущных вопросов» [12, с. 51].

На деле местные Советы, законодательно получив автономию в решении административно-территориальных вопросов, уже с декабря 1917 г. стали призываться Центром к целенаправленной политико-экономической перестройке системы местного управления [10, с. 22]. Данные органы обязывались направлять свои решения об изменении административного деления во Всероссийскую чрезвычайную комиссию (ВЧК), которая устанавливала детальный порядок проведения административно-территориальных преобразований и рекомендовала подробно обсуждать и обосновывать причины выделения новых группировок населенных пунктов. Органы внутренних дел все более активно стали вмешиваться в вопросы административно-территориального устройства, а с весны 1918 г. при непосредственном участии ВЧК Центр осуществлял дробление, прежде всего, волостного деления.

К середине 1918 г., в связи с тем, что обнаружившееся многообразие форм территориальных образований (вплоть до «уездных республик» со своими «совнаркомками») препятствовало созданию сколько-нибудь стройной системы государственного управления, в политике Советской власти наметилась тенденция к приведению административного устройства страны к определенному единообразию и иерархической соподчиненности. В Конституции РСФСР 1918 г. было предусмотрено сохранение деления страны на губернии, уезды и волости, за исключением того, что сопоставимые по масштабу с губерниями, вновь образующиеся административно-территориальные образования было предложено называть областями [1, с. 359].

Еще с марта 1917 г. по инициативе местных Советов создавались крупные, объединявшие несколько соседних губерний, административно территориальные образования – областные объединения Советов (в дальнейшем – просто области) [16, с. 15]. Они получили закрепление в постановлении ВЦИК РСФСР «Об областных объединениях» от 23 декабря 1918 г. Данный документ утверждал три областных объединения: Западное (Смоленская, Могилевская, Витебская, Минская и Гродненская губернии), Северное (Петроградская, Олонецкая, Псковская, Новгородская, Архангельская, Северо-Двинская, Череповецкая губернии) в Европейской части и на востоке Уральское областное объединение (в составе Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской губерний) [14, с. 1430–1431]. В Сибири аналогом новой административной структуры регионального масштаба стал Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (Центросибирь), созданный 23 октября 1917 г. на I Всесибирском съезде Советов в г. Иркутске [14, с. 29].

Таким образом, объединительные процессы происходили в значительной части регионов России, и на Урале подобные преобразования естественным путем вызрели уже весной 1917 г. Уральская область впервые возникла в том же году как объединение Советов и партийных организаций на территории Пермской, Оренбургской, Вятской и Уфимской губерний. Это решение опиралось в том числе на давнюю идею объединения уральских губерний в соответствии с единством экономических задач развития региона. 23 декабря 1918 г., в соответствии с Декретом ВЦИК «Об областных объедине-

ниях», было утверждено Уральское областное объединение в том же составе. На первоначальном этапе областные объединения Советов опирались на деятельность областных бюро РСДРП(б), существовавших еще до 1917 г., Таким образом, в 1917–1918 гг. захват власти большевиками в местных Советах привел к тому, что территориальная структура областных бюро партии фактически стала прототипом областных объединений. В реальности же они представляли собой лишь группировавшиеся в масштабе крупных районов сети городских опорных пунктов, имевших сильные партийные организации и находившиеся под их влиянием местные Советы. На практике это приводило к тому, что сами территории областей и их административные границы в 1918 г. еще не обрели устойчивые очертания [1, с. 360].

Официально провозгласив в январе 1918 г. создание Уральской области с центром в г. Екатеринбурге, III Уральский областной съезд Советов одновременно избрал областной исполнительный комитет, имеющий в своей структуре ряд отделов. Возглавил областной исполком А.Г. Белобородов. Съезд также объявил о создании Уральского совнархоза, который начал функционировать с мая 1918 г. и за довольно короткий промежуток времени добился определенных успехов. В значительной степени это было обусловлено тем, что данный орган благоприятным образом унаследовал некоторые традиции местных хозяйственных учреждений предыдущего периода – Уральского горного управления, Уральского военно-промышленного комитета, Бюро Съездов горнопромышленников Урала и т.д. [6, с. 55]. Деятельность Совета комиссаров Урала, во главе с видным революционером, комиссаром производства Уральской области в 1918–1919 гг. В.Н. Андронниковым, позволила произвести достаточно быструю национализацию промышленности края [9]. (Уже в мае 1918 г. на первом Всероссийском съезде совнархозов Андронников выступал за хозяйственную независимость регионов и предприятий, симптоматично выражая характерные для того времени настроения здорового экономического регионализма.)

Хотя в составе Уральской области находились четыре губернии, фактически же областные органы охватывали своей юрисдикцией лишь Пермскую губернию и заводско-приисковые районы Оренбургской и Уфимской губерний. Кроме того, под непосредственным влиянием Екатеринбурга находилась часть Тобольской губернии (во многом благодаря действиям екатеринбургского отряда Павла Хохрякова, сумевшего взять верх в губернском центре над московским и омским отрядами, намеревавшимися непосредственно подчинить край себе). Тем не менее к середине 1918 г. строительство Уральской области так и не было завершено, хотя УралСНХ в это время уже приступил к работе по выявлению состава области и ее внутреннему административно-территориальному устройству [3, с. 280]. Объединение Советов Урала являлось пока лишь «надстройкой» над более устойчивой системой территориального управления, базировавшейся на губерниях и уездах. Вместе с тем известно, что наряду с областными органами продолжали действовать губернские, уездные и волостные исполкомы Советов [1, с. 360].

Практическая деятельность руководителей Уральской области (Н.Н. Крестинский, И.М. Малышев, Ф.Ф. Сыромолотов, В.Н. Андронников, Б.В. Дидковский и др.) в 1917–1919 гг. позволяет говорить о значительном

вкладе данного областного объединения Советов в реформирование территориальной структуры управления регионом и последующее становление новых моделей советской региональной политики относительно промышленных районов. Влияние большевистской партии в Екатеринбурге, сумевшей еще в июне 1917 г., при непосредственном участии Н.Н. Крестинского, председателя Екатеринбургского городского комитета РСДРП(б), получить большинство в местном Совете, свидетельствовало об определенной консолидации политических сил и способствовало достаточно скорому проведению преобразований на территории Уральского края, фактически бескровному установлению Советской власти. Конкретными шагами стало создание советских органов вместо ликвидированного городского и земского самоуправления, организация управления горной промышленностью Урала, координация работы транспортной системы, обеспечение функционирования промышленных предприятий, особенно связанных с военным производством. Одновременно, Уральский областной комиссариат по военным делам вел полноценную работу по формированию частей РККА в Уральском военном округе [15, с. 46]. Имели место и неоднозначные политические действия, в частности, решение о расстреле царской семьи в ночь с 16 на 17 июля 1918 г., где конкретная роль Уралсовета до сих пор вызывает бурные дискуссии.

Экономико-географический принцип разделения страны на крупные регионы для целей территориального планирования и управления экономикой, по мнению К.И. Зубкова, может быть прослежен в деятельности областных объединений образца 1918 г. лишь в зачаточном виде. Более определенно он заявлял о себе в тех районах страны, где еще до революции присутствовала общность хозяйственной жизни, подкрепленная функционированием регионально-отраслевой системы управления экономикой, как, например, на Урале. Основной задачей новых областных объединений на этапе установления и удержания Советской власти становилось «быстрое и неуклонное» проведение в жизнь мероприятий центрального правительства, особенно в условиях разобщенности громадной территории страны, полуразрушенной транспортной системы и начинавшейся Гражданской войны. В связи с этим, Советская власть была вынуждена идти на создание сильных и достаточно крупных областных объединений, способных даже в отрыве от Центра эффективно решать на местах задачи подъема экономики и мобилизации ее ресурсной базы, восстановления транспорта и заготовки продовольствия, а также военной защиты Советской власти [6, с. 55]. Начальный этап Гражданской войны показал, что летом 1918 г., будучи фактически изолированными от Центра, многие областные объединения (Уральская область, Центросибирь и т.д.) приобрели значение стратегических баз Советской власти – достаточно сильных организованных очагов военного сопротивления антибольшевистским силам, демонстрировавших при этом определенные зачатки политического и экономического регионализма [1, с. 361].

Процесс административно-территориальных изменений был временно приостановлен в связи с падением Советской власти на значительной территории страны летом–осенью 1918 г., Уральский областной совет был эвакуирован в Пермь, а затем в Вятку. Данные тенденции возобновились только в 1919 г. с возвращением большинства регионов под контроль больше-

вистского правительства. Тем не менее, в январе 1919 г. ЦК РКП(б) и ВЦИК приняли решение о роспуске областных структур края и ликвидации Уральской области [7, с. 603–604]. К концу Гражданской войны многие областные объединения Советов в других регионах также были окончательно упразднены [6, с. 58].

В данном контексте важно упомянуть деятельность целого ряда антибольшевистских правительств, претендовавших на временное осуществление общероссийских властных функций на местах и возникавших в 1918–1919 гг., как правило, в отдельных регионах на базе организационного сплочения членов Учредительного собрания, избранных от губерний. Опыт недолгого существования этих правительств интересен тем, что многие их руководящие деятели в перспективе рассматривали создание подобных автономных образований в качестве основы будущей – более демократичной, разумно децентрализованной или даже федеративной – организации государственной власти в России. Эти общие установки не исключали, однако, многочисленных прений и споров между антибольшевистскими областными правительствами по поводу административной подчиненности тех или иных территорий [1, с. 361].

19 августа 1918 г. в г. Екатеринбурге образовалось Временное областное правительство Урала, подчинившее своей власти территории Пермской губернии, а также часть земель Вятской, Уфимской и Оренбургской губерний [4]. Уральское правительство в целом имело довольно обоснованную позицию по вопросу административных границ региона и его положения в будущей структуре территориального устройства России, выдвинув в декабре 1918 г. идею интеграции всех уральских территорий в единое, пользующееся широкой автономией административно-хозяйственное образование [1, с. 364].

В 1919–1920 гг., с возвращением территорий Урала, как и большинства других российских регионов, под контроль Советской власти, областные объединения Советов окончательно прекратили свое существование, а процесс перекройки границ губерний, уездов и волостей был поставлен под контроль центральной Советской власти [1, с. 364]. В целом, вплоть до окончания Гражданской войны все изменения губернских границ проводились под контролем ВЧК, представляя собой усовершенствования прежней административно-территориальной системы для укрепления политических позиций новой власти¹. В условиях «военного коммунизма» и в процессе восстановления промышленности и транспортной системы нередко использовались чрезвычайные формы воссоздания укрупненной территориальной организации хозяйства. На Урале, к примеру, в январе 1920 г. была создана 1-я Трудовая армия, Реввоенсовет которой распространял свою юрисдикцию в хозяйственной сфере на всю территорию Урала и Зауралья [1, с. 365]. Применение различных моделей административно-территориального устройства выделось одной из попыток выхода из текущего кризиса. С помощью же укрупнения обширных административных единиц в 1918–1919 гг. власти пытались наладить деятельность только что созданного

¹ Государственный архив Свердловской области. Ф. 511. Оп.1. Д.3. Л.36.

государственного аппарата [18, с. 22]. В итоге влияние обозначенных и многих других факторов фактически снимало необходимость в восстановлении крупных объединений Советов, на смену которым пришли органы территориально-экономического управления в лице Уральского экономического совещания и Уральской плановой комиссии (1921 г.), реализовавших новые принципы построения региональной политики, во многом с опорой на опыт «первой» Уральской области.

Список литературы

1. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М.: Наука, 2004.
2. Благодатских В.Г. Управление региональным развитием Урала: исторический опыт и современность. Екатеринбург: УРОРАН Ин-т истории и археологии, 1999.
3. Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции: Сб. док. и материалов / Сост.: канд. ист. наук Г. П. Рычкова. Свердловск: Кн. изд-во, 1957.
4. Временное областное правительство Урала. Документы и материалы / Под ред. Т.И. Славко. Екатеринбург, 1993.
5. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 – 16 марта 1918 г. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории Акад. наук СССР. М.: Политиздат, 1957.
6. Зубков К.И., Побережников И.В. Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.) / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2003.
7. История гражданской войны в СССР. Т.3. Упрочение советской власти. Начало иностранной военной интервенции и гражданской войны (ноябрь 1917 г. – март 1919 г.). М.: Гос. изд. полит. лит., 1958.
8. Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. М.: Высшая школа, 1986.
9. Кукушкина И.Л. Андронников Владимир Николаевич (1885–1942 гг.) // Большевики-ленинцы на Урале. Свердловск, 1989.
10. Кушнир А.Г. Генезис политико-административного устройства Советской России: автореф. дисс... д-ра ист. наук. М., 1991.
11. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 24. Сентябрь 1913 – март 1914 гг. М.: Изд-во полит. лит., 1973.
12. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001.
13. Подвиг Центросибири 1917–1918 гг.: сб. док. / сост. В.Т. Агалаков и др. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд., 1986.
14. Постановление ВЦИК Советов. Об областных объединениях // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР за 1917–1918 гг. № 99. Ст. 1019 от 30 декабря 1918 г. Отдел первый. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942.
15. Путеводитель по фондам Государственного архива административных

органов Свердловской области. Екатеринбург, 2005.

16. Серебрякова З.Л. Областные объединения Советов России: март 1917 – декабрь 1918 гг. М.: Наука, 1977.

17. Урал после районирования (декабрь 1923 г. – декабрь 1925 г.) / предисл. Д.Г. Сулимова. Свердловск: Издание Уралсовета, 1926. – XIX.

18. Яркова Е.И. Екатеринбургская губерния. 1919–1923 гг.: экономическое, политическое, социальное развитие: автореф. дисс. канд. ист. наук. Челябинск, 2008.

**Исследования «екатеринбургских останков»:
дискуссии и противоречия / Романовы и их
окружение / Романовы и их окружение на Урале
в 1917 – 1918 гг.: судьбы и исторические
исследования.**

Курлаев Евгений Анатольевич

Кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник

Института истории и археологии УрО РАН

620880. г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

kurlaev@e1.ru

**Поиск останков членов семьи Романовых
на Старой Коптяковской дороге в 1992-1997 гг.¹**

Аннотация. В июле 1991 г. на Старой Коптяковской дороге были извлечены останки 9 человек, предположительно членов царской семьи и их прислуги, начались поиски останков еще 2 недостающих тел. Согласно воспоминаниям участников захоронения, кроме трупов, спрятанных под мостиком из шпал, два тела были сожжены и остатки их закопаны в стороне от основной могилы. С 1992 г. по 1997 г. археологи Института истории и археологии УрО РАН А.Ф. Шорин и Е.А. Курлаев пытались найти второе захоронение, исследовав более 1500 кв.м площади, но из-за отсутствия финансирования работы были прекращены.

Ключевые слова: Коптяковская дорога; останки семьи Романовых.

В июле 1991 г. на Старой Коптяковской дороге были извлечены останки 9 человек предположительно членов царской семьи и их прислуги, начались поиски останков еще 2 недостающих тел. Согласно воспоминаниям участников захоронения, кроме трупов, спрятанных под мостиком из шпал, два тела были сожжены и остатки их закопаны в стороне от основной могилы. С 1992 г. археологи Института истории и археологии УрО РАН начали поиски второго захоронения.

Прежде всего, Коптяковская дорога представляет исторический интерес как памятник индустриального наследия. Она возникла при организации вывоза железной руды, леса и древесного угля еще в XVIII в. Одно из мест проживания рудокопов и углежогов – деревня Коптяки. О существовании в этих местах железных рудников, снабжавших сырьем домны Екатеринбургa и Верх-Исетского завода, упоминал в своем труде в 1735 г. В.И. Геннин. Он писал, что на эти заводы руду поставляли в том числе с. Квашнинского рудника

¹ В статье использованы полевые материалы поисков 1992-1997 гг.

(открыт в 1722 г.), находившегося в 3 верстах от Верх-Исетского пруда и с Решетского рудника (открыт в 1702 г.), располагавшегося в 2 верстах от пруда [2, с.71]. В 4 км к северо-востоку от Поросенкова лога в 1992-1993, 1999-2000 гг. проводились исследования Шувакишского железодобывающего завода, действовавшего в 1704-1715 гг. [3, с.164 - 183].

При выявлении направления Коптяковской дороги практически на всей ее протяженности по обочинам были обнаружены старые, поросшие крупным хвойным лесом отвалы рвов, где ранее добывали железную руду. Крупнейшая заброшенная рудная выработка находится уже на территории станции Шувакиш в 100 м к северу от Мостоотряда. В настоящее время это заросший водоем округлой формы диаметром до 100 м. К комплексу этих же рудных выработок можно отнести и наиболее известные из литературы «Четырехбратский рудник» и «Ганину яму». Наиболее хорошо сохранившийся участок Старой Коптяковской дороги обнаружен к востоку от Поросенкова лога, на противоположной стороне железнодорожной дороги, примерно в 50 м от насыпи. Это приподнятое полотно дороги высотой более 2 м, шириной около 10 м, укрепленное по обочинам аллеями вековых деревьев. Дорога проложена параллельно железнодорожным рельсам и сохранила свой прежний облик между существовавшими в 1918 г. переездами на протяжении более 100 м.

Археологические раскопки места предполагаемого захоронения останков семьи бывшего императора России Николая II и его окружения в районе так называемого Поросенкова лога севернее г. Екатеринбурга, проведенные в июле 1991 г. Л.Н. Коряковой и А. Н. Авдониным, привели к нахождению только девяти из одиннадцати тел. Остались не найденными останки царевича Алексея и одной из его сестер. В то же время в воспоминаниях участников июльских событий 1918 г. (Я.М. Юровского, Г.И. Сухорукова, И.И. Радзинского) определенно указывается, что сожжение этих двух трупов происходило одновременно с захоронением девяти других и в том же районе, без указания конкретного места.

В связи с этим, археологической экспедицией Института истории и археологии УрО РАН под руководством доктор исторических наук А.Ф. Шорина в 1992 - 1994 гг. была предпринята попытка обнаружения места сожжения царевича Алексея и предположительно его сестры Анастасии в районе Поросенкова лога в радиусе от 15 до 45 метров от места захоронения девяти трупов. Работы проводились по заданию дирекции Института истории и археологии УрО РАН и фонда «Обретение». В работе принимали участие сотрудники Отдела археологии и этнографии ИИиА УрО РАН С.Е. Чаиркин, В.Н. Широков, Р.Б. Волков, А.К. Тимошек, студент Уральского университета В.Н. Святков и студенты Нижнетагильского пединститута В.С. Казарин, М.Ю. Баранов, С.В. Старков.

Стратегия археологического поиска определялась следующими исходными данными, отраженными в воспоминаниях Я.М. Юровского и Г.И. Сухорукова [1, с.108 - 116; 5, с.166 - 167]. Оба они упоминают, что трупы царевича Алексея и Анастасии (по Г.И. Сухорукову) или одной из фрейлин (по Я.М. Юровскому) были сожжены на костре. Затем недогоревшие кости были помещены в яму, выкопанную здесь же, на месте костра. Яма была засыпана землей, и вновь на этом же месте был разведен костер. Описанный процесс сокрытия трупов мог

оставить следующие археологически фиксируемые следы: в почве или на материке должно было остаться красное пятно – прокал – размером не менее 1,5 x 1 м (одновременно сжигались два трупа), внутри которого фиксировалась бы яма, заполненная перемешанной землей и обгоревшими костями двух скелетов. Учитывалось также, что сожжение производилось где-то недалеко от основной могилы, которая готовилась для девяти остальных трупов.

Исходя из изложенного прилегающая к основной могиле территория с помощью теодолита и рулетки была разбита на квадраты со сторонами 10 м. Ориентирована сетка квадратов по сторонам света. Каждый квадрат разбивался дополнительно на 25 квадратов со сторонами 2 м. В углах и центре каждого из таких малых квадратов (2 x 2) закладывались небольшие разведочные шурфы размером 0,3 x 0,3 м. Таким способом была обследована территория на удалении от основной могилы на север – до 28 м, на восток – до 33-44 м, на юг – до 40 м и на запад – до 15 - 20 м. Так как расстояние между малыми шурфами равнялось 1,7 м, искомого объекта найдено не было, и вероятность пропуска костровища, пусть небольшая, сохранялась, то часть этой же территории, наиболее возвышенной и незаболоченной (костер легче жечь на сухой поверхности), была дополнительно прошурфована еще через меньший промежуток такими же шурфами 0,3 x 0,3 м. С этой целью в той же сетке координат на каждый участок 2 x 2 м дополнительно были заложены по середине каждой условной стенки квадрата еще по одному шурфу, и, таким образом эта территория оказалась прошурфованной на расстоянии через 1 м.

Более тщательная шурфовка привела к фиксации на обследованной территории 9 прокалов. Но 8 из них имели небольшие размеры (до 0,7x0,55 м), следов перекопов и обгоревших костей не содержали. Вероятно, это остатки небольших костров, которые нередко разжигают здесь грибники и пастухи. Либо же это следы верховых прокалов, возникающих в результате лесных пожаров. Большие размеры имел только прокал 1, обнаруженный в 36 м к югу от основной могилы. Его тщательное исследование с разборкой слоя ножами позволило определить, что он имел размер 1,9x1,35 м. Но каких-либо следов рыва ям или жженных костей в нем не обнаружено. Прокал, судя по всему, также имел естественное происхождение. Может быть, это результат горения корней дерева.

Шурфовка обозначенной площади в интервале через 1 м сделала пропуск искомого объекта практически маловероятным. Но, чтобы исключить любую вероятность такого пропуска, было принято решение вскрыть значительную часть уже обследованной шурфами площади вокруг основной могилы, в том числе и заболоченных участков, сплошным раскопом. Для того, чтобы осушить заболоченные участки поверхности, которые расположены к западу и востоку от основной могилы (причина заболоченности два ручья), текущие в меридиональном направлении через Поросенков лог с востока на запад. Именно при переезде через один из них в июле 1918 г. застряла машина чекистов, везущая трупы, и на этом месте была вырыта основная могила.

Экскаватором при контроле со стороны археологов была вырыта водоотводная траншея шириной 0,9 м и глубиной до 0,7 м, берущая свое начало в 27 м к северо-востоку от основной могилы, проходящая сначала в ЮЮЗ направле-

нии, а затем повернутая на запад в болото. Эта траншея позволила прекратить доступ воды из ручьев на обследуемую поверхность и слегка осушить ее. Хотя в период интенсивных дождей (а они здесь были нередки), все же эта поверхность быстро насыщалась водой из-за особенностей геоморфологического строения почв этого района. Дело в том, что на глубине от 20 до 30 см от поверхности под слоем дерна и темно-серой гумусированной супеси здесь залегает слой коричневого очень плотного суглинка, который практически не поглощает влагу. И она быстро насыщает верхлежащий слой темно-серой супеси. Попутно отметим, что копать этот слой плотной коричневой супеси, поверх которой лежит насыщенный влагой слой темно-серой супеси, крайне трудно. После сооружения водоотводной канавы было начато исследование территории вокруг основной могилы сплошным раскопом. На севере граница сплошного раскопа удалена от основной могилы до 12-17 м, на востоке до 9 - 14 м, на юге – до 30 м, на западе – до 11 - 15 м.

На обследованной площади обнаружены следующие находки и объекты. Часть плечевой кости скелета человека. Она обнаружена в 2 м к югу от юго-западного угла основной могилы в слое перемешанного суглинка на глубине 20 см от современной поверхности. Не исключено, что кость была выкинута из могилы при ее разборке в 1991 г. или же в ходе прокладки через западную часть могилы телефонного кабеля, наличие которого в могиле отмечено еще при раскопках 1991 г. Л.Н. Коряковой [1, с.249]. Гаечный ключ от машины. Обнаружен в 4 м к югу от основной могилы на глубине 25 см на контакте темно-серой гумусированной супеси и коричневого суглинка. Вероятно, эта та часть дороги, проходящая через мочажину, на которой застряла машина чекистов.

Яма 1. Обнаружена в 3 м к Ю от юго-западного угла основной могилы. Зафиксирована на фоне однородного светло-коричневого суглинка на глубине 30 см от современной поверхности. Форма ямы прямоугольная. Размер 1,2х0,9 м. Ориентирована длинной осью по линии ССЗ - ЮЮВ. В разрезе яма подпрямоугольная. Глубина ее от уровня фиксации 55 см, от современной поверхности 86 см. Находок в яме не обнаружено. Следов прокаленной почвы внутри ямы, над ней и около нее не отмечено. Функциональное назначение ямы не ясно. Через яму I в дождливую погоду протекает тот же ручей, что и через основную могилу.

Яма 2. Обнаружена в 12 м к ЮЗ от юго-западного угла основной могилы. Зафиксирована на фоне серо-зеленой глины на глубине 50 см от современной поверхности. Форма ямы близкая к подпрямоугольной. Максимальные размеры 2,2х1,8 м. Ориентирована длинной осью по линии С-Ю. В разрезе яма подовальная. Глубина от уровня фиксации 50 см, от современной поверхности 100 см. Находок в яме не обнаружено. Не зафиксированы в заполнении ямы, над ней и около нее следы прокалов. Функциональное назначение ямы не ясно.

По мнению А.Ф. Шорина, раскопки 1992 - 1993 гг. не привели к обнаружению на исследованной площади вокруг основной могилы места сожжения царевича Алексея и Анастасии. Поиск интересующего объекта в районе Поросенкова лога мог быть продолжен в дальнейшем за счет расширения района поиска на удалении от основной могилы не менее чем на 50-70 м, особенно в южную и юго-восточную сторону от дороги.

В письменных источниках точно не обозначено место, выбранное для

сожжения трупов. Фразу из воспоминаний 1964 г. И.И. Родзинского: «... а остальных на некотором расстоянии стали сжигать» [1, с.137] можно трактовать по-разному. Это «некоторое расстояние» могло находиться и вне пределов той площади, которая обследована археологами в 1992-1993 гг. Взрослым молодым чекистам, даже после нескольких бессонных дней и ночей, не так уж трудно было отнести трупы двух молодых людей на большое расстояние, чем то, что обследовано раскопками. Тем более что трупы могли нести не на руках, а волочить, так как раскопками Л.Н. Коряковой установлено, что ноги у некоторых трупов, найденных в основной могиле, связаны веревками [1, с. 253].

Судя по воспоминаниям Я.М. Юровского и Г.И. Сухорукова, процесс уничтожения трупов имел следующую последовательность: сначала эти трупы пытались сжечь, и только затем было принято решение: недогоревшие кости сложить в выкопанную в костре яму. То есть копание ямы было вторичным, вынужденным (не запланированным заранее) процессом, вызванным неполным сгоранием костей двух трупов. Значит, чекисты ориентировались прежде всего на разведение костра. А для этого желателен выбор сухого места. Возвышенные сухие места расположены вдоль дороги к северу и югу от основной могилы. Более вероятным является южное направление по двум обстоятельствам:

а) господствующая роза ветров на Урале западная и северо-западная. И если в ту ночь ветер дул с З или СЗ, то, естественно, костер, где жгли два трупа, и который давал сильный запах жженого мяса, должен был располагаться южнее или юго-восточнее места копания основной могилы;

б) следует учитывать, что свидетелем движения чекистов от Ганиных ям к Московскому тракту по Коптяковской дороге был сторож железнодорожного поста № 184 Горнозаводской железной дороги В. Лобухин [4, с.143, 163]. Поэтому не исключено, что чекисты могли интуитивно выбрать место для костра подальше от переезда, с которого Поросенков лог был виден, то есть к югу от основной могилы. Может быть, даже не на открытой поляне, а в лесу, где имеются возвышенные места и где не было проблемы подноски дров для костра.

Таким образом, по мнению А.Ф. Шорина, продолжение поиска места сожжения останков двух человек было бы возможным за счет расширения района поиска в южном и юго-восточном направлениях от основной могилы, прежде всего на возвышенных не затопляемых ручьями местах. Хотя не исключался отрицательный результат, если костер, на котором сжигались два трупа, а также яма с обгоревшими костями могли быть преднамеренно уничтожены в последующее время. Коптяковская дорога функционировала и в послереволюционное время. В районе Поросенкова лога также велись планомерные лесопосадки и строительство водонапорной башни. Следует учитывать информацию о том, что генерал М. Дитерихс передал в Брюссель в храм-памятник во имя праведного Иова Многострадального обгорелые кости [4, с. 157 - 158].

Материалы раскопок 1993 г. – плечевая кость человека, гаечный ключ от машины, образцы грунта из ямы 2 – переданы помощнику прокурора Свердловской области В.А. Волкову для продолжения необходимых анализов.

В 1996 и 1997 гг. на основании разрешения за № 020 ПР, выданного НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области 17 июня 1996 г. на имя научного сотрудника Института истории и археологии УрО РАН Курлаева Евгения Анатольевича, на средства института были продолжены поиски предполагаемого второго захоронения останков членов царской семьи. Источником информации в поиске артефактов оставались воспоминания участников сокрытия. Автор планировал проверку всей окрестной территории сплошным прокопыванием на расстоянии до 100 м от основного захоронения.

В августе 1996 г. зона исследований была расширена вдоль сохранившегося участка Старой Коптяковской дороги в северном направлении. В этом месте хорошо сохранилась и просматривалась кромка дороги, оконтуренная старыми деревьями. Раскопки начались от края террасы – кромки леса, высокого незаболоченного участка местности, где вероятнее всего могли жечь костер. Вскрытие грунта осуществлялось сплошной площадью на глубину 30 - 40 см, до материка. Сплошному вскрытию подверглись и площади, ранее обследованные шурфами через 1 м. Бровки не оставлялись из-за отсутствия культурного слоя. Стратиграфия грунта типичная для среднеуральского леса. В процессе раскопок каждый землекоп постоянно имел перед собой зачищенную на уровне материка полосу шириной до 0,5 м для наблюдения за изменениями стратиграфии грунта и своевременного обнаружения находок. Особое внимание уделялось следам прокалов и перекопов, остаткам костей и прочим артефактов.

В 1997 г. поиски были продолжены там же, но на противоположной стороне современной дороги. В работе использовался полевой чертеж местности и схемы предшествующих раскопов, составленный А.Ф. Шориным. На исследованной территории, на значительной глубине от поверхности (от 10 до 30 см) сохранились признаки трех кострищ. Следы одного из костров, находящегося в 32 м к северу от основного захоронения (в настоящее время оно обозначено металлическим крестом), вызвали у нас наибольший интерес. На кострище размером до 1,5 м и мощностью прокала до 20 см просматривались следы выброса земли и перекопа. Здесь же были обнаружены фрагменты четырех необожженных костей, оплавленное горлышко бутылки и подошва сапога. По определению антрополога института кандидат исторических наук Д.И. Ражева эти кости принадлежали крупному рогатому скоту. На месте других кострищ признаков перекопа и наличия костей не обнаружено. Также была обнаружена ржавая металлическая лопата без черенка, внешне не похожая на современные изделия. Из-за отсутствия финансирования полевых исследований и защиты диссертации автором в 1998 г. поиски прекратились. Всего было исследовано более 1500 кв.м. территории.

Как известно, 29 июля 2007 г. останки предположительно цесаревича Алексея и Великой Княжны Марии были найдены поисковиками Общественной организации «Горный щит» Л. Вохмяковым и С. Плотниковым всего в 8 м от границы раскопа А.Ф. Шорина. Через 3 часа после открытия на машине организатора поиска А.Е. Григорьева я прибыл на место, упаковал находки и законсервировал яму. А уже 30 июля начались планомерные раскопки участием сотрудников института.

Список литературы

1. Алексеев В.В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. Екатеринбург, 1993.
2. Геннин В.И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М., 1937.
3. Курлаев Е.А. Археологическое исследование Шувакишского железоделательного завода начала XVIII в. // Уральский исторический вестник. №8. Екатеринбург, 2002.
4. Зайцев Г. Семьдесят восемь дней // Урал. 1993. № 6. С. 143, 163.
5. Последние дни Романовых. Свердловск, 1991.

Вебер Михаил Игоревич
Кандидат исторических наук,
научный сотрудник
сектора политической и социокультурной истории
Института истории и археологии УрО РАН
620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16
mikeveber@mail.ru

**«Ни Царских Тел, ни их останков, ни в кострах,
ни в шахтах обнаружено не было»: доклад
подполковника И.А. Бафталовского
о поисках останков царской семьи**

Аннотация. Впервые публикуется доклад полковника И.А. Бафталовского о поисках останков царской семьи группой офицеров в первые дни после захвата Екатеринбурга белыми. Публикуемый документ опровергает версию о сжигании царских останков на Ганиной яме.

Ключевые слова: Урал; Гражданская война; Романовы.

Расстрел Николая II и членов его семьи в Екатеринбурге – без преувеличения одно из самых громких и запутанных преступлений XX века, породившее массу версий и домыслов. Большой прорыв в раскрытии многочисленных тайн и загадок этого преступления века произошел в начале 1990-х гг., когда были найдены и опознаны на основе современных научных методов анализа ДНК царские останки и когда были опубликованы воспоминания участников расстрела. Тем не менее, еще не все вопросы по "царскому делу" получили надлежащие ответы, и задача историков – искать новые исторические источники, содержащие достоверные сведения об обстоятельствах расстрела царской семьи и сокрытии ее останков. Один из таких источников – публикуемый в приложении к данной статье доклад о попытках группы офицеров-монархистов, обучавшихся в Академии Генерального штаба, найти царские останки в первые дни после захвата Екатеринбурга белыми.

Автор доклада – офицер русской армии Игорь Адамович Бафталовский – родился 19 января 1896 г. в дворянской семье Вольнской губернии. В 1913 г. он окончил Полтавский кадетский корпус, в 1914 г. – Павловское военное училище. В годы Первой мировой войны Бафталовский служил в рядах 128-го пехотного Старооскольского полка. В боях был трижды ранен – 22 мая 1916 г., 19 ноября 1916 г. и 20 июля 1917 г. В 1916 г. И.А. Бафталовский был награжден орденом св. Георгия 4 степени за то, что в бою 1 сентября 1915 г. у с. Злотники ротой, которой он командовал, было взято в плен 3 офицера и 184 солдата.

В первой половине 1918 г. капитан Бафталовский проходил обучение в Николаевской академии Генерального штаба, переведенной в Екатеринбург.

Среди преподавателей и курсантов академии преобладали антибольшевистские настроения. Как известно, в это время группа офицеров, учившихся на курсах академии Генерального штаба (так называемая «пятерка Малиновского»), даже обдумывала план по спасению из заключения царской семьи [2, с. 367 - 369]. Вероятно, Бафталовский был в числе тех семи офицеров, которых «пятерка Малиновского» посвятила в свой план по нападению на дом Ипатьева. Плану этому не суждено было сбыться из-за сильной охраны дома особого назначения. Перед занятием Екатеринбурга белыми, И.А. Бафталовский и другие монархически и просто антибольшевистски настроенные офицеры в числе 37 человек перешли на их сторону и приняли участие в захвате города.

26 августа 1918 г. И.А. Бафталовский получил назначение в штаб 2-го Степного Сибирского корпуса. На тот момент штаб корпуса располагался в Омске. Работая на штабной должности, Бафталовский принял активное участие в государственном перевороте 18 ноября 1918 г., приведшем к власти адмирала А.В. Колчака. В 1919 г. штаб 2-го Степного Сибирского корпуса был переведен из Омска в Семипалатинск. Подполковник И.С. Ильин, командированный в штаб 2-го Степного Сибирского корпуса в Семипалатинск в середине марта 1919 г., следующим образом охарактеризовал И.А. Бафталовского в своем дневнике: «Старшим адъютантом капитан Бафталовский, слушатель академии, как и Миша Евстратов, пробывший год с лишним и прибывший из Казани. Бафталовский очень славный парень, георгиевский кавалер, но какой-то немного ушибленный» [3, с. 366].

После разгрома белых в Семиречье И.А. Бафталовский, командовавший к тому времени гренадерским батальоном, отступил вместе с войсками атамана Анненкова в Монголию, затем пробрался на Дальний Восток, где служил в 1922 г. начальником оперативного отделения штаба Земской рати М.К. Дитерихса. С осени 1922 г. Бафталовский в эмиграции в Шанхае. В 1924 г. он переехал в Тунис, где устроился землемером в отдел топографической службы Управления сельского хозяйства, впоследствии жил в эмиграции во Франции. Скончался Игорь Адамович 30 декабря 1959 г. в Каннах.

Свой доклад о поисках останков царской семьи И.А. Бафталовский в 1920-е гг. прислал в Русский заграничный исторический архив в Праге. После окончания Второй мировой войны материалы архива были вывезены советскими властями в СССР. В настоящее время доклад И.А. Бафталовского хранится в фонде Р-5881 «Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов» Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Прежде всего, доклад Бафталовского интересен тем, что еще раз напоминает, что расследование царского дела началось как инициатива снизу – инициатива небольшой группы офицеров-монархистов. Помимо преданности монархическим идеалам, их объединяла совместная учеба на курсах Академии Генерального штаба. Кроме того, большинство из них были гвардейскими офицерами. Без той энергии и напора, который проявили в конце июля 1918 г. эти офицеры, заручившиеся поддержкой начальника гарнизона и в прямом смысле слова вытащившие утром 30 июля следователя А.Д. Намёткина из постели [2, с. 370-371], расследование убийства царской семьи еще долго не набрало бы должный ход. Как показывает практика других судебно-

следственных дел этого периода, гражданские власти, как правило, вели следствие по делам о красном терроре весьма нерасторопно.

Игорь Адамович одним из первых оказался в доме особого назначения после отступления красных из города. По свидетельству капитана Бафталовского до вечера 25 июля 1918 г., когда у дверей дома Ипатьева был выставлен караул, доступ в дом и непосредственно в полуподвальное помещение, где были расстреляны Романовы и их слуги, имели все желающие. Таким образом, знаменитую надпись из стихотворения Гейне в этой комнате мог оставить кто угодно, например, любознательный и начитанный горожанин, пришедший в дом Ипатьева после ухода красных и выразивший таким образом свои мысли о расстреле царя и его близких. Нет никаких свидетельств, что эту надпись сделал кто-то из охраны дома особого назначения или лиц, участвовавших в казни, а следовательно, делать на основе анализа этой надписи какие-либо глубокомысленные выводы не имеет смысла.

И.А. Бафталовский также одним из первых оказался на Ганиной яме, первым спустился в ствол шахты, где предположительно были захоронены останки царской семьи, и подробно описал в своем докладе то, что он там увидел. Наибольший интерес представляет та часть доклада И.А. Бафталовского, где он описывает кострища, найденные на Ганиной яме и оставшиеся от чекистов, прятавших тела царской семьи. Бафталовский отмечает, что в кострищах оказалось «слишком незначительное количество золы и пепла, что определено указывало на затрату для костров небольшого количества топлива, абсолютно недостаточного для сожжения 12 человеческих тел»¹. Таким образом, доклад Бафталовского опровергает версию о сжигании тел царской семьи на Ганиной яме.

Кроме того, в докладе И.А. Бафталовского содержится любопытная информация о возможном спасении членов царской семьи и увозе их в Пермь под видом простых крестьян. Бафталовский описывает свой разговор с бывшим председателем Екатеринбургского ревтрибунала Самоквасовым, которого он в августе 1918 г. вел на расстрел. Якобы перед смертью Самоквасов заявил ему, что царская семья жива, за исключением Николая II, и перевезена большевиками в Пермь, а следы убийства, найденные на Ганиной яме, всего лишь симуляция.

Насколько достоверна эта информация? 21 июля 1917 г. прапорщик Михаил Прокофьевич (по другим данным – Прокопьевич) Самоквасов был избран товарищем председателя Следственной комиссии Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, а в ноябре-декабре 1917 г. работал ее председателем (на этом посту его заменил в декабре того же года будущий царубийца Я.М. Юровский, под руководством которого комиссия в 1918 г. была реорганизована в Следственную комиссию Ревтрибунала при Уралоблсовете). Прежде всего, стоит отметить, что Самоквасов – не выдумка Бафталовского, а реальное историческое лицо. В 1917 г. прапорщик М.П. Самоквасов занимал должность товарища председателя Следственной комиссии Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов и Комитета общественной безопасности Екатеринбурга. Сами обстоятельства

¹ См. приложение № 1.

разговора Бафталовского с М.П. Самоквасовым, приведенные в докладе, также соответствуют историческим реалиям того времени: действительно, летом-осенью 1918 г., пользуясь тем, что гражданские власти пока еще очень слабы, отдельные белые офицеры, движимые чувством мести, выводили из тюрем наиболее ненавистных им политических заключенных и устраивали над ними самочинные расправы. Такие случаи известны, например, в Ирбите [1], Екатеринбурге, Златоусте, Кургане и некоторых других уральских городах. Зачастую подобные внесудебные расправы мотивировались якобы имевшей место попыткой заключенных к бегству.

Тем не менее, хотя И.А. Бафталовский, вероятно, весьма точно описал в докладе свой разговор с М.П. Самоквасовым, версия о чудесном спасении членов царской семьи, по моему мнению, недостоверна. Дело в том, что нет никаких документальных свидетельств того, что Самоквасов хоть как-то участвовал в охране и расстреле царской семьи, а также в сокрытии царских останков. Следовательно, все, что он знал об этом, он мог почерпнуть только из случайных разговоров, слухов и сплетен. Можно предположить, что М.П. Самоквасов, поняв, что его ведут на расстрел, выдумал эту версию в надежде, что ему сохранят жизнь, как ценному свидетелю. Думается, что И.А. Бафталовский, поверив Самоквасову, просто выдал желаемое за действительное. Как и многим другим убежденным монархистам, ему психологически трудно было принять страшную правду: большевики расстреляли не только Николая II, но и его жену и детей.

Документ публикуется в современной орфографии. Написание прописных и строчных букв оставлено, как в подлиннике. Слова и части слов, пропущенные или сокращенные в оригинале, а также пропущенные знаки препинания, восстановлены по смыслу и обозначены квадратными скобками – [].

Приложение № 1
Доклад подполковника И.А. Бафталовского о поисках останков
царской семьи группой офицеров из гарнизона Екатеринбурга

Доклад
[по] делу об убийстве в г. Екатеринбурге,
в ночь на 17 июля 1918 г.,
ЦАРСКОЙ СЕМЬИ¹

В ночь с 24 на 25 Июля 1918 г. (нов[ого] ст[иля]), совместными действиями чешских войск и добровольческих частей Сибирской Армии, г. Екатеринбург, столица красного Урала, был взят и остатки разбитой красной армии латыша Берзина² отброшены на Запад, в общем направлении на гор. Пермь.

В составе южной группы чешских войск, которой командовал чех Прапорщик Чила³, входил офицерский отряд Полковника Румши⁴ (ныне в Польской армии занимает высокий пост), в количестве 40 человек офицеров при 1 пулемете. Указанный отряд, принимавший непосредственное участие в наступлении на город, вошел в Екатеринбург в голове Чешских войск и был немедленно использован, как кадр для формирования офицерского батальона.

¹ Авторский заголовок документа.

² Берзин Рейнгольд Иосифович (1888-1938) – советский военный деятель. Из семьи батраков. Член РСДРП с 1905 г. Участник Первой мировой войны. Поручик. В 1917 г. – председатель корпусного комитета 40-го корпуса, член исполкома и Военно-революционного комитета 2-й армии Западного фронта. В июне-ноябре 1918 г. командовал войсками Северо-Урало-Сибирского фронта, затем реорганизованным в 3-ю армию Восточного фронта. С декабря 1918 г. по июнь 1919 г. – инспектор армии Латвийской советской республики. В 1919-1924 гг. – член Реввоенсовета ряда фронтов и военных округов. В 1924 г. ушел в отставку с военной службы. На административно-хозяйственной работе в наркомате земледелия. 10 декабря 1937 г. арестован, 19 марта 1938 г. – расстрелян в Москве. В 1955 г. реабилитирован.

³ Так в документе. Правильно – «Чила». Антонин Чила (1883-1983) – чешский офицер. Родился в 1883 г. в Чехии. В 1909-1914 гг. преподавал гимнастику в различных учебных заведениях Одессы. После начала Первой мировой войны в составе добровольческой Чешской дружины отправился на фронт. В 1917 г. – командир 7-й роты 3-го стрелкового полка Чехословацкого корпуса. 20-23 мая 1918 г. участвовал в Челябинском съезде делегатов частей корпуса в качестве представителя от 3-го полка. Участник Гражданской войны в России. Отряд Чилы занял 25 июля 1918 г. Екатеринбург. 22 августа 1918 г. произведен в чин капитана, 18 декабря 1918 г. – в чин полковника, 6 января 1919 г. – в чин подполковника. С января 1919 г. командир 3-й стрелкового полка, с июня 1919 г. – 10-го стрелкового полка Чехословацкого корпуса. В 1920 г. вернулся в Чехословакию. В 1921-1922 гг. – командир 10-го пехотного полка чешской армии. В 1922-1928 гг. – командир 8-й пехотной бригады. В 1923 г. произведен в чин бригадного генерала. В 1928-1934 гг. – заместитель командующего военным округом в Брно. В 1934-1938 гг. – председатель Дисциплинарного апелляционного комитета. В 1938 г. вышел в отставку. Скончался в 1983 г. в Праге.

⁴ Казимир Румша (1886-1970) – польский офицер. Окончил Виленское военное училище. Участник Первой мировой войны. В 1914 г. в чине поручика попал в плен в Восточной Пруссии, но в 1915 г. сумел бежать и вернулся в Россию, где продолжил службу в 23-м Низовском пехотном полку. В декабре 1917 г. вступил в ряды 1-го польского корпуса. После расформирования корпуса в первой половине 1918 г. – слушатель курсов 3-й очереди Академии Генерального штаба в Екатеринбурге, где организовал подпольную антибольшевистскую организацию. Во время наступления на город чехословаков и белых перешел на их сторону. С октября 1918 г. – командир 1-й стрелкового полка им. Т. Костюшко. В 1919-1920 гг. командовал 5-й польской стрелковой дивизией в Сибири, несшей караульную службу по охране Транссиба. В декабре 1919 г. подавил антиколчаковский мятеж 2-го Барабинского полка в Новониколаевске. Во время Сибирского Ледяного похода сумел избежать плена и пробился во главе небольшого отряда польских офицеров и солдат в Харбин, а затем во Владивосток, откуда отряд был эвакуирован в Польшу. Прибыв в Польшу в июне 1920 г., принял участие в Советско-Польской войне. С 1922 года в резерве. В 1924-1926 гг. – командир бригады пограничной стражи, с 1928 г. вновь в резерве. С 1940 г. – в эмиграции в Великобритании. Занимал различные командные должности в вооруженных силах польского правительства в изгнании. В 1947 г. вышел в отставку. Умер в эмиграции в Лондоне.

Начальник Гарнизона – Генерального Штаба Полковник Шереховский⁵ привлек часть офицеров Отряда к работе в Штабе Гарнизона, возложив на них функции по призыву и формированию офицерских частей, организации разведки и пр[очие].

Вступив в Екатеринбург, офицеры натолкнулись на расклеенные плакаты, коими большевики оповещали население о расстреле ГОСУДАРЯ.

Вот содержание этих плакатов:

«Постановление Президиума Областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Урала от 7/20 Июля 1918 г.

Ввиду того, что чехословацкие банды угрожают красной столице Урала – Екатеринбургу, в виду того, что коронованный палач может избежать народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения всей Романовской Семьи), Президиум Областного Совета, выполняя волю революции, постановил: бывшего Царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых преступлениях перед народом, расстрелять. В ночь с 16 на 17 Июля постановление Президиума Областного Совета приведено в исполнение. Семья Романова перевезена из Екатеринбурга в другое, более безопасное место.

Президиум Областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Урала».

Прочитав эти плакаты, большая часть прибывшего офицерства устремилась в Ипатьевский⁶ Дом, где при большевиках содержалась Императорская семья.

Внутренность дома представляла картину полного разрушения и поспешного бегства: во всех комнатах Августейшей Семьи были в беспорядке разбросаны многочисленные вещи, предметы и вещицы домашнего туалета и обихода, частью испорченные, частью обгорелые; обрывки бумаг, писем, книг и вещей домашней утвари.

Все было порвано, поломано и разбито.

Комната нижнего этажа, где, предполагается, было совершено убийство, носила замытые следы красных пятен (впечатление крови) и многих пулевых пробоин. У всех офицеров и лиц, посетивших в этот день дом Ипатьева,⁷ не сложилось твердого убеждения, что здесь совершено небывалое, зверское убийство.

К вечеру 25 Июля, распоряжением Начальника Гарнизона, к дому был прислан караул, который всех удалил и выставил часовых.

⁵ Шереховский Николай Вячеславович (1870–1920) – русский офицер. Родился в Санкт-Петербурге в дворянской семье. В 1890 г. окончил 2-е военное Константиновское училище, в 1895 г. – Николаевскую академию Генерального штаба. Подпоручик (1889). Поручик (1893). Штабс-капитан (1899). Капитан (1901). Полковник (1910). Генерал-майор (1919). Участник Первой мировой войны. В 1916–1917 гг. – командир 425-го пехотного Каргопольского полка. Участник Гражданской войны на Востоке России. После захвата Екатеринбурга белыми назначен начальником гарнизона города. В 1919 г. – начальник мобилизационного отдела штаба Верховного главнокомандующего. В январе 1920 г. взят красными в плен и 29 апреля того же года расстрелян.

⁶ Так в документе. Правильно – «Ипатьевский».

⁷ Так в документе. Правильно – «Ипатьев». Ипатьев Николай Николаевич (1869–1938) – инженер путей сообщения. В 1889 г. окончил Николаевское инженерное училище, в 1894 г. – Николаевскую инженерную академию. Служил в министерстве путей сообщения. Работал на постройке железных дорог Пермь–Екатеринбург, Тюмень–Омск и др. Владелец дома в Екатеринбурге, где в 1918 г. содержалась в заключении и была расстреляна царская семья. С 1920 г. – в эмиграции в Японии, с 1921 г. – в Чехословакии. Скончался в Праге 22 апреля 1938 г.

Для упорядочения дела расследования и розыска Царской Семьи была назначена особая комиссия, с включением в нее: судебного следователя Екатеринбургского Округного Суда – Намёткина⁸, доктора Деревенко,⁹ камердинера Государя – Чемадурова¹⁰ и как эксперта – Ген[ерального] Шт[аба] Ген[ерал-]Лейт[енанта] Медведева.¹¹

Названная комиссия никаких реальных результатов не дала, а члены ее вынесли разное впечатление: одни полагали, что убита вся Семья, другие же придерживались противоположного взгляда.

Утром 27 Июля в Штаб Екатеринбургского Гарнизона явился Поручик А.А. Шереметьевский¹² и[,] предъявив несколько предметов обгорелой одежды и 3 небольших камня[,] рассказал, что он все время скрывался от большевиков и жил в д. Коптяках (16 верст от Екатеринбурга); 17 Июля крестьяне этой деревни, направляясь на базар в город, были задержаны красноармейскими постами в районе «Урочища Четыре Брата». Красноармейцы им приказали вернуться обратно, указав, что проезд через урочище начальством запрещен, ввиду происходящих там боевых учений.

За время пребывания большевиков в уроч[ище] Четыре Брата, крестьяне слышали отдельные ружейные выстрелы и глухие взрывы, напоминающие разрывы ручных гранат.

⁸ Намёткин Александр Дмитриевич (1875 – не ранее 1919) – следователь, надворный советник (1914). Родился 23 февраля 1875 г. в Симбирске. В 1901 г. окончил юридический факультет Казанского университета. С 1901 г. – на службе в судебных органах Российской империи. С 6 марта 1912 г. – и. д. следователя по важнейшим делам Екатеринбургского окружного суда. 30 июля 1918 г. начал производство предварительного следствия по делу об убийстве Николая II. 7 августа общего собрание Екатеринбургского суда освободило Намёткина от производства дела, после чего он передал следствие И.А. Сергееву. 15 мая 1919 г. назначен членом Пермского окружного суда. Судьба Намёткина после эвакуации судебных учреждений с Урала летом 1919 г. неизвестна.

⁹ Так в документе. Правильно – «Деревенко». Деревенко Владимир Николаевич (1879 – ?) – российский хирург, уролог, автор научных трудов по медицине. В 1899 г. окончил 1-ю Кишиневскую гимназию, в 1904 г. – Императорскую военно-медицинскую академию. Участник Русско-Японской войны. В 1912-1918 гг. – лечащий врач наследника престола цесаревича Алексея. В 1917 г. добровольно последовал за царской семьей в ссылку в Тобольск. В мае 1918 г. перевезен большевиками вместе с Алексеем в Екатеринбург. В Екатеринбурге, как и в Тобольске, жил на свободе, отдельно от царской семьи, периодически навещая Алексея в доме особого назначения. Помог группе офицеров Генерального штаба, намеревавшихся освободить царскую семью, составить план дома Ипатьева. Участвовал в поисках останков царской семьи. В 1920-1923 гг. – руководил кафедрой хирургии Пермского университета, в 1923-1930 гг. – кафедрой Екатеринбургского (Днепропетровского) мединститута. В 1930 г. арестован и осужден на 3 года.

¹⁰ Так в документе. Правильно – «Чемадуров». Чемадуров Терентий Иванович (1849 – 1919) – камердинер Николая II. В 1917 г. добровольно последовал за царской семьей в ссылку в Тобольск. В апреле 1918 г. сопровождал царя при переводе его в Екатеринбург. Находился в доме Ипатьева до 24 мая 1918 г., откуда по болезни был удален и заключен в тюремную больницу. Освобожден занявшими Екатеринбург белыми. Привлекался в качестве свидетеля по делу об убийстве царской семьи.

¹¹ Медведев Александр Иванович (1856 – ?) – русский офицер, автор научных трудов по военному делу. Из донских казаков. В 1894 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Полковник (1903). Генерал-майор (1911). Генерал-лейтенант (1917). В 1911-1914 гг. – ординарный профессор Николаевской военной академии. В 1914-1916 гг. – и. д. начальника штаба Двинского ВО. В 1916-1917 гг. – помощник главного начальника снабжений армий Западного фронта. С 29 апреля 1917 г. – вновь ординарный профессор Николаевской военной академии Генерального штаба. Эвакуировался с академией в 1918 г. в Екатеринбург, затем в Томск, осенью 1919 г. – во Владивосток. В 1922 г. взят красными в плен во Владивостоке.

¹² Так в документе. Правильно – «Шереметьевский». Шереметьевский Андрей Андреевич (1890 – после 1923) – русский офицер. Родился в семье художника, учителя рисования Екатеринбургской мужской гимназии А.А. Шереметьевского (1863-1919). Окончил 2-ю Петергофскую школу прапорщиков. Участник Первой мировой войны. Служил в 1-й Сибирском стрелковом Его Величества полку. В боях был дважды ранен. Поручик. С лета 1918 г. в белых войсках Восточного фронта. Участник поисков останков царской семьи. После отъезда в начале августа 1918 г. Андрея Шереметьевского на фронт, активное участие в работах по откачке воды из шахты в Ганиной Яме принял его старший брат штабс-капитан Александр Шереметьевский. С 1923 г. – в эмиграции в Китае.

Когда красные, под давлением русско-чешских частей, поспешно оставили Екатеринбург и его район, крестьяне д. Коптяки устремились в лес, где и натолкнулись в районе «Ганиной Ямы» на остатки костров, из которых и были извлечены вещи, принесенные им – Поручиком Шереметьевским.

Так как в городе циркулировали усиленные слухи об уничтожении всей Царской Семьи, то естественно показание Поручика Шереметьевского явилось чрезвычайно важным и взбудоражило все офицерство, которое за это время принимало все доступные меры к отысканию тел Царственных Мучеников.

Офицеры Штаба Гарнизона[,] доложив о происшедшем Начальнику Гарнизона Полковнику Шереховскому и получив от последнего разрешение, немедленно приступили к организации поездки в д. Коптяки с целью производства на месте тщательного обследования кострищ и шахт, где предполагали, если убийство действительно совершено, найти останки умученной Державной Семьи.

Явочным порядком собралась группа в 12 человек офицеров в составе:

- 1) Капитан И.А. Бафталовский (г. Данциг)
- 2) Ротмистр Н.В. Бартнев¹³(Мукден. Табачная фабрика)
- 3) Капитан Гершельман¹⁴(в Америке)
- 4) Капитан М.Б. Дмитриев¹⁵(убит в Сибири)
- 5) Капитан А.А. Дурасов¹⁶(умер в Харбине)
- 6) Капитан Малиновский¹⁷(в Харбине)
- 7) Капитан Н.Н. Ивановский¹⁸(в Нью-Йорке)

¹³ Бартнев Николай Васильевич (1925) – русский офицер. Из дворянской семьи Костромской губернии. В 1913 г. окончил Елисаветградское кавалерийское училище. Участник Первой мировой войны. Служил в 13-м гусарском Нарвском полку. Ротмистр (1917). В первой половине 1918 г. – слушатель курсов 3-й очереди Николаевской академии Генерального штаба. Зять начальника академии генерала А.И. Андогского. Участник антибольшевистского подполья в Екатеринбурге. Участник поисков останков царской семьи. С лета 1918 г. в белых войсках Восточного фронта. В 1919 г. – начальник Челябинской кавалерийской школы. С августа 1922 г. – начальник штаба тыла Земской рати, с октября 1922 г. – начальник штаба фронта обороны Владивостока. Полковник. С осени 1922 г. – в эмиграции в Китае, где служил в войсках Чжан Цзолина. Умер от ран 3 декабря 1925 г. в Цзинаньфу.

¹⁴ Гершельман Лев Карлович (1889-1979) – русский офицер. Родился 2 июня 1889 г. В 1907 г. окончил Одесский кадетский корпус, в 1910 г. – Михайловское артиллерийское училище. Служил в лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригаде. Участник Первой мировой войны. Капитан (1917). В первой половине 1918 г. – слушатель старшего класса Николаевской академии Генерального штаба. Участник антибольшевистского подполья в Екатеринбурге. Участник поисков останков царской семьи. С лета 1918 г. в белых войсках Восточного фронта. Начальник штаба Сибирской казачьей дивизии. Подполковник. С 1920 г. – в эмиграции в Китае, затем в США. Скончался 10 июля 1979 г.

¹⁵ Дмитриев Михаил Борисович (? – ?) – русский офицер. Родился в Санкт-Петербурге. Участник Первой мировой войны. Служил в 89-м пехотном Беломорском полку. В первой половине 1918 г. – слушатель курсов 3-й очереди Николаевской академии Генерального штаба. Участник поисков останков царской семьи. С лета 1918 г. в белых войсках Восточного фронта. Осенью 1918 г. – в штабе 2-го Степного Сибирского корпуса. В 1920 г. попал в плен. С 1920 г. – на службе в Красной армии.

¹⁶ Дурасов Александр Александрович (1893-1921) – русский офицер. Из потомственных дворян Бугурусланского уезда Самарской губернии. Родился 6 ноября 1893 г. в семье отставного капитана 2-го ранга А.Ф. Дурасова. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и Павловское военное училище. Участник Первой мировой войны. Служил в лейб-гвардии Гренадерском полку. В боях был контужен, дважды ранен, отравлен удушливыми газами. Штабс-капитан (24.01.1917). В первой половине 1918 г. – слушатель курсов 3-й очереди Николаевской академии Генерального штаба. Участник антибольшевистского подполья в Екатеринбурге. Участник поисков останков царской семьи. С лета 1918 г. в белых войсках Восточного фронта. Осенью 1918 г. – в штабе 3-го Уральского корпуса. С 5 мая 1919 г. – командир батальона в Екатеринбургской учебно-инструкторской школе. Участник Сибирского Ледяного похода. С 1920 г. – в эмиграции в Китае. Умер от тифа 29 августа 1921 г. в Харбине.

¹⁷ Малиновский Дмитрий Аполлонович (1893-1972) – русский офицер. Служил в лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригаде. Участник Первой мировой войны. В боях был дважды ранен. Штабс-капитан (1917). После развала фронта уехал в Новочеркасск, откуда генералом Н.И. Ивановым был

- 8) Капитан Р.М. Политковский¹⁹ (не известно)
- 9) Капитан Сумароков²⁰ (в Харбине)
- 10) Капитан Г.В. Ярцов²¹ (Мукден. Табачная фабрика)
- 11) Капитан Ильин²²
- 12) Поручик Шереметьевский (не известно)

В указанную группу были включены: камердинер Чемадунов, доктор Дервенто и судебный следователь Наметкин.

Утром 30 Июля названная офицерская комиссия начала свою деятельность в районе д. Коптяки. Оцепив постами «Уроч[ище] Четыре Брата»[,] комиссия приступила к опросу крестьян, показания которых в полной мере соответствовали рассказу поручика Шереметьевского и ничего нового не давали.

Далее комиссия направилась в район ур[очища] Четыре Брата; лесная дорога из Коптяков в названное урочище пролегает по густому лесу, который в районе «Ганиной Ямы» образует поляну; на поляне, вправо от дороги, небольшое озеро, которое собственно и носит название «Ганиной Ямы».

направлен в Петроград для переправки на Дон офицеров. В Петрограде вошел в состав организации генерала Шульгина, которой в мае 1918 г. был направлен в Екатеринбург для выяснения условий содержания царской семьи. В Екатеринбурге поступил на старший курс Николаевской академии Генерального штаба. Участник антибольшевистского подполья в Екатеринбурге. Участник поисков останков царской семьи. С лета 1918 г. в белых войсках Восточного фронта. Начальник оперативного отделения штаба гарнизона Екатеринбургa. Осенью 1918 г. – в штабе 3-го Уральского корпуса. Начальник штаба 2-й Оренбургской казачьей дивизии. Летом 1919 г. – помощник начальника Екатеринбургской учебно-инструкторской школы. Участник Сибирского Ледяного похода. С 1920 г. – в эмиграции в Харбине, где работал в управлении КВЖД. Член Общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке. К 1931 г. переехал в США. Умер в Лос-Анжелесе 29 июля 1972 г.

¹⁸ Ивановский Николай Николаевич (? – после 1934) – русский офицер. Участник Первой Мировой войны. Служил в 82-м пехотном Дагестанском полку. Подпоручик (1915). В первой половине 1918 г. – слушатель курсов 3-й очереди Николаевской академии Генерального штаба. Участник поисков останков царской семьи. С лета 1918 г. в белых войсках Восточного фронта. Капитан. Осенью 1918 г. – в штабе 3-го Уральского корпуса. С 1920 г. в эмиграции в США.

¹⁹ Политковский Ростислав Михайлович (1892–07.07.1958) – русский офицер. Из потомственных дворян Ковенской губернии. В 1910 г. окончил Симбирский кадетский корпус, в 1913 г. – Николаевское инженерное училище. Участник Первой мировой войны. В 1914 г. – подпоручик 18-го саперного батальона. Затем стал военным летчиком. Летал на самолетах «Илья Муромец». В первой половине 1918 г. – слушатель курсов 3-й очереди Николаевской академии Генерального штаба. Участник поисков останков царской семьи. С лета 1918 г. в белых войсках Восточного фронта. Осенью 1918 г. – в штабе Сибирской армии, затем в Главном штабе. С 1920 г. – в эмиграции в Китае, затем в Польше, затем в Великобритании. Скончался 7 июля 1958 г. в Данди (Шотландия).

²⁰ Сумароков Евгений Николаевич (?–?) – русский офицер. В 1912 г. окончил Михайловское артиллерийское училище. Участник Первой мировой войны. Служил в лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригаде. Штабс-капитан (1916). В первой половине 1918 г. – слушатель курсов 3-й очереди Николаевской академии Генерального штаба. Участник поисков останков царской семьи. С лета 1918 г. в белых войсках Восточного фронта. Осенью 1918 г. – в штабе 3-го Уральского корпуса. В 1919 г. – старший адъютант штаба Западной армии, затем – и. д. начальника штаба 12-й Сибирской стрелковой дивизии, затем – старший адъютант оперативной части штаба 2-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода. С 1920 г. – в эмиграции в Китае.

²¹ Ярцев (Ярцов) Георгий Владимирович (1890–1957) – русский офицер. Родился 11 декабря 1890 г. В 1911 г. окончил Сибирский кадетский корпус, в 1913 г. – Павловское военное училище. Участник Первой мировой войны. Служил в лейб-гвардии Гренадерском полку. Штабс-капитан (1916). В первой половине 1918 г. – слушатель старшего курса Николаевской академии Генерального штаба. Участник антибольшевистского подполья в Екатеринбурге. Участник поисков останков царской семьи. С лета 1918 г. в белых войсках Восточного фронта. В 1918–1919 гг. – преподаватель офицерской школы на Русском острове во Владивостоке. Подполковник (1919). С 5 мая 1919 г. – начальник Екатеринбургской учебно-инструкторской школы. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции в Китае, затем в США. Скончался в 1957 г. в Сан-Франциско.

²² Ильин Сергей Иванович (1891–?) – русский офицер. Родился 10 января 1891 г. в Санкт-Петербурге. В 1908 г. окончил 1-й кадетский корпус, в 1911 г. – Михайловское артиллерийское училище. Участник Первой мировой войны. Служил в 23-й артиллерийской бригаде. Штабс-капитан (1916). В первой половине 1918 г. – слушатель курсов 3-й очереди Николаевской академии Генерального штаба. Участник поисков останков царской семьи. С лета 1918 г. в белых войсках Восточного фронта. Осенью 1918 г. – в штабе 4-го Восточно-Сибирского корпуса. В 1920 г. попал в плен. С 1920 г. – на службе в Красной армии. Дальнейшая судьба неизвестна.

Южнее в 20 саженьях старая заброшенная шахта в виде двух смежных колодцев и рядом с ней остаток костра в диаметре около 3-х аршин, в 10 саженьях к югу второй костер того же размера.

Наружный осмотр шахты дал следующее: стенки колодцев, имеющих почти квадратную форму, выложены бревнами длиною: в первом колодце до 1 ½ аршин и во втором свыше 2 аршин. На глубине 3 саженьей – вода, на поверхности которой плавают сосновые ветки, палки и кора.

Внешний осмотр сруба указал, что в шахту бросались ручные гранаты, так как на бревнах имелось много пробоин и мелких осколков гранат.

Спустившийся на веревке во вторую шахту Капитан И.А. Бафталовский извлек из последней кусок материи защитного цвета, список советских телефонных абонентов и осколки ручных гранат, засевших в стенках сруба.

Обследовав глубину шахты[,] Капитан Бафталовский обнаружил[,] что под слоем воды имеется пласт льда, во всю площадь шахты, под которым опять вода. Общая глубина шахты была установлена приблизительно до 5 саж[еней].

Вторая шахта была в таком же состоянии.

Мысль о том, что УМУЧЕННЫЕ ТЕЛА БЫЛИ СБРОШЕНЫ В ШАХТУ – ОТПАЛА, ибо наличие льда во всю ширину шахты не позволяло это сделать; полагая, что там все же могут быть найдены какие-нибудь следы преступления, комиссия решила приступить незамедлительно к откачиванию воды.

Производство и ведение работ по выкачиванию воды из шахт было поручено и возложено на Поручика Шереметьевского, коему в помощь были даны военнопленные. Оставались одни костры, которые и могли хранить тайну смерти Царской Семьи.

Приступив к тщательному осмотру и изучению кострищ, офицеры прежде всего обратили внимание на следующее:

1) На слишком незначительное количество золы и пепла, что определенно указывало на затрату для костров небольшого количества топлива, абсолютно недостаточного для сожжения 12 человеческих тел.

2) На внешний вид костров, имевших совершенно нетронутый и естественный вид.

Второе положение было дополнительно еще подтверждено результатами осмотра окружающей местности, коими установлено, что нигде никаких следов от костров не имеется, следовательно[,] мысль о разброске костров, после сожжения тел, отпадает.

Приступив к осмотру и раскапыванию костров, членами комиссии последовательно извлечены из них следующие предметы и вещи, кои были опознаны Чемадуриным и Деревенько, как принадлежащие Царской Фамилии:

1) Громадный центральный бриллиант шейного украшения Государыни Императрицы.

2) Два изумрудных крестика – из головн[ых] украш[ений] Великих Княжен.

3) Две тупельные пряжки Великих княжен с алмазами.

4) Много драгоценных камней: бриллианты, рубины, сапфиры, топазы и пр[очее], как в целом виде, так и с осколками.

5) Медная пряжка от пояса Наследника Цесаревича с двуглавым орл[ом].

6) Пуговицы, корсетные косточки (железные), пряжки от подвязок, крючки, дамские пуговицы, кнопки и пр[очее].

- 7) Разломанные иконки.
- 8) Куски эмали от образков.
- 9) Пробка с короной.

10) И много больших и маленьких кусков от обгорелых платьев (до ¼ аршина).

Когда все указанные вещи были извлечены из костров, у членов комиссии возникла мысль: каким же образом попали все эти драгоценности в костры, если здесь не были и не могли быть сожжены Царские Тела.

Присутствующий здесь камердинер Чемадуrow дал объяснение в том смысле, что все эти драгоценности, по указанию Государыни Императрицы, были зашиты Великими Княжнами в складки одежды, пуговицы и пр[очее], с целью сохранения их, как последнего ресурса к жизни, так как со стороны большевицкого конвоя были попытки, еще и в Тобольске, ограбить Семью.

Вывод у всех офицеров и членов комиссии создался определенный: **СОЖЖЕНИЯ ЦАРСКИХ ТЕЛ ЗДЕСЬ НЕ БЫЛО**, огнем же была уничтожена только одежда Царской Семьи.

Эта мысль подтверждалась еще и тем, что в остатках кострищ не было найдено ни одного кусочка кости, а тем паче зубов.²³

Вслед за осмотром костров комиссия приступила к тщательному обследованию местности «уроч[ища] Четыре Брата»; установив границы района, который был оцеплен красными заставами в период с 17 по 19 Июля, офицеры при содействии отрядов бойскаутов прошли несколько раз всю местность по всем направлениям, выстукивая и осматривая каждый кусочек – результатов никаких.

Вся окружающая местность была в своем естественном, нетронутom виде и не носила ни малейших следов и признаков пребывания людей.

Сомнительные места подвергались раскапыванию, но безрезультатному.

Ни Царских Тел, ни их останков, ни в кострах, ни в шахтах обнаружено не было.

Все члены комиссии, не сговариваясь, вынесли совершенно определенное впечатление, что здесь[,] в районе «Ганиной Ямы»[,] была СИМУЛЯЦИЯ УБИЙСТВА, о чем и было занесено в протокол, подписанный всеми присутствующими.

1-го Августа комиссия вернулась в Екатеринбург и результаты своей работы в виде вещественных доказательств и протокола – сдала новому Начальнику Гарнизона – Генералу Голицину²⁴, который[,] в свою очередь[,]

²³ Подчеркнуто автором доклада.

²⁴ Так в документе. Правильно – «Голицын». Голицын Владимир Васильевич (1878 – не ранее декабря 1919) – генерал-лейтенант русской армии. Из потомственных дворян Рязанской и Тверской губерний. Окончил Полоцкий кадетский корпус и Александровское военное училище. Участник Русско-Японской и Первой мировой войны. В 1917 г. входил в окружение командующего русской армией Л.Г. Корнилова. Участник Ледяного похода Добровольческой армии. После гибели генерала Л.Г. Корнилова уехал в Сибирь. В июле 1918 г. принимал участие во взятии Екатеринбурга, вскоре был назначен начальником гарнизона Екатеринбурга. Находясь на этом посту, инициировал и оказывал всяческое содействие расследованию гибели царской семьи. В августе-декабре 1918 г. – командир 7-й Уральской дивизии горных стрелков. С 24 декабря 1918 г. по 11 июня 1919 г. – командир 3-го Уральского корпуса горных стрелков. 28 августа 1919 г. назначен начальником формирования добровольческих отрядов. В декабре 1919 г. во время отступления колчаковской армии пропал без вести.

все Царское Дело передал Военному Министру и Командующему Сибирской Армией – Генерал-Майору Гришину-Алмазову.²⁵

В районе Ганиной Ямы остался поручик Шереметьевский и несколько офицеров, которые и продолжали упорную работу по откачиванию шахт и озера.

2-го Августа 1918 г. чинами контрразведывательного отделения Штаба Екатеринбургского Гарнизона был пойман, арестован и посажен в арестный дом – быв[ший] председатель революционного Екате[ринбургского] трибунала солдат САМОКВАСОВ, который в свое время страшно зверствовал и особенно в отношении офицеров.

Комендант Города Полковник Сабельников²⁶ передал по телефону об этом в Штаб Гарнизона Капитану Бафталовскому и просил последнего взять на себя перевод названного больш[евистского] деятеля в городскую тюрьму, расположенную одиноко за городом.

Поздно вечером того же числа Капитан Бафталовский, взяв из офицерской роты конвой в 6 человек, явился в арестный дом и[,] предъявив предписание Комен[данта] Города, взял под свой караул Самоквасова (высокого роста, 30 лет, шатен с небольшой бородой; при входе в его камеру у него на груди висел солдатский Георгиевский Крест, тут же с него сорванный).

Выведя Самоквасова на глухую окраину города в направлении тюрьмы (за цирк), Капитан Бафталовский остановил часовых и устроил ему допрос, как видному большевицкому лицу и деятелю, коему не могло не быть известным об участии[,] постигшей Императорскую Семью.

На заданный ему вопрос: «Какая участь постигла Царскую Семью и что произошло в лесу около д. Коптяки», последний ответил буквально следующее: «Г[осподин] Капитан. Я чувствую и отлично знаю, что сейчас Вы меня расстреляете, поэтому в такую минуту буду говорить[,] как перед Богом. ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ ЖИВА. В ур[очище] Четыре Брата была симуляция убийства. Их переодели в простые крестьянские платья и увезли под Пермь. Царские же платья были сожжены в кострах. Вот все, что мне известно[»].

На вопрос: «Распространяется ли все сказанное на всю Семью или только на отдельных Членов», Самоквасов ответил: «На всю Семью, кроме Государя, участь Последнего мне неизвестна».

²⁵ Гришин (Алмазов) Алексей Николаевич (1880-1919) – военный деятель Белого движения. Родился в дворянской семье. Образование получил в Воронежском кадетском корпусе. В 1902 г. окончил Михайловское артиллерийское училище. Участник Русско-Японской и Первой мировой войн. Подполковник (1917). Весной 1918 г. под псевдонимом «Алмазов» возглавил работу подпольных антибольшевистских организаций в Сибири. 13 июня 1918 г. назначен командующим формируемой в Сибири Западно-Сибирской (Сибирской) армии. 1 июля 1918 г. занял пост военного министра Временного Сибирского правительства. 10 июля 1918 г. за военные заслуги получил чин генерал-майора. После конфликта с английским консулом Т. Престоном, 5 сентября 1918 г. был отправлен в отставку и выехал в расположение Добровольческой армии. В декабре 1918 – марте 1919 г. – военный губернатор Одессы. 5 мая 1919 г. застрелился, не желая сдаваться в плен, когда пароход, на котором он плыл по Каспийскому морю, возвращаясь в Сибирь, был захвачен красными.

²⁶ Сабельников Николай Григорьевич (1886-1919) – русский офицер. Военный летчик. Родился 13 октября 1886 г. В 1913 г. окончил Офицерскую воздухоплавательную школу в Гатчине. Участник Первой мировой войны. Помощник инспектора авиации армий Западного фронта. После захвата Екатеринбурга белыми – комендант города. Полковник (1918). Осенью 1918 г. – в оперативном отделении штаба Сибирской армии, затем начальник штаба гарнизона Омска. В январе-июле 1919 г. – начальник штаба 6-й Уральской дивизии горных стрелков, затем – в штабе Московской группы армий. Участник Сибирского Ледяного похода. С 17 октября 1919 г. – помощник начальника 7-й Уральской дивизии горных стрелков. Умер от тифа на станции Чаны Томской губернии.

Все дальнейшие попытки добиться от Самоквасова истины об участии Государя Императора неизменно приводили к одному его ответу: «Я сказал сущую правду, как перед Богом. Больше ничего не знаю».

Последними его предсмертными словами были: «Я сказал правду».

Живым свидетелем допроса Самоквасова является Полковник Николай Васильевич БАРТЕНЕВ, ныне живущий в Мукдене и служащий на табачной фабрике.

Вот все то, что удалось первой офицерской комиссии и отдельным ее членам, работавшим по горячим следам, найти, узнать и добиться в вопросе Царского Дела.

В дальнейшем почти все члены комиссии, в силу боевой обстановки, обратились к исполнению своих прямых обязанностей и только поручик Шереметьевский, с согласия Начальника Гарнизона, продолжал работу по откачиванию воды из шахт.

Многим членам комиссии уже из писем, от своих друзей-офицеров[,] остававшихся в Екатеринбурге, стало известным, что откачать воду их шахт и Ганиной Ямы удалось только к 28 Августа, но там реальных признаков убийства или вещественных данных, указывающих на сожжение[,] НАЙДЕНО НЕ БЫЛО.²⁷

Причисленный к Генеральному Штабу
Подполковник *Бафталовский*

Данциг
26.07.[19]24 г.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 241. Л. 1-8. Подлинник. Машинопись с подписью-автографом.

Список литературы

1. Вебер М.И. Эсер на службе у Колчака: Управляющий Ирбитским уездом в 1918-1919 гг. М.А. Аتماкин // Россия XXI. 2013. № 5. С. 134-161.
2. Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (август 1918 – февраль 1920). Сб. док. / сост. Н. Росс. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1987. 644 с.
3. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914-1920. М.: Русский путь, 2016. 480 с.

²⁷ На первой странице документа стоит штамп «Русский Заграничный Исторический Архив. Прага. № 5788».

Павлова Наталия Анатольевна

Заместитель начальника отдела научно - публикаторской
деятельности Пермского государственного архива
социально-политической истории,
г. Пермь, ул. Екатерининская 162, 614000,
nsa@permgaspi.ru
Преподаватель истории МАОУ «СОШ-ИТ № 10 г.Перми»,
г. Пермь, ул. Г. Успенского 9, 614016,
s1087@mail.ru

Пребывание в г. Пермь и трагическая гибель Н.Н. Жонсона в документах ПермГАСПИ

Аннотация. В статье идет речь о документах Пермского государственного архива социально-политической истории, которые имеют отношение к судьбе Николая Николаевича Джонсона, который был убит в окрестностях г. Перми в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. вместе с Великим Князем Михаилом Александровичем. Автор рассказывает об основных группах этих документов и приводится их краткое содержание. Часть из упомянутых источников были выявлены в фондах Пермского государственного архива социально-политической истории и публикуются впервые.

Ключевые слова: город Пермь, Великий Князь, личный секретарь, гибель, архив, воспоминания, фотографии.

В фондах Пермского государственного архива социально-политической истории хранятся документы Николая Николаевича Жонсона, секретаря Великого Князя Михаила Александровича, связанные с его трагической гибелью. Их можно разделить на несколько групп. Первую часть составляют воспоминания и автобиографии организаторов и участников убийства Жонсона и Великого Князя, в которых непосредственно идет речь об этой акции или упоминается о ней. Это воспоминания Андрея Васильевича Маркова¹, занимавшего в 1918 г. должность комиссара по национализации и управлению культурно-просветительными учреждениями г. Перми. Данный источник содержит наиболее подробную информацию о похищении и убийстве Великого Князя Михаила Александровича в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. и во многом благодаря им в свое время и стали известны подробности этого преступления. Согласно версии, изложенной А.В. Марковым, план похищения и убийства Михаила Александровича был разработан им самим, а также начальником Пермской милиции, комиссаром по охране г. Перми Василием Алексеевичем Иванченко и заместителем руководителя Пермской

¹ПермГАСПИ. Ф.90. Оп.2М. Д.6. Л.17-21

губернской ЧК Гавриилом Ильичем Мясниковым. В последствии к этому делу были привлечены доброволец Мотовилихинской боевой партийной дружины Иван Федорович Колпачиков, помощник начальника Мотовилихинской милиции Николай Васильевич Жужгов и помощник начальника Пермской милиции Василий Андреевич Дрокин. В курсе задуманного были также руководитель Пермской губернской ЧК Павел Иванович Малков и председатель Пермского губисполкома Владимир Александрович Сорокин. В ночь с 12 на 13 июня 1918 г. А.В. Марков, В.И. Иванченко, Н.В. Жужгов и Ф.И. Колпачиков силой забрали Великого Князя Михаила Александровича и Н.Н. Жонсона из гостиницы «Королевские номера», где они проживали. Отвезя примерно за 6 километров от Мотовилихи, расстреляли их в лесном массиве.

Следующие воспоминания принадлежат члену коллегии Пермской губернской ЧК Александру Васильевичу Трофимовому². Его задачей было прибыть в гостиницу «Королевские номера» сразу же, как только кто-либо из окружения Великого Князя сообщит о похищении в ЧК, создать там видимость организации поиска, не спеша собрать информацию о так называемых «похитителях», а на деле затянуть время, чтобы дать возможность группе В.И. Иванченко, Н.В. Жужгова, А.В. Маркова и И.Ф. Колпачикова произвести расстрел и вернуться в город до того, как будет объявлена тревога в связи с исчезновением Михаила Александровича.

Фонд архива содержит справку о расстреле Великого Князя Михаила Александровича, составленную руководителем Пермской губернской ЧК Павлом Ивановичем Малковым³. В своей автобиографии⁴, находящейся на хранении в ПермГАСПИ, П.И. Малков отмечает свою сопричастность к организации похищения и убийства Михаила Александровича, наряду с А.В. Трофимовым и А.В. Марковым. Не так давно в одном из фондов архива была обнаружена и автобиография помощника начальника Пермской милиции Василия Андреевича Дрокина⁵, в которой он упоминает о своём участии в группе по организации похищения и убийства.

Следующую группу документов составляют воспоминания пермских большевиков, в которых упоминается о нахождении в г. Перми в 1918 г. Н.Н. Жонсона и Великого Князя, видевших его в г. Перми, или слышавших что-либо о его расстреле, но в организации и осуществлении самого убийства участия не принимавших. К этой группе относятся воспоминания председателя следственной комиссии при Пермском окружном суде 2-го участка Александра Алексеевича Микова⁶, в которых отмечается, что среди пермских большевиков неоднократно велись разговоры о возможном устранении Великого Князя, участником которых был и сам автор воспоминаний. В ПермГАСПИ хранятся воспоминания Пермского губернского военного комиссара Арсения Мартемьяновича Зверева⁷, который отвечал за охрану Великого Князя, когда он, после освобождения из-под ареста, проживал

² ПермГАСПИ. Ф.90. Оп.2Т. Д.16. Л.19

³ ПермГАСПИ. Ф.90. Оп.2М. Д.6. Л.28

⁴ ПермГАСПИ. Ф.90. Оп.2М. Д.1. Л.19-25

⁵ ПермГАСПИ. Ф.233. Оп.1. Д.12. Л.27-28

⁶ ПермГАСПИ. Ф.90. Оп.2М. Д.226. Л.50-53

⁷ ПермГАСПИ. Ф.90. Оп.2Н. Д.9. Л.33-34

в здании бывшего благородного собрания. К этой же группе документов можно отнести и воспоминания Владимира Федоровича Сивкова⁸, который в апреле-июне 1918 г. командовал красногвардейским отрядом чувских рабочих, находящимся в г. Перми. В.Ф. Сивков пишет, что видел в здании бывшего благородного собрания Великого Князя Михаила Александровича и дважды разговаривал о нем со своим другом, руководителем Пермской губернской ЧК П.И. Малковым.

Обратим внимание на воспоминания заведующего финансовым отделом Пермского горисполкома Михаила Федоровича Горшкова⁹ и автобиографии комиссара 1-го участка милиции г. Перми Александра Азиевича Шамарина.¹⁰ Эти люди пишут, что Великий князь Михаил Александрович был расстрелян по прямому указанию приехавших в г. Пермь руководителя Уральской областной ЧК Ф.Н. Лукоянова и председателя Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов А.Г. Белобородова.

Следующую группу составляют находящиеся на хранении в ПермГАСПИ документы партийных и советских учреждений, имеющие отношение к судьбе Великого Князя Михаила Александровича и приехавших с ним людей. Это протокол пленарного заседания Пермского губисполкома от 25 марта 1918 г., на котором принималось решение об аресте Великого Князя Михаила Александровича и заключении его в Пермскую тюремную больницу, а сопровождающих его лиц в тюрьму на общий режим¹¹ и список лиц, расстрелянных по постановлению Пермской губернской ЧК в 1918 г.¹² В ПермГАСПИ хранится переписка Пермского губкома РКП(б) и Пермского окружкома РКП(б) с комиссией по истории Октябрьской революции и РКП(б) (истпарт) при ЦК РКП(б), по поводу отправки в эту комиссию документов, связанных с убийством великого Князя Михаила Александровича.¹³

Отдельно нужно остановиться на хранящейся в нашем архиве переписке Пермского окружного истпарт с Уральским областным истпарт и институтом им. В.И. Ленина при ЦК ВКП(б) относительно роли в убийстве Великого Князя Михаила Александровича в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. сотрудника Мотовилихинской милиции Иосифа Георгиевича Новоселова.¹⁴ В августе 1928 г. И.Г. Новоселов, проживая на территории Шадринского округа Уральской области, написал письмо в газету «Правда», где утверждал, что является одним из участников расстрела Михаила Александровича, настаивая на том, что вместе с ним в убийстве участвовал только Н.В. Жужгов, а И.Ф. Колпащиков, В.А. Иванченко и А.В. Марков просто присвоили себе чужой «исторический подвиг». Копия этого письма храниться в одном из фондов ПермГАСПИ. И.Г. Новоселов писал не только в газету «Правда», но и в ЦК ВКП(б), и в Уральский обком партии. Они, в свою очередь, направляли запросы в Пермский окружной истпарт, с просьбой прояснить роль этого человека в убийстве

⁸ ПермГАСПИ. Ф.39. Оп.1. Д.5. Л.17-19

⁹ ПермГАСПИ. Ф.90. Оп.2Г. Д.19а. Л.67-68

¹⁰ ПермГАСПИ. Ф.90. Оп.2Ш. Д.6. Л.1-8

¹¹ ПермГАСПИ. Ф.90. Оп.4. Д.861. Л.24

¹² ПермГАСПИ. Ф.90. Оп.4. Д.882. Л.27, 28

¹³ ПермГАСПИ. Ф.557. Оп.2. Д.216. Л.57, 83, 84, 86, 96

¹⁴ ПермГАСПИ. Ф.2. Оп.5. Д.258. Л.36, 43, 52, 54

Великого Князя. Сотрудники Пермского истпарт уточнили этот вопрос и составили ответы, направленные в Отдел местных истпартов Института им. В.И. Ленина при ЦК ВКП(б) и в Уральский областной истпарт, копии которых также хранятся в ПермГАСПИ. Из этих ответов следует, когда А.В. Марков, В.И. Иванченко, Н.В. Жужгов и Ф.И. Колпащиков везли Михаила Александровича и Н.Н. Жонсона на расстрел, то, проезжая через Мотовилиху, они захватили с собой дежурного милиционера с лопатой, которым и был И.Г. Новоселов. Взят он был для того, чтобы закапывать трупы расстрелянных. Поскольку тела Великого Князя и его секретаря в ту ночь не зарывали, а только забросали ветками, то И.Г. Новоселов проездил тогда совершенно напрасно. На следующую ночь после расстрела Н.В. Жужгов и И.Ф. Колпащиков съездили на место убийства и зарыли трупы Михаила Александровича и Н.Н. Джонсона уже без помощи И.Г. Новоселова. Тем не менее, хранящаяся в ПермГАСПИ переписка доказывает, что И.Г. Новоселов был в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. с участниками расстрела Великого Князя на месте убийства.

В архивном фонде имеются две групповые фотографии организаторов и участников убийства Михаила Александровича и Н.Н. Жонсона. На первой¹⁵ изображены В.И. Иванченко, А.В. Марков, Г.И. Мясников, Н.В. Жужгов, Ф.И. Колпащиков и В.А. Дрокин; на второй¹⁶ те же самые люди, только без В.А. Дрокина. Имеются на хранении в ПермГАСПИ и портреты А.В. Маркова¹⁷, В.А. Иванченко¹⁸, В.А. Дрокина¹⁹, А.В. Трофимова²⁰, И.Ф. Колпащикова²¹, А.А. Шамарина²², П.И. Малкова²³, А.А. Микова²⁴ и А.М. Зверева.²⁵

Документы, о которых шла речь в данном докладе, находятся в фондах Пермского губкома РКП(б), Пермского окружкома партии, Мотовилихинского райкома КПСС, Пермского филиала общества старых большевиков, коллекции документов по истории Пермских областных организаций КПСС и ВЛКСМ, коллекции фотодокументов архива.

В августе 2017 г. внучатый племянник Н.Н. Жонсона Владимир Быстров, гражданин Чешской Республики, передал ПермГАСПИ электронные копии документов Н.Н. Жонсона. Среди них находились: свидетельство о рождении Н.Н. Жонсона, послужной список его отца, капитана Российской императорской армии Н.А. Жонсона, генеалогические схемы по истории семьи Н.Н. Жонсона, фотографии самого Н.Н. Жонсона, сделанные в разные годы его жизни, фотографии его родителей и сестер и т.д. Из них 10 портретов Н.Н. Жонсона и его родителей; 9 семейных фотографий; 16 фотографий, сделанных в замке Небуорт (Великобритания), где Великий Князь и Н.Н. Жонсон жили в период с 1913 год по 1914 гг.; 10 текстовых документов. Всего 52 единицы документов.

¹⁵ ПермГАСПИ. Ф.8043. Оп.1Б. Д.184. Л.1

¹⁶ ПермГАСПИ. Ф.8043. Оп.1Б. Д.185. Л.1

¹⁷ ПермГАСПИ. Ф.90. Оп.46. Д.6. Л.10

¹⁸ ПермГАСПИ. Ф.8043. Оп.3И. Д.8. Л.1

¹⁹ ПермГАСПИ. Ф.90. Оп.2Д. Д.39. Л.20, 24

²⁰ ПермГАСПИ. Ф.8043. Оп.3Т. Д.6. Л.3

²¹ ПермГАСПИ. Ф.90. Оп.23. Д.44. Л. 25, 26

²² ПермГАСПИ. Ф.90. Оп.2Ш. Д.6. Л.1

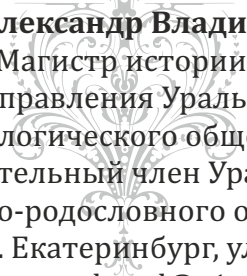
²³ ПермГАСПИ. Ф.8043. Оп.3М. Д.29. Л.2

²⁴ ПермГАСПИ. Ф.8043. Оп.3М. Д.5. Л.3

²⁵ ПермГАСПИ. Ф.90. Оп.23. Д.24. Л.

Список источников

1. ПермГАСПИ (Пермский государственный архив социально-политической истории). Ф. 1 «Пермский горком КПСС».
2. ПермГАСПИ. Ф. 2 «Пермский окружком ВКП(б)».
3. ПермГАСПИ. Ф. 39 «Личный фонд Сивкова Владимира Федоровича – участника революционного движения и гражданской войны в Прикамье».
4. ПермГАСПИ. Ф. 90 «Коллекция документов по истории Пермских областных организаций КПСС и ВЛКСМ».
5. ПермГАСПИ. Ф. 233 «Пермский филиал общества старых большевиков».
6. ПермГАСПИ. Ф. 557 «Пермский губком РКП(б)».
7. ПермГАСПИ. Ф. 8043 «Коллекция фотодокументов архива».

Автаев Александр Владимирович
Магистр истории,
член правления Уральского
генеалогического общества,
Действительный член Уральского
историко-родословного общества
620137. г. Екатеринбург, ул. Мира, 3
poet-rodoved@e1.ru

Встреча прадеда с великим князем Михаилом Романовым

Аннотация. В статье описывается уникальная встреча прапрадеда автора с Великим князем Михаилом Романовым.

Ключевые слова: Россия; самодержавие; семейная история; история повседневности; родословная; генеалогия; истории из жизни.

1930 – 40-е годы. Если об этом непростом времени мы можем еще услышать от своих бабушек и дедушек, то о начале XX века теперь знают, пожалуй, только историки. Однако, им известна лишь общая картина той эпохи. Но, у каждой семьи есть свои «предания старины глубокой», легенды и прочие рассказы. Ими дополняется всероссийская история. И они связывают незримыми нитями нас современных и наших предков

Честно сказать, я сожалел, что у нас нет, как мне казалось, семейных историй, фотографий, относящихся ко временам Российской Империи. Бурные события войн, нескончаемых переворотов и революций первой четверти XX века заставляли семьи срывать с нажитых мест и, зачастую бросая всю имуществу, бежать куда глаза глядят от ужасающих событий. Люди брали с собой самое необходимое, и в этом списке вряд ли были фотографии. Они утеряны или сожжены... а вместе с ними и память – та ниточка, ведшая от крестьянских предков к их компьютерозависимым потомкам. Бежавшие, впоследствии, возможно, стремились забыть ужасы лихих времен. Предполагаю, что этим можно объяснить отсутствие у многих современных потомков дореволюционных фотографий. Прибавить можно и частые переезды семьи. Однако чудеса все же случаются и в наше время. Благодаря настойчивым поискам генеалогов и историков, все же находятся и фотографии и интересные истории из той, к сожалению, ушедшей эпохи.

Так произошло и у меня в семье.

Порой так получается, что даже небольшой эпизод из жизни человека рассказывает о его деловых качествах. Так вышло и с моим прапрадедом Василием Федоровичем Забелиным (Козловым). Он родился в 1888 году в д. Полянки Ильинской волости Молвитинского уезда Костромской губернии

(ныне – Сусанинского р-на Костромской обл.). Крестьянин-бедняк, он имел крепкое хозяйство: корова, лошадь, мелкая живность и ладный дом...

Мы о нем знаем немного (ввиду утраты многих документов и фотографий), поэтому любая история, с ним приключившаяся, лично для меня, как для историка и генеалога, бесценна.

Как-то пришел я к бабушке. За чаем разговорились. И она сказала, что была в гостях у своей двоюродной сестры Тамары Фетисовой (к сожалению, уже ушедшей). Как водится, вспоминали они свою молодость и всех ушедших. И тетя Тома рассказала историю, напрямую касающуюся их деда Василия (моего прапрадеда).

Вот эта история:

«Начало XX века¹. Зимой все крестьяне уходили на отхожие промыслы в большие города: в данном случае – Петербург. Дед Василий, был отменным точильщиком. Он точил ножи, топоры, ножницы, правил (как тогда говорили) бритвы и прочие инструменты². Как-то проходил Василий Федорович мимо одного богатого особняка или дворца, откуда вышел барин. Подозвал он деда Василия и спрашивает его:

– Сможешь наточить вот этот нож? – и подает деду ножичек.

– Отчего же не смочь? – ответил дед Василий, – Смогу.

– Сколько времени тебе потребуется? – спросил барин.

– Полчаса, – ответил мой прадед.

Через полчаса барин вернулся посмотреть и оценить работу.

– Хорошо сделал, – похвалил он прадеда за работу и дал ему 3 рубля. Для того времени 3 рубля были очень большие деньги, особенно для крестьян.

– У меня нет сдачи, барин... – грустно сказал дед Василий.

– И не надо! – весело ответил барин и пошел прочь.

Им оказался брат Императора Николая II Великий князь Михаил Александрович Романов.

Накупил мой прапрадед подарков для домашних и сразу подался на радостях домой».

Вот такие бывают удивительные истории. Они нам говорят, что еще не все потеряно...

К слову сказать, в Первую мировую войну мой прапрадед Василий Федорович Забелин служил денщиком полкового врача.

¹Точной даты нет. Думаю, это было в начале 1910-х гг.

²Точильщики, проходя по улицам, выкрикивали: «Точу ножи, ножницы, бритвы правлю...»

Сведения об авторах

Автаев Александр Владимирович, магистр истории, член правления Уральского генеалогического общества, Действительный член Уральского историко-родословного общества, poet-rodoved@e1.ru

Вебер Михаил Игоревич, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории, Институт истории и археологии УрО РАН, mikeveber@mail.ru

Голикова Светлана Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, avokilog@mail.ru

Зубков Константин Иванович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, zubkov.konstantin@gmail.com

Капустин Александр Александрович, кандидат исторических наук, Управление архивами Свердловской области, начальник управления, a.kapustin@egov66.ru

Каримова Надежда Сергеевна, архитектор, религиовед, старший преподаватель Екатеринбургской Духовной Семинарии, nsk2004@list.ru

Кирилл, Митрополит Екатеринбургский и Верхотурский, kcb_eparhia@bk.ru

Князев Валентин Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и биоэтики, Уральский государственный медицинский университет (УГМУ), kn.va.m@yandex.ru

Креков Павел Владимирович, заместитель губернатора Свердловской области, p.krekov@egov66.ru

Куликов Сергей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский Институт истории РАН, sergeykulikov70@mail.ru

Курлаев Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, kurlaev@e1.ru

Кырчиков Максим Сергеевич, выпускник аспирантуры, Институт истории и археологии УрО РАН, ассистент кафедры гуманитарного образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, maksim_kyrchikov@mail.ru

Майоров Владислав Николаевич, военный журналист, полковник запаса, it_ofk60@ufk62.ru

Начапкин Максим Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения, Российский государственный профессионально-педагогический университет, maks.nachapkin@mail.ru

Неуймин Николай Борисович, заведующий отделом истории династии Романовых, ГАУК СО «Свердловский областной краеведческий музей» (СОКМ), 01nik62@mail.ru

Огоновская Изабелла Станиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарного образования, СУНЦ (Специализированный учебно-научный центр), Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Izabella-irgo@mail.ru

Павлова Наталия Анатольевна, заместитель начальника отдела научно-публикаторской деятельности, Пермский государственный архив социально-политической истории, преподаватель истории МАОУ «СОШ-ИТ № 10 г. Пермь», nsa@permgaspi.ru, s1087@mail.ru

Печерин Андрей Владимирович, сотрудник кафедры церковной истории и гуманитарных дисциплин, Екатеринбургская духовная семинария, epds_arhiv@mail.ru

Рукоусев Евгений Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, rukosuev@mail.ru

Сидоренко Надежда Семёновна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и права, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (ЮУрГГУ), sidorenkons@ Rambler.ru

Силин Яков Петрович, доктор экономических наук, ректор, Уральский государственный экономический университет, odo@usue.ru

Сосунова Алевтина Васильевна, советник директора, Евразийский фонд национального наследия «Строгановф», fund-fs@mail.ru

Танаев Владимир Михайлович, магистр частного права, старший преподаватель юридического факультета, Гуманитарный университет, tvn16types@yandex.ru

Трофимов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Уральский государственный экономический университет, профессор кафедры истории и философии, 2519612@ Rambler.ru

Научное издание

УРАЛ В СУДЬБЕ РОМАНОВЫХ

Материалы Всероссийской научно – практической
конференции, посвященной 100 – летию со дня
расстрела царской семьи

Екатеринбург, 25 октября 2017 г.

Ответственные за выпуск:

Р.В. Краснов, М.С. Кырчиков

Редактор: А.И. Киселев

Верстка: Д.С. Бочаров

Подписано в печать (30 ноября 2017),
тираж – 500

Уральский государственный экономический университет
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной воли, д. 62/45.
Тел.: (343) 257-91-40, 221-17-07

Отпечатано в типографии «Союзрегионторг»

Адрес: Белинского, 6а

Тел: +7 (343) 266-47-74

